Об
30
М82
Москва
век
прошлом
и
настоящем
Вып 10
БФ
1

Государственная публичная историческая библиотека

ПАСПОРТ КНИГА ИМЕЕТ:

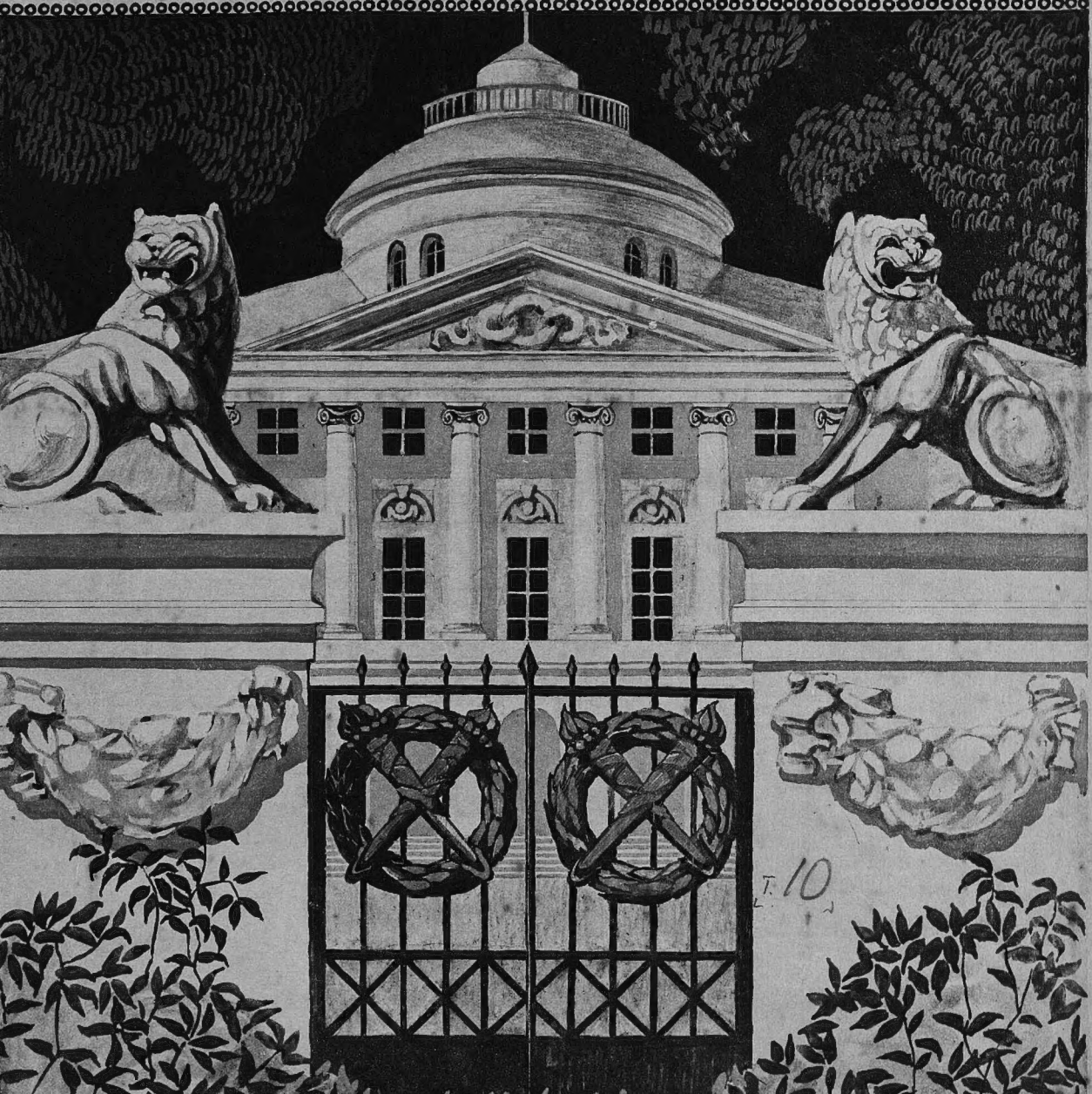
Шифр	Инвентарный №
Д6 30 / М82	20142.31
	№ тома 10
	Список № порядковый №
88	Количество страниц
	Отд. томов, вып. №№
27 л.	Таблиц, карт, иллюстраций
	Особые ценности: рукопись, автограф, письмо и т. п.
	Дефекты
	Печатных листов
1/2 53.	Обрез

563. ГПИБ

К 62 01/21
С.Р

МОСКВА

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.



Т. 10

МОСК.
КН.-ИЗД. Т-ВО
„ОБРАЗОВАНІЕ."

ДБ
30
М82
Т. 10
К62 01/21
СФ
693

МОСКВА
ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

М. ДЕМЬЯНОВ

1911

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Ист. Муз.
№ 20142
26 XI 1931 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
20142 - 31

Готическій мостъ въ подмосковной „Марѳино“.

Домъ и церковь въ подмосковной кн. Голицына—„Дубровицы“.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Предпринимая исторію Москвы, мы писали, что это едва ли не первый опытъ и, дѣйствительно, исторіи Москвы не было въ русской исторической литературѣ, особенно же нѣтъ ея за тотъ періодъ, къ которому мы подошли,—именно средины прошлаго вѣка.

Современникъ этой эпохи, подъ которымъ легко можно узнать Бѣлинскаго, такъ опредѣляетъ историческую литературу того времени: «у насъ было довольно много,—пишетъ онъ, — романовъ историческихъ, которые хотѣли знакомить публику съ прошедшимъ бытомъ Россіи въ разныя эпохи ея существованія; довольно романовъ сатирическихъ, нравоописательныхъ, которые хотѣли знакомить ее съ нравами современнаго общества; еще болѣе у насъ повѣстей въ этомъ родѣ, и цѣлые томы нравоописательныхъ, нравственно-сатирическихъ и всякихъ юмористическихъ статеекъ». Но, не смотря на это, «въ нихъ нѣтъ нравовъ русскаго общества, и что все, о чемъ въ нихъ разсказывается, такъ же легко могло случиться, или все равно такъ же легко могло не случиться въ Китаѣ, въ Абиссиніи, подъ водою и на облакахъ, какъ и въ Россіи». Въ нихъ «нѣтъ, взгляда на вещи, нѣтъ идеи, нѣтъ значенія русскаго общества».

Съ этой оцѣнкой намъ теперь нельзя не согласиться, т. к. дѣйствительно литература намъ не даетъ истинныхъ нравовъ и обычаевъ, внѣшней и внутренней обстановки и міровозрѣній русскаго общества особенно средины 19-го вѣка.

Москва не избѣжала участи всей Россіи. Изъ произведеній литературныхъ изображеніе Московской жизни и то только Москвы 20-хъ годовъ мы находимъ у Грибоѣдова. Послѣ проходятъ цѣлыя десятилѣтія, не имѣя своего бытописателя.

Лишь въ началѣ пятидесятыхъ годовъ появились два сочиненія, посвященныя изображенію ея физіономіи.

Одно изъ нихъ «Москва и Москвичи» Загоскина,—которое подверглось лаконической, но строгой критикѣ со стороны Бѣлинскаго; «произведеніе это, — пишетъ онъ,—не смотря на всѣ свои достоинства, вполнѣ оправдывающія высокую славу его сочинителя, имѣетъ тотъ весьма важный недостатокъ, что въ немъ нѣтъ ни Москвы, ни Москвичей». Конечно, съ отзывомъ этимъ можно согласиться или не согласиться. Но, казалось бы, современникъ лучше могъ разобраться въ настоящей цѣнности этого труда, чѣмъ это мы можемъ сдѣлать нынѣ.

Второе произведеніе этого рода—«Очерки Московской жизни» Вистенгофа,—по отзыву Бѣлинскаго, «обнаруживаетъ мѣстами замѣчательную наблюдательность и умѣніе схватить характеристическія черты общества... но лишено опредѣленнаго взгляда, который обнаруживалъ бы, что авторъ умѣетъ не только наблюдать, но и судить». Съ нашей точки зрѣнія, «Очерки Вистенгофа» представляютъ особенную цѣнность, ибо «наблюдать», а «не судить»—это значитъ дать безпристрастную, объективную картину жизни современной Москвы.

Загоскинъ и Вистенгофъ—вотъ два основныхъ источника, по которымъ можно изобразить Москву сороковыхъ годовъ.

Мы особенное вниманіе удѣлимъ второму: — Вистенгофъ слѣдитъ за Московской жизнью во всѣхъ ея деталяхъ, начиная съ высшаго общества и кончая жизнью простолюдина. Отъ его вниманія не ушла ни частная, ни общественная жизнь москвичей; онъ подробно останавливается на различіи привычекъ, потребностей и нравовъ разныхъ классовъ населенія, въ зависимости отъ соціальнаго положенія и матеріальнаго благополучія. Онъ одинаково описываетъ разгульную жизнь обезпеченныхъ «саврасовъ» и темноту невѣжественныхъ массъ населенія. Онъ прослѣживаетъ Московскаго обывателя за работой, за картами, за кутежами, въ его умственныхъ и эстетическихъ запросахъ и въ проявленіяхъ житейской пошлости.

Вистенгофъ не забываетъ описывать намъ и внѣшнюю Москву, ея уличную жизнь, дома и театры, магазины и мастерскія. Все занимаетъ любопытство нашего автора, и въ его безхитростномъ описаніи воскресаетъ отошедшая эпоха; подъ его бойкимъ перомъ оживаетъ физіономія Николаевской Москвы, отъ которой не осталось уже никакого слѣда, за исключеніемъ развѣ общественныхъ зданій, и то измѣнившихъ часто свое назначеніе. За то духъ времени, укладъ жизни исчезли и исчезли безвозвратно. Тѣмъ цѣннѣе записки Вистенгофа—единственнаго и къ тому же правдиваго передатчика намъ о старой Москвѣ, когда она оправилась отъ потрясеній 1812 года и замерла подъ желѣзной рукой Николаевскаго царствованія.

Записки Вистенгофа изданы въ 1842 году и являются библіографическою рѣдкостью и извѣстны развѣ только спеціалистамъ. Это обстоятельство, конечно, увеличиваетъ ихъ цѣнность. Мы помѣщаемъ эти записки почти цѣликомъ, выпуская лишь повторенія и личныя размышленія автора, мало любопытныя въ настоящее время, но мы нарочно сохраняемъ «стиль» и нѣкоторыя «словечки» Вистенгофа.

Заканчивая настоящимъ выпускомъ наше роскошное изданіе по исторіи Москвы, мы съ чистымъ сердцемъ можемъ повторить латинскую пословицу:

Feci, quod potui,
Faciant meliora potentes.

Мы сдѣлали дѣйствительно все, что могли, и увѣрены, что не скоро явятся наши преемники, которые могли бы сдѣлать лучше...

Домъ Лсонтьевыхъ.

Домъ Московскаго Университета. Старое зданіе.

Только немногіе знаютъ, сколько трудностей и преградъ имѣла исторія «Москвы въ ея прошломъ и настоящемъ». Можно было бы написать цѣлую исторію этой исторіи и исторію весьма поучительную для русскихъ литературныхъ нравовъ...

Но не настало еще къ тому время...

Переходя же къ самому изданію, мы хотимъ указать на тотъ художественно-историческій матеріалъ, на который было обращено особое наше вниманіе. Мы говоримъ объ изображеніи старой Москвы въ сохранившихся ея памятникахъ и особенно барскихъ подмосковныхъ и ихъ художественномъ интересѣ. Мы *первые* задумали передать, изобразить всѣ сокровища, которыя заключаютъ въ себѣ подмосковныя помѣстья и мы сдѣлали это, насколько только позволяли намъ техническія средства и мѣсто.

Передъ нашимъ читателемъ развернулись, какъ въ панорамѣ, Останкино, Кусково, Ахтырка, Ярополецъ, Васильевское, Кузьминки, Дубровицы и еще много драгоцѣнныхъ памятниковъ Русской культуры и подмосковныхъ сокровищъ. Для очень многихъ эта панорама явилась совершенно неизвѣстной и тѣмъ болѣе неожиданной. Нельзя скрыть, что многаго изъ того, что нами предполагалось, по техническимъ условіямъ не выполнилось, но и то, что мы дали, лестно оцѣнено нашими читателями и въ этой оцѣнкѣ, въ той встрѣчѣ нашего изданія нашимъ читателемъ, которой сопровождался выходъ каждаго выпуска, мы пріобрѣтаемъ новыя силы, чтобы служить ему. На своемъ пути мы будемъ стараться изображать ему сокровища Россіи, показывать, что Россія имѣетъ неизмѣримыя цѣнности въ своей многовѣковой культурѣ.

Г. Балицкій.

Зданіе Голицынской больницы.

Городская больница.

I.

Внѣшній видъ Москвы средины XIX вѣка.

Москва, какъ фениксъ изъ пепла, воскресающая послѣ цѣлаго ряда катастрофъ и злоключеній, разражавшихся надъ нею, представляетъ чуть ли не единственный въ этомъ отношеніи городъ въ мірѣ.

Въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ послѣ пронесшагося надъ нею урагана 1812 года городъ усиленно развивался, какъ въ смыслѣ территоріи и населенія, такъ равнымъ образомъ и въ промышленномъ отношеніи.

Въ 1840 году въ Москвѣ уже 350 тысячъ жителей, 12.000 домовъ, около 400 церквей и монастырей, а между прочимъ, послѣ пожара 1812 года въ Москвѣ «остались безъ перемѣнъ только нѣсколько Правительственныхъ зданій, и количество полицейскихъ будокъ, которыхъ какъ до пожара, такъ и послѣ было 360; количество рынковъ, рядовъ и большихъ учрежденій осталось то же; увеличилось количество каменныхъ казенныхъ домовъ съ 387 на 402 и частныхъ съ 2180 до 3261 [1])».

Разрушенныя зданія и жилища энергично отстраивались вновь. Въ 1819 году уже лишь болѣе 300 частныхъ домовъ «стояли не только неотстроенными, но даже не огороженными заборами, а мостовыя передъ ними—въ хаотическомъ безпорядкѣ [2])». Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ не были застроены до начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Далѣе всѣхъ были видны руины на Тверской въ домахъ Гурьева, теперь Сазикова, и на Пречистенкѣ въ домѣ Всеволожскаго, теперь—Военнаго Вѣдомства [3]).

Быстрота, съ которой воскресала спаленная пожаромъ Москва, какъ бы свидѣтельствуетъ о жизнеспособности ея и лишній разъ подчеркиваетъ отношеніе къ ней всѣхъ русскихъ: она именно и есть то море, въ которымъ «сливаются ручьи всѣхъ чувствъ и стремленій русскаго народа—можетъ быть, безсознательно, но все же мощно и неудержимо».

---

[1]) По рукописи «Описаніе Москвы» изъ библіотеки гр. А. А. Закревскаго.
[2]) Изъ вѣдомости московскаго оберъ-полицеймейстера Л. С. Шульгина.
[3]) Никифоровъ «Старая Москва». Т. I. Стр. 160—161. Москва, 1902 г.

«Благодаря этому, послѣ пожара 1812 года и до нашихъ дней,—пишетъ Вистенгофъ, — съ каждымъ годомъ наружный видъ Москвы украшается быстрою постройкою огромныхъ, красивыхъ домовъ, принадлежавшихъ казнѣ и частнымъ лицамъ.

Тротуары на многихъ улицахъ сдѣланы изъ асфальта или дикаго камня и не представляютъ тѣхъ затрудненій для пѣшеходовъ, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ; площади вездѣ чисты и украшены фонтанами».

Вообще же дома въ Москвѣ строились въ одинъ, два и до четырехъ этажей; послѣднихъ было очень немного; излюбленная стройка москвичей того времени—въ два этажа.

Улицы, во всемъ разнообразіи построекъ, все же «не имѣютъ никакого особеннаго отличія другъ отъ друга», и «огромные домы перемѣшаны часто съ небольшими домиками».

«Если это противно принятому плану новѣйшихъ городовъ»,—замѣчаетъ современникъ,—«не менѣе того въ Москвѣ, это разнообразіе имѣетъ свою хорошую сторону. Вы видите палаты вельможи подлѣ мирной хижины ремесленника, которыя не мѣшаютъ другъ другу, у каждаго своя архитектура, свой масштабъ жизни; ходя по Москвѣ, вы не идете между двумя рядами каменныхъ стѣнъ, гдѣ затворены одни расчеты и страсти, но встрѣчаете жизнь въ каждомъ домикѣ отдѣльно.

Холмы, на которыхъ расположена Москва, доставляютъ удовольствіе наблюдателю, раскидывая передъ нимъ чудесныя картины; часто, идучи по какой-нибудь кривой извилистой улицѣ, вы вдругъ видите себя на вершинѣ горы, подъ вами разстилается огромный городъ съ его безчисленными башнями, церквами и высокими колокольнями».

Странно, своеобразно застраивалась Москва. Безъ опредѣленнаго плана: гдѣ кто сѣлъ, тамъ и строился.

И строилась, не признавая никакихъ правилъ архитектуры, никакихъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ—запросовъ эстетики.

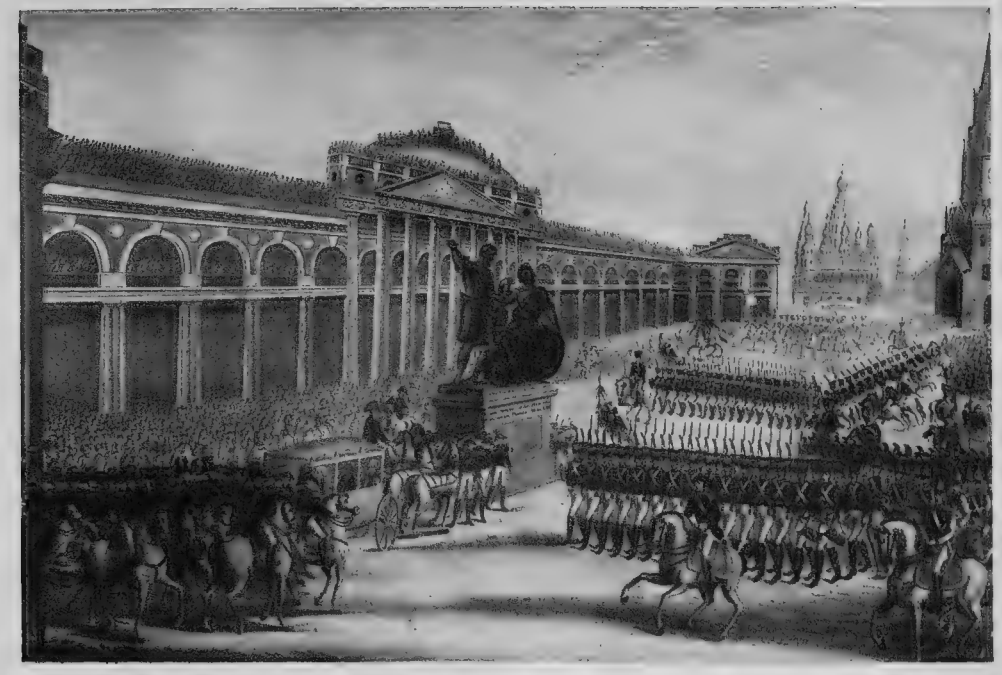
Бѣлинскій [1]) слѣдующимъ образомъ объясняетъ эту московскую своеобразность:

«Вслѣдствіе неизбѣжнаго вторженія въ Москву европеизма, съ одной стороны, и въ цѣлости сохранившагося элемента старинной неподвижности, съ другой стороны, она вышла какимъ-то причудливымъ городомъ, въ которомъ пестрѣютъ и мечутся въ глаза перемѣшанныя черты европеизма и азіатизма. Раскинулась и растянулась она на огромное пространство [2]): кажется, куда огромный городъ! А походите по ней,—и вы увидите, что ея обширности много способствуютъ длинные, предлинные заборы. Огромныхъ зданій въ ней нѣтъ; самые большіе дома не то, чтобы малы, да и не то, чтобы велики; архитектурнымъ достоинствомъ они не щеголяютъ. Въ ихъ архитектуру явно вмѣшался геній древняго Московскаго Царства, который остался вѣренъ своему стремленію къ семейному удобству.

---

[1]) «Петербургъ и Москва», статья В. Бѣлинскаго въ сборникѣ «Физіологія Петербурга».

[2]) По Вистенгофу, окружность Москвы къ 1840 г. достигала 40 верстъ.



Въѣздъ въ Москву ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I во время коронаціи.
1. На Красной площади. 2. Въ Кремлѣ.

«Стоитъ часъ походить по кривымъ и косымъ улицамъ Москвы,—и вы тотчасъ же замѣтите, что это городъ патріархальной семейственности: дома стоятъ особнякомъ, почти при каждомъ есть довольно обширный дворъ, поросшій травою и окруженный службами».

«Самый бѣдный москвичъ, если онъ женатъ, не можетъ обойтись безъ погреба, и при наймѣ квартиры, болѣе заботится о погребѣ, гдѣ будутъ храниться его съѣстные припасы, нежели о комнатахъ, гдѣ онъ будетъ жить. Нерѣдко, у самаго бѣднаго москвича, если онъ женатъ, любимѣйшая мечта цѣлой его жизни — когда-нибудь перестать шататься по квартирамъ и зажить своимъ домкомъ. И вотъ, съ горемъ пополамъ, призвавъ на помощь родное «авось», онъ покупаетъ, или нанимаетъ на извѣстное число лѣтъ, пустопорожнее мѣсто въ какомъ-нибудь захолустьѣ, и лѣтъ пять, а иногда и десять, строитъ домишко о трехъ окнахъ, покупая матеріалы то въ долгъ, то по случаю, изворачиваясь такъ и сякъ. И, наконецъ, наступаетъ вожделѣнный день переѣзда въ собственный домъ; домишко плохъ, да за то свой, и притомъ съ дворомъ—стало быть, можно и куръ водить, и теленка есть гдѣ пасти; но главное, при домишкѣ есть погребъ—чего же болѣе?»

Такихъ домишекъ въ Москвѣ сороковыхъ годовъ было неисчислимое множество, не мало ихъ и теперь; они-то и способствуютъ ея обширности, и особенно ея своеобразію.

Эти домишки, по словамъ Бѣлинскаго, попадались сплошь да рядомъ даже на лучшихъ улицахъ Москвы, между лучшими домами, такъ же какъ хорошіе (т.-е. каменные въ два и три этажа) попадались въ самыхъ отдаленныхъ и плохихъ улицахъ, между такими домишками.

Въ этомъ отношеніи Москва представляетъ изъ себя нѣчто единственное въ своемъ родѣ, и не только въ Россіи, но и въ Европѣ вы не найдете похожаго на нее, хотя бы только съ внѣшней стороны,—города.

И не даромъ изъ Европы пріѣзжаютъ любоваться къ намъ не Петербургомъ, а именно Москвой.

Главной улицы въ Москвѣ нѣтъ и никогда не было.

Есть лишь улицы болѣе оживленныя, артеріи уличной жизни или — по выраженію Вистенгофа, «народной дѣятельности».

Среди нихъ особенно выдающимися въ сороковые годы прошлаго столѣтія считались: Тверская—потому, что на ней находился домъ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора; Кузнецкій мостъ—потому, что это мѣсто модныхъ лавокъ и «косметиковъ», а также и встрѣчи представителей тогдашняго beau monde'а, гдѣ по замѣчанію Грибоѣдова—можно купить слишкомъ многое; Ильинка—потому, что на ней Гостиный дворъ и Биржа, а, слѣдовательно, центръ торгово-промышленной жизни.

Вотъ какъ описываетъ Тверскую Бѣлинскій: это «кривая и узкая, по горѣ тянущаяся улица, съ небольшою площадкой съ одной стороны»; «самый огромный и самый красивый домъ» въ другой столицѣ являлся бы «весьма скромнымъ со стороны огромности и изящества домомъ»; «одинъ домъ выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ на улицу, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на ней, а другой отбѣжалъ на нѣсколько

шаговъ назадъ, какъ будто изъ спѣси, или изъ скромности, — смотря по наружности; между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно помѣстился ветхій деревянный домишко и, прислонившись боковыми стѣнами, стоймя къ стѣнамъ сосѣднихъ домовъ,—кажется, не нарадуется тому, что они не даютъ ему упасть и, сверхъ того, защищаютъ его отъ холода и дождя; подлѣ великолѣпнаго моднаго магазина лѣпится себѣ крохотная табачная лавочка, или грязная харчевня, или таковая же пивная». И чувствуется, что «въ странномъ гротескѣ этой улицы есть своя красота».

Лучшія гостиницы для пріѣзжающихъ, магазины, кондитерскія лавки помѣщались на Тверской.

Упоминая о множествѣ красиво отстроенныхъ домовъ, сооруженныхъ на этой улицѣ, современникъ не могъ не упомянуть о домѣ Военнаго Генералъ-Губернатора, который въ свое время составлялъ предметъ удивленія всѣхъ, не исключая и пріѣзжихъ, видавшихъ виды, иностранцевъ.

На Кузнецкомъ мосту вновь водворились изгнанные во время отечественной войны иностранцы и во-всю стали торговать моднымъ товаромъ до драгоцѣнныхъ «косметиковъ» включительно. Уцѣлѣвъ отъ пожара, Кузнецкій мостъ не могъ предоставить мѣста для новыхъ построекъ, но все же на немъ вновь выстроена галлерея князя Голицына, пріютившая подъ своими сводами рядъ лавокъ и магазиновъ.

На немъ «все то же, за исключеніемъ деревянныхъ домишекъ»; дома каменные съ модными магазинами до того миніатюрны, что не свыкшемуся съ Москвой жителю другого крупнаго города, въ родѣ Петербурга, поневолѣ являлась мысль, «не попалъ ли онъ,—Новый Гулливеръ — въ царство Лиллипутовъ».

Съ утра до поздней ночи Кузнецкій мостъ тѣхъ временъ былъ запруженъ экипажами и пѣшеходами. Это все—«преимущественно одинъ очень чисто одѣтый народъ, потому что Московскій простолюдинъ, не имѣя надобности ни въ чемъ, что продается на Кузнецкомъ мосту, проходитъ его развѣ по крайней необходимости».

А продавалось тамъ очень многое — во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ теперь.

Лучшее украшеніе Москвы — кругъ опоясывающихъ ее бульваровъ вызывалъ удивленіе ея посѣтителей. Обозрѣватель, «то спускаясь подъ гору, то подымаясь въ гору, видѣлъ со всѣхъ сторонъ амфитеатры крышъ, перемѣшанныхъ съ зеленью садовъ: будь при этомъ вмѣсто церквей минареты, онъ счелъ бы себя перенесеннымъ въ какой-нибудь восточный городъ, о которомъ читалъ въ Шехеразадѣ.

И,—по завѣренію Бѣлинскаго,—это зрѣлище понравилось бы ему, и онъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе весны и лѣта охотно не сталъ бы искать столицы и города тамъ, гдѣ, въ замѣнъ этого, есть такіе живописные ландшафты...

Многія улицы въ Москвѣ состояли преимущественно изъ «господскихъ домовъ». Таковы были. Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская, обѣ линіи по сторонамъ Тверского и Никитскаго бульваровъ.

Подмосковная гр. Шереметева.—Кусково. Виды „служебъ".

Вслѣдствіе незначительнаго количества высокихъ домовъ, съ цѣлаго ряда холмовъ, на которыхъ построена Москва, можно было любоваться прекрасными видами, особенно же рѣдкое зрѣлище открывалось съ Воробьевыхъ горъ, откуда Москва видна какъ на ладони.

Вотъ, какъ Вистенгофъ описываетъ впечатлѣніе, производимое на зрителя, обозрѣвающаго видъ всей Москвы съ Воробьевыхъ горъ.

«Москвичи привыкли уже къ этимъ картинамъ; но для человѣка, который видитъ ихъ въ первый разъ или рѣдко, онѣ доставляютъ невыразимое наслажденіе: взоръ вашъ теряется въ громадѣ огромныхъ зданій, перемѣшанныхъ съ маленькими домиками, надъ которыми поперемѣнно возвышаются золотыя главы соборовъ и монастырей и высокіе шпицы древнихъ Московскихъ башенъ, этихъ безмолвныхъ свидѣтелей вѣковыхъ событій, пронесшихся надъ славнымъ городомъ, который, не разъ разрушенный коварнымъ мечомъ враговъ, но охраняемый десницею Провидѣнія, всегда съ новымъ блескомъ возставалъ изъ своего пепла и наконецъ, опустошенный страшнымъ пожаромъ славнаго 12 года, преданный огню и истребленію собственною рукою своихъ гражданъ, не хотѣвшихъ, чтобы любовался имъ гордый завоеватель, снова роскошно цвѣтетъ теперь довольный, прекрасный, обновленный щедротами Александра и украшенный Державною волею благопромыслительнаго Николая?» [1]).

II.

Уличная жизнь.

Картина уличной жизни въ сороковыхъ годахъ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Съ наступленіемъ ранняго утра въ Москвѣ, когда она еще спитъ глубокимъ сномъ, медленно тянутся по улицамъ возы съ дровами; подмосковные мужики везутъ на рынки овощи и молоко, и первая дѣятельность проявляется въ «калашныхъ», откуда отправляютъ на большихъ, длинныхъ лоткахъ, въ симметрическомъ порядкѣ укладенные калачи и булки; спустя немного времени, появляются на улицахъ кухарки, потомъ повара съ кульками, понемногу выползаютъ калиберные извозчики, а зимой сонные ваньки, которые нарочно выѣзжаютъ для поваровъ; дворники, лѣниво потягиваясь, выходятъ съ метлами и тачками мести мостовую, водовозы на клячахъ тянутся къ фонтанамъ, нищіе пробираются къ заутрени, кучера ведутъ лошадей въ кузни, обычный пьяница направляетъ путь въ кабакъ; дѣвушка въ салопѣ возвращается съ ночлега изъ гостей, овощной купецъ отворяетъ лавку и выставляетъ въ дверяхъ кадки съ морковью и рѣпой; выбѣгаютъ мастеровые мальчики съ посылками отъ хозяевъ, хожалый навѣщаетъ будки. Въ 8 часовъ отворяются магазины, выносятся дверныя огромныя вывѣски, юристы и стряпчіе ѣдутъ къ секретарямъ поговорить на дому, купецъ въ телѣжкѣ спѣшитъ въ ряды, гувернеры везутъ дѣтей въ пансіоны, студенты тянутся въ университетъ, мальчики съ сумками, дурачась, бѣгутъ въ училища, до-

[1]) Вистенгофъ. «Очерки Московской Жизни». Москва 1842 г.

ктора ѣдутъ по больнымъ, приказные чиновники идутъ къ должности, почтальоны разносятъ письма, капельдинеры отправляются извѣщать актеровъ о репетиціяхъ, тянутся театральныя кареты, мѣсячные извозчики въ экипажахъ спѣшатъ на мѣста, и дрожки выѣзжаютъ къ биржамъ; помѣщики ѣдутъ въ Опекунскій Совѣтъ и другія присутственныя мѣста.

На улицахъ Москвы появляется множество хорошенькихъ женщинъ, которыя, не имѣя гроша въ ридикюлѣ, отправляются въ городъ, въ надеждѣ и на кредитъ купца, и на случайную встрѣчу съ обязательнымъ знакомымъ, который изъ вѣжливости иногда платитъ за покупку.

Въ концѣ 12 часа московская мостовая начинаетъ стонать отъ большихъ экипажей, несутся парные фаэтоны, пролетки, дрожки, коляски, двумѣстныя и четырехмѣстныя кареты; сенаторы ѣдутъ въ Сенатъ, щеголь и щеголиха ѣдутъ съ цѣлью и безъ цѣли на Кузнецкій мостъ, праздный московскій юноша, который почти живетъ въ фаэтонѣ, рыскаетъ по улицамъ безъ всякой надобности, высшій и средній круги дѣлаютъ визиты, промотавшійся денди спѣшитъ къ аферисту для сдѣлокъ, военные въ отпуску и женихи, рисуясь, показываются и перегоняютъ кареты, гдѣ мелькаютъ шляпки.

Наконецъ, въ 4 часу эта живая пестрая толпа умолкаетъ понемногу, и дѣятельность города засыпаетъ во время обѣда; тогда изрѣдка встрѣтите вы на улицѣ пѣшехода, который идетъ развѣ по необходимости, или въ знойный лѣтній день лѣниво пробѣжитъ мимо васъ дворная собака, свѣся на сторону свой языкъ, или порой какъ стрѣла промчится по пустой улицѣ карета московскаго фешенебля, который всегда и вездѣ опаздываетъ.

Въ 7 часовъ вечера дѣятельность города оживаетъ снова, и столица является уже болѣе праздная, нежели утромъ; толпы гуляющихъ наполняютъ московскіе сады и бульвары, дворянство со всѣхъ концовъ города несется въ Петровскій паркъ и на дачи, пѣшеходы и экипажи всякаго рода спѣшатъ къ большому Петровскому театру; множество экипажей сосредоточивается на Дмитровкѣ, на которой линіей лежатъ клубы. Зимою, едва только начинается разъѣздъ у Большого театра, какъ со всѣхъ концовъ Москвы тянется въ нѣсколько рядовъ безконечная цѣпь каретъ къ подъѣзду Дворянскаго Собранія, или на Поварскую, Арбатъ и Пречистенку, гдѣ московскіе гранды даютъ балы на славу.

Къ полуночи дѣятельность города утихаетъ, но, спустя два часа, она, какъ пламя угасающаго пожара, вспыхиваетъ вновь на короткое время; тутъ продолжаются разъѣзды изъ Собранія и съ баловъ; въ это время, избѣгая штрафа, возвращается нехотя домой всегдашній посѣтитель клуба; нѣсколько позже тянется длинный рядъ бочекъ, которыя перегоняетъ усталый игрокъ, дремлющій въ своей покойной каретѣ; наконецъ и эта послѣдняя вспышка дѣятельности утихаетъ; слышны только протяжные звуки благовѣста къ заутрени и крики пѣтуховъ, привѣтствующихъ Московское утро, начинающееся тою же картиною, которую вы видѣли въ началѣ главы.

Но въ самое то время, когда большой городъ живетъ такою свѣтскою, разнообразною жизнью, другая его половина, отдѣленная лишь небольшою рѣкою, представляетъ совершенную противоположность его шумной и разгульной жизни. Житель Замоскворѣчья (разумѣется, исключая нѣко-

Деревянный домъ въ Сытинскомъ переулкѣ.
Александро-Маріинскій институтъ.

9-10

торыхъ домовъ, гдѣ живутъ дворяне) уже встаетъ, когда на Арбатѣ и Пречистенкѣ только что ложатся спать, и ложится спать тогда, какъ по другую сторону рѣки только что начинается вечеръ. Тамъ жизнь дѣятельная и общественная—здѣсь жизнь частная, спокойная, которая вся заключается въ одномъ маленькомъ домикѣ и его семейномъ бытѣ; въ длинныхъ, пересѣкающихся между собою переулкахъ вы не видите почти никакого движенія, и рѣдко прогремитъ тамъ щегольская карета, на которую почти всегда высовываются изъ оконъ.

Описавъ кратко наружную дѣятельность Москвы, нельзя не упомянуть, что многіе ошибочно говорятъ и пишутъ, будто Москва не представляетъ той дѣятельной жизни, какую встрѣчаемъ въ другихъ европейскихъ городахъ; Вистенгофъ утвердительно говоритъ, что это несправедливо; невозможно, чтобы 350,000 человѣкъ дѣлового, промышленнаго и празднаго народа, гдѣ перемѣшаны богатые и бѣдные, лѣнивые и трудолюбивые, умные и глупые, хитрые и простачки, жили безъ необходимой для каждаго изъ нихъ дѣятельности, но эта дѣятельность не представляется столь рѣзко и въ такомъ объемѣ, въ какомъ она, дѣйствительно, существуетъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) Непомѣрная, сравнительно съ населеніемъ, обширность города, который, такъ сказать, разбросанъ на холмахъ, множество кривыхъ улицъ и переулковъ скрываютъ общую дѣятельность. 2) Въ Москвѣ, относительно къ народонаселенію, очень мало пѣшеходовъ, въ сравненіи съ другими большими городами, слѣдовательно: ѣзда въ экипажѣ, будучи сама по себѣ быстрѣе ходьбы, есть главная причина, что вы рѣдко встрѣчаете на Московскихъ улицахъ сгустившіяся толпы народа.—3) Самыя мѣста, на которыхъ сосредоточивается въ Москвѣ общая дѣятельность, имѣютъ множество прилегающихъ къ себѣ улицъ и находятся не въ одномъ мѣстѣ. Напримѣръ: почему въ Петербургѣ такъ многолюденъ Невскій проспектъ? потому что онъ и является мѣстомъ для гулянья, онъ и неизбѣжный путь чиновника въ свое Министерство и всякаго, кому есть надобность въ какое бы то ни было присутственное мѣсто; на немъ Гостиный дворъ, галантерейныя лавки, магазины и гостиницы, онъ почти неизбѣжный путь на набережную и къ пароходамъ; тогда какъ въ Москвѣ, къ Гостиному двору прилегаетъ множество особенныхъ улицъ, къ Кузнецкому мосту и того болѣе, къ Губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ кромѣ улицъ, ведутъ Кремлевскій садъ и бульвары около стѣны Китая-города. Слѣдовательно, вся толпа дѣятельнаго народонаселенія сбирается на различныя точки своего дѣйствія совершенно различными путями, и потому, раздѣляясь на части, естественно, не представляетъ взгляду того общаго, живого движенія народной дѣятельности, какое существуетъ на самомъ дѣлѣ.

III.

Церковныя торжества.

Москва—сердце Россіи—была когда-то центромъ духовной и религіозной жизни. Поэтому нигдѣ нѣтъ такого грандіознаго количества церк-

вей и монастырей. Нигдѣ торжественные церковные праздники не сопровождаются такою пышностію и великолѣпіемъ какъ въ Москвѣ, въ которой красуются въ небесахъ церковные купала, и такъ стройно раздается церковный звонъ колоколовъ, гдѣ почіютъ почитаемыя православными мощи праведниковъ, гдѣ находятся огромный соборъ духовенства и такое множество жителей,—исповѣдающихъ одну вѣру.

«Надобно быть очевидцемъ,—говоритъ Вистенгофъ,—«чтобы удостовѣриться, какое чудное, неизъяснимо-высокое впечатлѣніе на душу дѣлаютъ крестные ходы въ Москвѣ, совершаемые въ установленные праздники.

Станьте на Красной площади, на которую смотритъ Кремль съ своихъ гордыхъ башенъ; вы увидите, какъ предшествуемое жандармами, усердное наше купечество выноситъ изъ Спасскихъ воротъ большіе мѣстные Образа и Чудотворныя иконы—эти Архистратиги Москвы, къ которымъ всегда съ Вѣрою прибѣгаютъ ея жители, моля о защитѣ отъ тяжкаго глада, недуга и меча непріятельскаго. За ними видите вы полки духовенства, облеченные въ золотыя ризы, а въ концѣ шествія—знаменитаго Архипастыря, осѣненнаго хоругвями, сопровождаемаго стройными кликами огромнаго Синодальнаго хора; прибавьте къ этому: пеструю, разнообразную толпу народа, свято хранящаго Вѣру своихъ предковъ, который какъ море, выступившее изъ береговъ, покрываетъ собою всю обширную площадь и въ благоговѣйномъ смиреніи съ обнаженными главами провожаетъ святое шествіе; раздается радостный звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, заглушаемый по временамъ торжественнымъ гуломъ большого колокола на Иванѣ Великомъ.

«Я видѣлъ иностранцевъ, которыхъ религія слишкомъ различествовала отъ нашей, но при видѣ одного изъ такихъ ходовъ, они молились и плакали отъ умиленія, а послѣ долго отъ души благодарили меня за то, что я уговорилъ ихъ итти со мной въ ходъ, доставилъ имъ такое высокое наслажденіе. Такъ великое, святое познается человѣкомъ уже по одному природному пробужденію души, если она только не развратна», — восторженно заявляетъ Вистенгофъ.

IV.

Аристократы и дворяне.

Московскіе жители прослыли гостепріимствомъ, откровенностью, услужливостью, добротой; они легко знакомятся, щедры и вообще любятъ разсѣянный и просторный образъ жизни,—такова общая характеристика, данная современникомъ.

Дворянство раздѣляетъ Вистегофъ на высшее и среднее. Съ того времени, какъ Петербургъ сдѣлался постояннымъ мѣстопребываніемъ Двора, аристократы постепенно стали переселяться въ Петербургъ, куда ихъ призывали Государственная служба и свѣтскія удовольствія, но число ихъ за то пополнилось мнимыми аристократами.

«Вотъ почему аристократія въ Москвѣ сороковыхъ годовъ раздѣляется: на настоящую и мнимую. Настоящую аристократію составляютъ

высшіе Государственные сановники, съ ихъ семействами и не служащіе дворяне, которые посредствомъ отличнаго образованія, древней знаменитости своего рода и огромнаго состоянія, такъ сказать, слились въ одно общество съ первыми.

Настоящіе аристократы ведутъ образъ жизни тотъ же самый, какой ведутъ подобные имъ люди въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ Европы; если аристократъ на службѣ, то большая половина времени посвящена занятіямъ, сопряженнымъ съ его должностію; если же онъ не служитъ, то, живя въ Москвѣ, весело проводитъ время въ своемъ пріятномъ и неприступномъ для другихъ людей кругѣ.

Женщины высшаго общества отлично образованы, увлекательны своею любезностію и тонкимъ познаніемъ свѣтской жизни, многія изъ нихъ дипломатки, съ особеннымъ удовольствіемъ читаютъ о Парламентскихъ преніяхъ въ Лондонѣ и рѣчи Французскихъ Перовъ и Министровъ; получаютъ множество иностранныхъ газетъ, журналовъ, а преимущественно любятъ французскую литературу; пожилыя и немного поотсталыя предпочитаютъ легкое Русское чтеніе и преферансы.

Дѣвицы получаютъ блестящее воспитаніе и служатъ украшеніемъ Московскихъ обществъ. Онѣ также читаютъ лучшія произведенія Русскихъ и иностранныхъ писателей и слѣдятъ за современнымъ просвѣщеніемъ, какъ въ Россіи такъ и другихъ Государствахъ.

Въ своемъ семейномъ кругѣ, онѣ занимаются рисованіемъ, музыкою и пѣніемъ; по благородному стремленію облегчать участь бѣдныхъ, онѣ устраиваютъ въ пользу ихъ базары, гдѣ продаютъ свои рукодѣлья или учреждаютъ благородные концерты, которые украшаютъ своими часто блестящими талантами.

Иногда, въ порывѣ человѣколюбія, и самому почтенному аристократу приходитъ блажь притвориться меломаномъ; онъ улаживаетъ концертъ аматеровъ, хватается за віолончель, контръ-басъ или какой-нибудь другой инструментъ и садится на переднемъ плацѣ; но тутъ онъ часто украшаетъ оркестръ не талантомъ, а собственно своею важною, аристократическою физіономіею и благороднымъ стремленіемъ помочь несчастнымъ.

Московскій вельможа всегда большой хлѣбосолъ, совсѣмъ не гордъ въ обществѣ, щедръ, ласковъ и чрезвычайно внимателенъ ко всѣмъ посѣщающимъ его домъ. Изъ любви къ просвѣщенію, онъ дѣлаетъ чертоги свои доступными для образованныхъ литераторовъ, ученыхъ и извѣстнѣйшихъ артистовъ. Часто доступъ въ общество аристократа не представляетъ большого затрудненія для молодого человѣка самаго небогатаго состоянія, если онъ только превосходно образованъ.

Впрочемъ во время зимнихъ баловъ, стоитъ только порядочному молодому человѣку быть представленнымъ въ одинъ изъ домовъ высшаго общества, и если онъ тамъ, какъ говорится, не ударилъ лицомъ въ грязь, въ особенности же, если не будетъ изъявлять никакихъ притязаній на руку дочери хозяина, то его будутъ приглашать всюду, не заботясь, какъ иногда бываетъ, о томъ: изъ какихъ онъ и что у него.

Молодые люди—не многіе остаются въ Москвѣ, они большею частію спѣшатъ на службу въ Петербургъ, ихъ влечетъ надежда на блистательное поприще по военной и дипломатической части.

Мнимые аристократы это не что иное, какъ отломокъ средняго круга дворянъ, отставшій отъ сего послѣдняго и не приставшій къ высшему кругу; мнимую аристократію иногда составляютъ: нѣкоторыя семейства дворянъ не совсѣмъ значительныхъ, но удачно при разныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ достигшихъ на службѣ до порядочнаго чина и составившихъ себѣ порядочное благопріобрѣтенное имѣніе; люди, не достигшіе до большаго чина, но имѣющіе, какъ говорятъ, средній изрядный чинокъ и занимающіе такія мѣста, что часто бываютъ необходимы самимъ аристократамъ; люди, находящіеся въ отставкѣ съ самымъ крошечнымъ чиномъ, имѣющіе, при значительномъ количествѣ душъ, еще значительнѣйшее количество долговъ, и одаренные отъ природы счастливою способностію воображать, что все, что ни есть лучшаго и высокаго на свѣтѣ, это все они.

Мнимые аристократы несравненно болѣе горды, чѣмъ настоящіе: у нихъ честолюбіе играетъ главную роль и чтобы удовлетворить ему, они, что называется, лѣзутъ вонъ изъ кожи.

Они даютъ зимою блистательные балы, устраиваютъ катанья и пикники, а лѣтомъ праздники на дачахъ; смотрятъ съ видомъ покровительства на всѣхъ, даже на тѣхъ, которые его не ищутъ, дѣлаютъ добро для того только, чтобъ имъ удивлялись и завидовали.

Въ обществѣ рѣжетъ глазъ ихъ принужденность и натяжка, въ домѣ какъ мебель, такъ хозяинъ и гости не на своихъ мѣстахъ.

Дамы и дѣвушки—жеманны, горды, иныя притворно не произносятъ буквы р (грасируютъ), дѣлаютъ какіе-то странные, сладострастно-томные глазки, неискусно притворяются близорукими, восхищаются произведеніями Французской литературы, не понимая хорошенько не только Французской литературы, но даже не зная правильно своего природнаго языка; толкуютъ о заграничной жизни, зная ее очень плохо по наслышкѣ, гонятъ все Русское, не хвалятъ Москву, гдѣ живутъ споконъ-вѣка, все, что не онѣ,—то худо, тогда какъ худое, всего скорѣе можетъ быть тамъ, гдѣ онѣ.

Старухи обыкновенно играютъ въ карты и злословятъ.

Парадъ войскъ и ВЫСОЧАЙШІЙ смотръ на Красной площади при открытіи памятника Минину и Пожарскому.

Съ современныхъ гравюръ.

Бѣда милой, образованной дѣвушкѣ, которая имъ чѣмъ-нибудь не угодитъ или которой по уму и красотѣ общество оказываетъ болѣе вниманія, чѣмъ ихъ племянницамъ и дочкамъ, часто несноснымъ своими пошлыми выходками и избитыми фразами Парижскихъ гостиныхъ; горе жениху, на котораго онѣ взъѣдятся, онѣ непремѣнно разстроятъ свадьбу; отъ нихъ всѣ новости и сплетни; онѣ желчны и сердиты отъ того, что чувствуютъ свою ничтожность въ обществѣ, и со всѣми этими качествами часто удивительно какъ богомольны.

Молодые люди этого круга большею частію фаты, самые злѣйшіе, безалаберные Европейцы, необузданные, безсовѣстные львы, какихъ только видѣлъ свѣтъ Божій отъ Адама до нашего времени. Главная ихъ цѣль: блистать въ обществѣ своею не всегда занимательною наружностію, сомнительною любезностію, модным фракомъ, въ которомъ всегда стараются перехитрить существующую моду для того, чтобъ быть болѣе замѣтными. Они-то имѣютъ «странное поползновеніе къ отращенію незаконныхъ усовъ и бороды, а иногда какихъ-то песиковъ». Говорятъ и судятъ обо всемъ, часто ни въ чемъ не имѣя никакого толку и понятія, добиваются, чтобы, ничего не дѣлая, попасть въ Камеръ-юнкеры или схватить крестикъ, всегда показываютъ видъ, что имъ все надоѣло и они все видѣли, между тѣмъ какъ они ничего не видали, а занимаютъ ихъ сущіе пустяки—именно то, чтобъ ими занимались.

Иные изъ нихъ нестерпимые педанты, пишутъ даже стихи и пробираются въ литераторы; въ этомъ-то классѣ людей являются: никѣмъ непонятые поэты, люди, которыхъ не умѣли оцѣнить на поприщѣ гражданской службы, разстроившіеся спекуляторы, рано промотавшіеся моты, несчастно-влюбленные, глупые отъ рожденія. Нѣкоторые изъ нихъ, окруживъ себя громадами книгъ въ кабинетахъ, занимаются слѣдующими предметами: стариннымъ вопросомъ о началѣ всѣхъ началъ, опредѣленіемъ, утратилась ли какая-нибудь часть вѣчности отъ существованія ея въ природѣ, что вѣроятнѣе: immermarende nichts или immer marende alles, есть ли возможность превращенія всего въ ничто, добродѣтель и зло суть ли только одни условія или они намъ предписаны закономъ естественнымъ, есть ли возможность чтобъ не существовало прошедшее, можетъ ли существовать мысль отдѣльно отъ тѣла, и т. п., отъ чего кружится голова, портится мозгъ, теряется разсудокъ; или углубляясь въ пружины политики иностранныхъ державъ, они, не зная исторіи своего отечества, слѣдятъ безъ всякой нужды и цѣли за тѣмъ, что сдѣлалъ добраго Кабрера и Китайцы

съ Англичанами; занимаются розысканіемъ законовъ, которыми управлялись допотопныя государства, изслѣдованіемъ состоянія шелковыхъ фабрикъ во время царствованія Семирамиды или генеалогіею всѣхъ Китайскихъ Мандариновъ.

Средній кругъ — самый обширнѣйшій; онъ имѣлъ отъ себя множество отростковъ и самыхъ мельчайшихъ подраздѣленій, едва замѣтныхъ безъ особеннаго пристальнаго наблюденія; самое же замѣчательное подраздѣленіе заключается въ ѣздѣ по городу четверкою или парой.

Здѣсь нѣтъ той натяжки и принужденности, какъ въ мнимыхъ аристократахъ; гостепріимство и радушіе хозяина часто неподдѣльны, нѣтъ напыщенности и гордости, дѣлающихъ общество несноснымъ; здѣсь главную роль играло маленькое простительное женское кокетство.

Молодые люди — служащіе или въ отставкѣ, а изъ военныхъ, причисленные къ армейскимъ полкамъ и живущіе въ Москвѣ по отпускамъ.

Въ каждой гостиной средняго круга вы найдете рояль или фортепіано, разное женское рукодѣлье и книги.

Дѣвушки играютъ и поютъ, смотря по тому, къ какому отростку принадлежала ихъ гостиная. Въ одной разыгрываютъ варіаціи Моцарта и Россини, въ другой повторяютъ мотивы изъ оперъ: «Роберта», «Цампы», «Фенеллы», «Капулетти и Монтеки» и т. д., въ иныхъ гостиныхъ музыка ограничивается наигрываніемъ разнаго рода вальсовъ и качучи, или весьма невинно поется: «Ахъ, подруженьки, какъ грустно, цѣлый вѣкъ жить въ заперти», кончаемое обыкновенно: «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ»; а въ иныхъ дошли еще только до романсовъ: «Талисмана», «Голосистаго соловья» и удалой «Тройки».

Дамы и дѣвушки средняго общества также занимаются ученіемъ Французскихъ романовъ, но онѣ предпочитаютъ Русскія книги. Онѣ очень любятъ повѣсти, печатаемыя въ «Библіотекѣ для чтенія», стихи Пушкина, сочиненія Марлинскаго и Лермонтова, нѣкоторые Московскіе романы: «Ледяной домъ», «Милославскій», «Никласъ медвѣжья лапа» и другіе.

Молодые люди, не получающіе отъ родителей лишнихъ денегъ, стремятся сблизиться съ аристократическими юношами. Зимою послѣдніе усерно ищутъ случая, чтобы попасть къ какому-нибудь вельможѣ на балъ, о которомъ въ Москвѣ начинаютъ поговаривать за недѣлю. Если юноша достигаетъ своего желанія, то немедленно сообщаетъ о томъ знакомымъ и старается, чтобъ ему завидовали; наконецъ, настаетъ вожделѣнный день— и онъ ѣдетъ на балъ. Но что же? Онъ встрѣчаетъ тамъ общество ему незнакомое, хозяинъ хотя и протянулъ ему ласково руку, но это было такъ разсѣянно, что вельможа не замѣтилъ ни его пестрыхъ чулокъ, ни натянутыхъ ловко на рукѣ перчатокъ, ни даже щегольской булавочки.

Молодой человѣкъ, часто развязный въ своемъ кругѣ, наперерывъ дѣлающій комплименты дамамъ — и ихъ, можно сказать, любимецъ, — на этомъ балѣ чувствуетъ въ себѣ какую-то неловкость; женщины ему кажутся гордыми и неприступными; онъ наводитъ на нихъ лорнетъ свой, а онѣ не смотрятъ; онъ имъ выставитъ то ногу въ клѣтчатомъ чулкѣ, то протянетъ руку въ чистой, узкой перчаткѣ, но его все не примѣчаютъ.

Зданіе 6-й мужской гимназіи.

Наконецъ, онъ идетъ въ гостиную, охорашивается тамъ и входитъ снова въ залу;—опять все то же невниманіе.

Эта страсть пробираться въ высшее общество и поддѣлываться подъ жизнь богатыхъ и знатныхъ людей имѣетъ вліяніе болѣе, нежели сколько покажется сначала, на всю жизнь многихъ молодыхъ людей. Человѣкъ невысокаго происхожденія, безъ большихъ средствъ, по мнѣнію благомыслящей части общества сороковыхъ годовъ,—долженъ службою протаптывать себѣ дорогу въ обществѣ и не разъ испытать горькое чувство обиды.

И сколько молодыхъ людей испытало не разъ самыя страдальческія терзанія самолюбія, когда подъѣхавъ къ богато освѣщенному крыльцу вельможи на флегматичномъ ванькѣ, они съ досадою торопливо вылѣзали изъ неуклюжихъ саней, въ которыхъ какъ-то на зло, всегда застрянутъ калоши, а въ самое это время въѣзжала на дворъ карета щеголя, и форейторъ-забіяка кричалъ во все горло неповоротливому извозчику: «отъѣзжай прочь, погонялка, раздавлю»; или когда, пріѣхавъ на балъ, они возились въ тѣсной, заваленной шубами и лакеями передней, гдѣ швейцаръ лѣниво снималъ съ нихъ теплые сапоги, а они отряхали съ своей шляпы хлопья снѣга, приводя въ порядокъ взбуровленную вьюгой прическу; между тѣмъ, счастливый богачъ, гордо сбросивъ плащъ своему усатому гайдуку, влеталъ спокойный и веселый въ залу. Если всмотрѣться внимательно въ лицо людей на балѣ, то можно тотчасъ угадать, кто изъ нихъ пріѣхалъ туда въ каретѣ, кто въ саняхъ съ завивною пристяжкою и кто на погонялкѣ.

Дѣвушки, «по своему нѣжному полу», не имѣли, конечно, той свободы, какъ мужчины, и потому онѣ посѣщали то общество, куда ихъ повезли родители; но въ нихъ за то преобладало другое желаніе, впрочемъ, позволительное желаніе: выйти поскорѣе замужъ и выйти повыгоднѣе. Выгоды эти состояли: по разумѣнію дочекъ, чтобъ женихъ нравился и былъ богатъ, или хоть, по крайней мѣрѣ, чтобъ нравился; по разумѣнію матушекъ: чтобъ онъ былъ непротивенъ, да богатъ; по разумѣнію злыхъ тетокъ, бабокъ и опекуновъ: чтобъ былъ хоть и проти-

венъ, но только богатъ, да не просилъ бы приданаго. Каждое изъ этихъ лицъ прибѣгаетъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя оно по своему соображенію найдетъ необходимыми, чтобы пристроить свою дочку, племянницу или внучку—иногда ребенка, едва вышедшаго изъ пансіона, которая еще ничего и не понимаетъ, а иногда такую взрослую, что ужъ, съ позволенія сказать, понимаетъ все.

Часто случаются препечальныя свадьбы; причиною тому: взаимныя ошибки; женихи наѣзжаютъ въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи, здѣсь и статскіе и военные, сухопутные и морскіе, всякіе женихи, какіе вамъ угодно.

Всѣ они думаютъ, что въ Москвѣ богатыя невѣсты нипочемъ, что онѣ здѣсь спѣютъ, какъ на грядахъ ягоды, и что 400 душъ чистаго имѣнія взять за Московскою невѣстою—сущая бездѣлица. Матушки также въ свою очередь думаютъ: «Моя дочь красавица, я ее отдамъ безъ приданаго, мнѣ надобно еще Ванюшу содержать въ кирасирахъ»; а у иной если нѣтъ Ванюши, и рады бы что дать за дочерью, но все заложено и перезаложено, а батюшка изволитъ забавляться по вечерамъ въ клубѣ,—тутъ иногда не до приданаго.

Что же тутъ дѣлаютъ? Обыкновенно живутъ, какъ можно роскошнѣе, сверхъ своего состоянія; даютъ вечера, обѣды и балы, иногда даже большіе балы.—Случалось, впрочемъ, что вечера не приносили большого убытка хозяину, а напротивъ, доставляли ему выгоды; на этихъ вечерахъ гостей обыкновенно потчевали теплою водою съ сахаромъ, имѣющею признаки чая, домашнимъ лимонадомъ и аршадомъ; ужинать подавали въ 6 часу, до котораго оставались самые терпѣливые изъ поручиковъ и студентовъ, а на деньги, вырученныя во время этихъ вечеровъ за карты, шили людямъ верхнее платье и сапоги.

А что же дѣлали женихи? Они также часто щеголяли съ заложенными имѣніями, до поры до времени разыгрывали изъ себя богачей, наконецъ, влюблялись и сватались. Они разсуждали: «Вотъ постой, возьму приданое и поѣду на женину шею»; а тамъ въ свою очередь, обѣщая, что «даемъ столько-то, и еще подмосковную послѣ свадьбы, съ лѣсами и различными угодьями»—думаютъ: «ну женишься, самъ богатъ, на своихъ подождешь»;—наконецъ, уладили свадьбу: смотришь, мужъ за женою взялъ только однѣ тряпки да нѣсколько серегъ; деревня ея въ залогѣ, и въ неурожаи надо еще кормить крестьянъ, да платить проценты; а у мужа, своего,—просто ни кола ни двора. Пройдетъ годъ, жена живетъ въ заложенной деревнѣ,—мужъ бьетъ баклуши въ Москвѣ, или жена франтитъ, чортъ знаетъ на какія деньги, въ Москвѣ, а мужъ убрался на Кавказъ, съ горя рѣзаться съ черкесами.

— Если бывали, такъ сказать, обстоятельные браки, это когда человѣкъ, занимающій довольно значительное мѣсто, отдавалъ свою дочку за степеннаго человѣка, никогда не мѣтившаго въ аристократы, который, смотришь, и начнетъ понемногу возвышаться: вдругъ дадутъ должность, тамъ другую, а наконецъ и крестикъ; явятся хорошенькія лошадки, каретка, хорошо убранный домикъ,—и живутъ себѣ припѣваючи.

Зданіе Большого Театра.

Красавицы часто про степенныхъ жениховъ говорили, что будто они дряни или mauvais genre, а они-то самые лучшіе женихи на бѣломъ свѣтѣ,—замѣчаетъ Вистенгофъ, столь наглядно описавшій матримоніальныя тенденціи, пробуждаемыя въ его современникахъ Москвою.

V.

Купечество.

Московское купечество и по сей день составляетъ особенный классъ людей въ городѣ, хотя рѣзкія грани стерты временемъ и культурой.

Образованіе его уже въ сороковые годы примѣтнымъ образомъ подвинулось впередъ; но оно еще оставалось совершенно неподвижнымъ между раскольниками, которыхъ въ Москвѣ, со включеніемъ мѣщанъ, считалось тогда около 12,000 человѣкъ.

По Вистенгофу, три рода купцовъ въ Москвѣ: одинъ носитъ бороду, другой ее бреетъ, а третій только подстригаетъ.

Высшая степень образованія въ купцѣ подразумѣвается тогда, когда онъ бреетъ бороду; низшая,—когда онъ ее носитъ, да еще занимается ею и гордится, оказывая явное негодованіе обритымъ; подстригающіе составляютъ переходъ отъ послѣднихъ къ первымъ.

Само собою разумѣется, что часто борода бываетъ такъ умна и знаетъ такъ хорошо коммерческіе обороты, что проведетъ десять обритыхъ подбородковъ.

Купцы, носящіе бороды, ходятъ обыкновенно въ, такъ называемомъ, русскомъ платьѣ; но нѣкоторые изъ нихъ, рѣшившись одѣться по-нѣмецкому, все еще никакъ не могутъ разстаться съ бородою.

Эти люди представляютъ разительную безхарактерность въ своей одеждѣ; напримѣръ: они при густой, окладистой бородѣ, носятъ на курчавой головѣ маленькую съ козырькомъ фуражку, короткій двубортный сюртукъ и длинные сапоги сверхъ исподняго платья. На это одѣяніе, въ непогоду, надѣвается съ большимъ воротникомъ синяя шинель, иногда маленькая альмавива или самый коротенькій плащъ.

Въ сороковые годы большая часть купцовъ разрѣшаетъ своимъ дѣтямъ уничтоженіе бороды. Между купеческими дѣтьми есть и такія, которыя уничтоживъ ее, или не давъ разрастись на себѣ Русской купеческой бородѣ, имѣютъ уже поползновеніе къ отращенію коротенькой бороды иностранной, называя ее алаженъ-франсе. Замѣчательно, что купцы, имѣющіе Русскія бороды, смѣются, болѣе другихъ, надъ иностранными бородками; иные даже ихъ ненавидятъ и сильно преслѣдуютъ на дѣтяхъ.

Однажды купецъ, давая наставленіе сыну, говорилъ: «Ты у меня не шали и не блажи, я тебѣ дамъ мотать; ты у меня или носи бороду, или

обрѣй ее совсѣмъ, а эту стрикулисную бородку я у тебя выщиплю да прокляну, а денегъ не дамъ тебѣ ни гроша, хоть рѣпку пой». Вотъ какъ разсуждали отцы купеческіе. При такихъ взглядахъ едва ли у кого хватало смѣлости подражать европейцамъ.

Московскіе купцы богомольны, держатъ строго посты и живутъ большею частію скромно въ своихъ семействахъ.

Они очень любятъ хорошіе барыши отъ торговли, чай, пиво, меды, при оказіи шампанское, а преимущественно лошадей и дородныхъ своихъ женъ.

Жены не щадятъ бѣлилъ и румянъ для того, чтобы приправить личико; онѣ любятъ, уважаютъ и боятся мужей своихъ, большею частію сидятъ дома, занимаются хозяйствомъ, а въ свободное отъ занятій время забавляются грызеніемъ орѣховъ, кушаньемъ разнаго рода вареньевъ, мармелада, моченыхъ яблокъ съ брусникою, употребленіемъ разныхъ домашнихъ наливочекъ, пива и производятъ чрезвычайно обильное распиваніе чаевъ. Онѣ большею частію дамы полновѣсныя, съ лицами круглыми, бѣлосиними; у нихъ руки толстыя, ноги жирныя, губы пухлыя, зубы черные. Жена ходитъ по-русскому въ платкѣ, когда мужъ съ бородою, и въ чепцѣ или шляпкѣ, когда мужъ бороду бреетъ, или даже и тогда, когда онъ ее только подстригаетъ.

Дочекъ учатъ Русской грамотѣ, иныхъ даже Французскому нарѣчію и присѣдать—что значитъ—танцовать. Есть купеческія дочки премиленькія собою и во многихъ семействахъ Французскій языкъ и танцы уже въ сороковые годы сдѣлались необходимостью.

Купеческіе сыновья отличаются своимъ повиновеніемъ родителямъ, но замѣтно, что брѣющіе бороду и говорящіе по-французски, имѣютъ болѣе другихъ наклонность къ мотовству, праздношатанію и разнымъ шалостямъ. Многіе изъ нихъ стремятся въ дворяне и для того вступаютъ въ военную службу, или поступая въ Университетъ, идутъ потомъ по гражданской части.

Купеческія дѣти очень скромныхъ, но зажиточныхъ родителей, иногда отличаются своимъ неистовствомъ на Московскихъ загородныхъ гуляньяхъ, гдѣ въ кругу гулякъ, съ бокалами шампанскаго, они прислушиваются къ дикимъ пѣснямъ Московскихъ цыганъ; къ нимъ присоединяются дѣти мелкихъ торговцевъ, иногда сидѣльцы, и часто барыши, пріобрѣтенные въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уничтожаются при одной жестокой попойкѣ.

Купецъ, торгующій въ рядахъ, рѣдко видитъ свое семейство. Онъ тамъ почти цѣлый день; обѣдаетъ обыкновенно на Ильинкѣ въ Троицкомъ, Угольномъ и т. п., является домой уже вечеромъ, ужинаетъ рано и, сотворивъ молитву, ложится спать. Въ воскресенье, или праздничный день, все семейство, въ четырехмѣстной коляскѣ, запряженной парою большихъ, дородныхъ лошадей, отправляется къ обѣднѣ, потомъ обѣдаетъ, а въ вечернѣ ѣдетъ куда-нибудь въ рощу, опять въ той же коляскѣ, въ которой въ это время уложены: самоваръ, чайныя чашки, водка, разныя вина и порядочный запасъ сытнаго русскаго ужина, копченая ветчина,

Румянцевскій Музей.

разнаго рода колбасы, большая кулебяка, добрая нога телятины и сладкій пирогъ.

Купецъ на гуляньѣ съ семьею тихъ, какъ рыба и кротокъ, какъ мокрая курица; покупаетъ дѣтямъ апельсины, грецкіе орѣхи и вяземскіе пряники, наконецъ, покушаютъ еще въ послѣдній разъ и ѣдутъ домой. Если купецъ провелъ весело время и погулялъ, то онъ приказываетъ кучеру къ коляскѣ приткнуть березки и дорогою вмѣстѣ съ супругою попѣваетъ пѣсенки, а если за городомъ не было большой интермедіи, то возвращается домой, хоть и съ березками, но безъ пѣсенъ.

Осенью и зимою купецъ въ воскресенье и бенефисы везетъ свое семейство въ театръ и беретъ, смотря по состоянію, бель-этажъ или другія ложи высшаго разряда. При выборѣ піесъ, онъ заботится, чтобъ это была какая-нибудь ужасная, пользительная трагедія, или другая какая-нибудь штука, только понятливая и разговорная, въ коей бы можно было видѣть руководство къ различнымъ курьезнымъ чувствіямъ.

Онъ не любитъ оперъ, потому что за музыкою не разбираетъ словъ арій; «и что тутъ глядѣть,—говоритъ онъ,—поютъ словно не по русски, да при томъ и натуры тутъ не предвидится, поетъ, умирая, въ любви отвѣта проситъ и письмецо читаетъ, а все поетъ; така дичь и сумбурщина». Онъ также не любитъ балетовъ, потому что: «въ нихъ ахтеры словно нѣмые и до многаго въ ихъ сентенціяхъ не доберешься, да при томъ-съ, вѣдь и скандалъ великъ; не годится, больно не годится для дочекъ глядѣть, какъ иной-то выше головы ноги таращитъ, или какъ иная, словно оводомъ вертится и какъ бѣсенокъ ногами виляетъ, такъ что того и гляди посрамитъ себя окаянная и великую конфузію всѣмъ причинить можетъ» [1]).

Но несмотря на такія размышленія, есть немного оперъ и балетовъ, посѣщаемыхъ купцами, охотно по ихъ великолѣпной обстановкѣ.

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ купецъ о балетѣ своему шурину, который пріѣхалъ въ Москву по дѣламъ изъ Симбирска и остановился у него погостить.

«На прошедшей недѣлѣ, Степанъ Исаичъ, помнится мнѣ, были мы въ представленіи. Превосходно-съ было, пространный балетъ давали; Санковская-съ, это обстоятельная художественная ахтриса. Вотъ изволите ли видѣть, она лишь у Турка въ плѣну сидитъ и тотъ приказываетъ ей предъ собою плясать; вотъ она начинаетъ плясать, чтобъ его задобрить, и долго предъ нимъ отлично своими ногами артикулъ мечетъ; то вотъ такъ и согнется въ дугу, думаешь, такъ совсѣмъ упадетъ и грянется о землю, анъ не тутъ-то было; вдругъ, какъ вскочетъ, да станетъ на одинъ мезинчикъ правой ноги, а лѣвую-то деликатно приподниметъ, да и начнетъ ею трести и потомъ дрягать съ удивительнымъ акуратесомъ, а послѣ возьметъ, да какъ завертится... все шибче, шибче, наконецъ, ну просто, словно кубарь, и вдругъ, смотришь, — остановилась, сложила себѣ руки на груди и глядитъ на всѣхъ, да еще ухмыляется и хохочетъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало; а за то народъ-то, народъ... ужъ онъ ей и хлопаетъ, и топаетъ, и кричитъ фора, фора, то есть, по-нашему, хорошо, дискать, много довольны. Право, что за диковинная вещь, канальство! Кажись, такая маленькая, еще молоденькая, а какъ она до такой галантерейности проникла. А на дняхъ еще видѣли оперное пѣніе, такъ чудо и сколько превратностей, вы не повѣрите: ну

Купецъ, въ день именинъ своихъ и жены, если только живетъ съ нею ладно, даетъ закуски, обѣды, а иногда и роскошные балы; на балахъ музыка обыкновенно бываетъ съ литаврами; за ужиномъ играютъ русскія пѣсни, а въ то время, когда пьютъ здоровье, бьютъ туши.

Во все время бала, гости сохраняютъ какую-то чинную важность; молодые танцуютъ, пожилые играютъ въ мушку, пикетъ и бостонъ. Пожилыя дамы и нетанцующія сидятъ около дессерта, разставленнаго на столахъ въ гостиныхъ и уничтожаютъ его съ прилежаніемъ, большею частію молча или при разговорахъ отрывистыхъ, утвердительныхъ и отрицательныхъ знакахъ своихъ головокъ, сіяющихъ въ это время жемчугами и брилліантами. За ужиномъ гости, обыкновенно понуждаемые радушнымъ хозяиномъ, пьютъ много, очень много за его здоровье; тутъ важность и принужденность исчезаетъ и уже разъѣзжаются домой, не какъ съ бала, а какъ съ простой попойки, а иные даже вынужденными остаются ночевать.

Иногда бываетъ, въ особенности на свадебныхъ пирахъ, что при возглашеніи здоровья, гости за ужиномъ перебьютъ всю посуду, а сами пойдутъ въ присядку; но это ни сколько не ставится имъ въ конфузію, напротивъ, вмѣняется въ доброжелательство къ хозяину и означаетъ, что они довольны угощеніемъ. Свадьбы совершаются большею частію по выбору родителей, которые руководствуются въ этомъ случаѣ расчетами по торговлѣ, и молодая купеческая дочка въ Москвѣ рѣдко осмѣливается мечтать о своемъ суженомъ, если онъ ей не назначенъ волею родителя.

Вы видѣли купца въ его семействѣ, въ театрѣ и на прогулкѣ, теперь ступайте за нимъ въ Ряды и Гостиный дворъ. Тамъ всѣ его чувства занимаетъ одна мысль: продать товаръ лицомъ и взять за него столько прибыли, сколько это будетъ возможно.—Я часто любилъ шататься по Рядамъ безъ цѣли, отъ скуки, признается Вистенгофъ; купцы, бывало, такъ привыкли, что я ничего не покупалъ, а только ротозѣйничалъ, что мнѣ никто не кричалъ: пожалуйте-съ, почтеннѣйшій господинъ, что покупаете-съ? Но зато я любовался, какъ они досаждали своимъ крикомъ другимъ. Впрочемъ я не соглашусь, чтобъ подобное обыкновеніе приглашать было совершенно не нужное, если бы оно не дѣлалось прямо въ ухо, иногда даже, какъ будто съ намѣреніемъ надоѣдать.

Часто придешь въ городъ и во множествѣ покупокъ, забудешь необходимую вещь, но вдругъ услышишь номенклатуру предметовъ: булавки, шпильки, иголки, помада, духи, вакса, сахаръ, чай, обстоятельныя лакейскія шинели, фундаментальныя шляпы, солидные браслеты, нарядные сапоги, сентиментальныя колечки, помочи, перчатки, восхитительная кисея, презентабельныя ленты, субтильные хомуты, интересное пике, нѣмецкіе платки, боръ де суа, бархатъ веницейскій, разныя авантажныя галантерейныя вещи, сыръ голландскій, мыло казанское и въ заключеніе: пожалуйте-съ, почтенный, у насъ покупали. Смотришь, иногда въ поименованныхъ

просто чудо-юдо! Представляютъ, какъ мертвецы оживутъ да и начнутъ плясать по ночамъ; но только что расплясались, вдругъ глядь, анъ черти-то ихъ цапъ-царапъ, и они опять въ аду». Само собою разумѣется, что при такихъ понятіяхъ о театральномъ представленіи, разсказывающій имѣетъ бороду, которую онъ при семъ случаѣ и поглаживаетъ.

Николаевскій сиротскій институтъ, б. дворецъ гр. Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ.

предметахъ, попадется вещь, о которой совсѣмъ забылъ, но которая необходима. Эти приглашенія, повторяю, были бы очень терпимы, если бы производились не такимъ часто раздирающимъ душу, пронзительнымъ голосомъ.

Я замѣчалъ, что нигдѣ не кричатъ съ такимъ дикимъ самоотверженіемъ, какъ въ шляпномъ ряду, тамъ прохожаго иногда тащатъ насильно въ лавку. Всѣхъ скромнѣе — въ ножевой линіи; тутъ хотя и закликаютъ, но человѣчески; потому что купцы часто засматриваются на хорошенькихъ женщинъ, безпрестанно роющихся и отыскивающихъ что-нибудь въ маленькихъ шкапчикахъ [1]).

Въ то время, когда въ Рядахъ происходятъ описанныя мною объявленія продающихся товаровъ, (эти объявленія часто заглушаются крикомъ еще болѣе неистовымъ), вдругъ неожиданно пролетитъ мимо васъ, какъ угорѣлый, верзила съ большимъ лоткомъ на головѣ и отрывисто прокричитъ что-то во все горло. Я сколько ни бился, никакъ не могъ разобрать, что эти люди кричатъ,—а какой товаръ покрытъ сальною тряпкою, то отгадать не было никакой возможности. Наконецъ, я рѣшился остановить одного изъ верзилъ; «что ты продаешь?» спросилъ я его; онъ что-то прокричалъ скорѣе обыкновеннаго и побѣжалъ своею дорогою; отъ купцовъ уже узналъ я, что это—ноги бараньи, или свѣжа-баранина, разносимая для ихъ завтрака. Но кромѣ крика купцовъ, если, что дѣлаетъ путешествіе по Рядамъ несноснымъ, это шалости мальчиковъ, находящихся при лавкахъ, которые безпрестанно возятся средь дороги, такъ что того и гляди, собьютъ васъ съ ногъ, и множество нищихъ, рѣшительно мѣшающихъ расчитываться; сверхъ того удивительное неудобство для ходьбы представляетъ худо вымощенный полъ въ самыхъ Рядахъ, гдѣ камни часто бываютъ раздѣлены большими ямами, такъ что если немного зазѣваешься, то легко можно свихнуть себѣ ногу; темнота, существующая во всѣхъ внутреннихъ Рядахъ, почти лишаетъ возможности различать цвѣта, въ особенности, когда купецъ умышленно старается вамъ заслонить свѣтъ для того, чтобъ въ тѣни товаръ его, какъ и многія вещи на свѣтѣ, имѣлъ больше эффекта.

Порядочный купецъ васъ не обочтетъ, не обмѣряетъ и не обманетъ цѣною; безпорядочный же — только развѣсьте уши, такъ обкарнаетъ и продастъ такой сентиментальный товаръ, что вы и дома не скажетесь.

Проторговавшійся какимъ-нибудь случаемъ купецъ, убѣжищемъ для своего разсѣянія, отъ тяжелыхъ горестей здѣшней жизни, обыкновенно избираетъ Марьину рощу, гдѣ онъ уже съ неистовствомъ предается музыкѣ, пѣнію и поглощенію разнаго рода дешевыхъ, горячительныхъ напитковъ.

---

[1]) Купцы, продавая имъ товары, берутъ барыши, а между тѣмъ строятъ куры, иногда даже справляются о мѣстожительствѣ хорошенькихъ покупательницъ, говоря въ такомъ случаѣ съ пріятною улыбочкою и приподнятіемъ шляпы: «сдѣлайте ваше одолженіе, осмѣлюсь сдѣлать вопросъ, милостивая государыня, гдѣ изволитъ жить ваша особа?» «На что же вамъ?—спрашиваетъ часто обрадованная милостивая государыня. «Сдѣлайте ваше одолженіе съ, за особенное удовольствіе себѣ сосчитаемъ, съ почтеніемъ товаръ на домъ доставить, сдѣлайте ваше одолженіе-съ!» Иногда особы, къ которымъ обращены бываютъ эти рѣчи, знаютъ, что купецъ преполезный членъ общества есть, и не скрываютъ своихъ квартиръ; часто покупка тесемочекъ доставляетъ самыя пріятныя и прочныя знакомства.

VI.

Чиновники.

Къ перу отъ картъ, а къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ.
Грибоѣдовъ.

Классъ чиновниковъ Вистингофъ раздѣляетъ такъ: онъ употребляетъ и онъ не употребляетъ,—онъ танцуетъ и онъ не танцуетъ.

Благословляйте судьбу, если вамъ придется имѣть дѣло съ чиновникомъ, который не употребляетъ и не танцуетъ, но вы проклянете свою жизнь, если свяжетесь съ такимъ, который употребляетъ да еще и танцуетъ. Благодаря быстро подвигающемуся просвѣщенію въ Россіи, теперь особенно въ столицахъ, университеты, гимназіи и другія учебныя заведенія, доставляютъ присутственнымъ мѣстамъ ежегодно большое число молодыхъ людей, воспитаніе которыхъ, вмѣстѣ съ образованіемъ нравственныхъ достоинствъ, дѣлаетъ ихъ способными и бойкими дѣльцами въ канцеляріяхъ; но эти образованные юноши, бывъ отличаемы внимательнымъ начальствомъ, не долго остаются въ низшихъ должностяхъ и, при благодѣтельномъ поощреніи Правительства, быстро достигаютъ высшихъ степеней въ государственной службѣ; слѣдовательно: низшія должности, такъ называемыя приказныя, большею частію, заняты людьми съ меньшимъ образованіемъ,—людьми почти неподвижными, или двигающимися впередъ съ удивительною медленностію.

Вся цѣль этихъ неподвижныхъ чиновниковъ сосредоточивается въ полученіи должности столоначальника въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ они служатъ писцами и рѣдкій изъ нихъ расширяетъ предѣлы честолюбивыхъ своихъ замысловъ до должности секретаря, которой достигаетъ иногда, если не танцуетъ; съ этими-то людьми, прежде нежели доберетесь до присутствія, иногда приходится вамъ надобность имѣть дѣло въ присутственныхъ мѣстахъ, и съ ними хочу я васъ познакомить: знаете ли, что приказный чиновникъ въ Москвѣ теперь, и что онъ былъ вскорѣ послѣ Французовъ—большая разница: старинный приказный былъ, конечно, непріятный для васъ знакомый; онъ ходилъ тогда въ фризовомъ, засаленномъ сюртукѣ, отъ него несло простымъ виномъ, борода его была плохо обрита; на немъ были грязные сапоги и изъ нихъ выглядывали неопрятные пальцы; онъ нюхалъ табакъ изъ пузырька, а не изъ табакерки, сморкался въ кулакъ; работая въ канцеляріи, онъ имѣлъ привычку класть себѣ перо за ухо и почесывать безпрестанно свою неприглаженную голову; при встрѣчѣ, онъ часто протягивалъ вамъ свою потливую руку, полусжатую пригоршней, тогда какъ обычай того времени, при поклонахъ, требовалъ поцѣлуевъ; можетъ быть даже, что тотъ приказный, встрѣчаясь съ вами, цѣловалъ васъ и

МЯСОѢДОВЪ. Салонъ Зинаиды Волконской въ Москвѣ.

вмѣстѣ протягивалъ свою гадкую руку, въ которую вы безъ церемоніи клали синицу и приказывали ему, что вамъ было угодно, написать ли просьбу, сдѣлать выправку и т. п. Можетъ, онъ васъ обманывалъ, кормилъ завтраками, водилъ за носъ, какъ обыкновенно дѣлали приказные того времени; но что же такое? вы его прогоняли отъ себя, обращались къ другому; у васъ пропадало только пять рублей или вы шли жаловаться къ начальнику, а тотъ, разругавъ его ругательски, приказывалъ сторожу стащить съ него сапоги, спрятать фуражку и держать въ канцеляріи до тѣхъ поръ, пока онъ окончитъ ваше дѣло.

Но теперь, если придется вамъ надобность имѣть серьезное дѣло съ приказнымъ чиновникомъ нынѣшняго времени, то вы спрячьте подальше свои пятирублевыя ассигнаціи — съ нимъ вы никакого не сдѣлаете дѣла; не надѣйтесь также и на снятіе сапоговъ — ихъ нынче уже не снимаютъ.

Не забудьте, что нынѣшній чиновникъ въ Москвѣ получаетъ порядочное штатное жалованье, не назначаемое, какъ случалось иногда, по капризу секретаря; онъ имѣетъ тоже свою амбицію и гордость, порицаетъ взятки, ходитъ въ опрятномъ мундирномъ фракѣ съ пуговицами подъ клапанами; манишка у него съ запонками; онъ при часахъ, а часы у него съ золотою цѣпочкою; хохолъ его завитъ и раздушенъ, сапоги какъ зеркало и на высокихъ каблукахъ; у него на рукѣ, которую прежній подъячій вамъ протягивалъ, всю въ маслѣ и чернилахъ, блеститъ брилліантовое колечко; онъ часто обѣдаетъ у Шевалье и Будье, куритъ предорогія пахитоски, воображаетъ, что говоритъ по-французски, не употребляетъ ничего, кромѣ го-сотернъ и шампанскаго, приказывая послѣднее подавать непремѣнно на льду въ серебряной вазѣ; танцуетъ мазурки и галопады въ маскерадахъ Нѣмецкаго клуба и Купеческаго собранія, прогуливается въ Элизіумъ и нерѣдко бываетъ львомъ Кремлевскаго сада; строитъ курбеты барышнямъ, ищетъ себѣ богатую невѣсту, требуя, чтобъ она была непремѣнно милашка и благородная; сидитъ въ театрѣ въ креслахъ, гордо посматриваетъ въ зрительную трубку на ложи, да еще произноситъ свои приговоры на артистовъ, хлопая съ самонадѣянностію въ ладоши или иногда, смотря по капризу, употребляя и змѣиное шипѣніе. Ну, попробуйте къ такому чиновнику сунуться съ пятью рублями; да онъ васъ вызоветъ на дуэль!

Нынѣшній порядочный чиновникъ не беретъ такихъ крошечныхъ денегъ; все, что онъ можетъ для васъ сдѣлать — это идти съ вами какъ знакомый обѣдать въ гостиницу; ступайте же; пообѣдайте съ нимъ и потомъ сочтите, что это вамъ будетъ стоить; аппетитъ у него всегда прекрасный, и привычки его я вамъ разсказалъ, сообразуясь съ нимъ, вы должны угощать его, если хотите, чтобъ онъ васъ, въ свою очередь, не угощалъ од-

ними обѣщаніями. Большая часть приказныхъ чиновниковъ въ Москвѣ живетъ далеко отъ присутственныхъ мѣстъ; причина тому — слишкомъ дорогая цѣна квартиръ въ самомъ центрѣ города, гдѣ расположены присутственныя мѣста. Всѣ они, большею частію, обитаютъ: подъ Новинскимъ, въ Грузинахъ, за Москвой рѣкой, въ переулкахъ на Срѣтенкѣ, въ Таганкѣ и подъ Дѣвичьимъ.

Въ 9 часу утра, если вамъ случится быть у Иверскихъ воротъ, то вы увидите, какъ они стаями стекаются, со всѣхъ сторонъ, съ озабоченными лицами, съ завязанными въ платкѣ кипами бумагъ, въ которыхъ весьма часто можетъ быть упоминается и о вашей особѣ, если вы имѣете дѣла. Они спѣшатъ, кланяются между собою, заходятъ въ часовню Иверской Божіей Матери и, сотворивъ молитву, бѣгутъ писать роковыя слова: слушали, а по справкѣ и приказали, бывающія иногда для васъ источникомъ всѣхъ благъ земныхъ, или наоборотъ.

Въ три часа, чиновники выходятъ изъ присутствія; тутъ опять вы можете ихъ встрѣтить, на улицахъ опять видна заботливость, но эта уже не забота службы, а забота тощаго желудка.— Противъ присутственныхъ мѣстъ тянется длинный рядъ трактировъ; тамъ органы, машины съ музыкою безпрестанно наигрываютъ и «Вѣетъ вѣтерокъ», и аріи изъ «Роберта», и вальсы Страуса; туда спѣшатъ приказные, чтобъ насытить свой проголодавшійся желудокъ; у каждаго изъ нихъ есть своя любимая резиденція, своя комната, любимый номеръ въ машинѣ, любимое блюдо и у каждаго почти, есть свой фаворитъ половой, передъ которымъ должностной человѣкъ разыгрываетъ роль барина.

Когда приказные обѣдаютъ нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, и если вы хоть небольшой наблюдатель, то легко отгадаете на свой или на чужой счетъ они обѣдаютъ; по физіономіи ихъ, по разговорамъ, вы можете навѣрное узнать, благополучно ли окончилось для нихъ присутствіе, т.-е. похвалилъ, или погонялъ начальникъ, и не приключилось ли приказному ком-си ком-са, особеннаго удовольствія, котораго, если вы не приказный, то никогда испытать не можете. Когда вы увидите, что приказные за столомъ ѣдятъ обыкновенно, какъ и всѣ люди, выпили водки, только передъ обѣдомъ, а потомъ спросили кислыхъ щей, имѣя немного кислыя лица, говорите смѣло: они обѣдаютъ на свой счетъ!

Но если приказные пришли всѣ съ улыбающимися лицами, или между ними невеселъ только одинъ; если они спрашиваютъ водки и передъ обѣдомъ и послѣ каждаго блюда; если кричатъ подай того, подай другого, и то не то, и то не такъ; если тутъ являются и малиновка и вишневка и мадера и сотернъ; если хлопаютъ въ потолокъ пробки верзенея;— все это несомнѣнные признаки, что они кого-нибудь съ собою прихватили и его паказываютъ.

Архитектурный памятникъ Москвы.- Вдовій домъ и Тріумфальныя ворота. (Боковой фасадъ).

Когда, во время присутствія, начальникъ приказнаго погонялъ, и ему не приключилось никакого особеннаго удовольствія, то онъ пасмуренъ какъ сентябрь, говоритъ мало, вина почти совсѣмъ не пьетъ. Съ мрачнымъ видомъ спрашиваетъ онъ трубку и, съ горя, велитъ играть на машинѣ. Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ; если же похвалилъ начальникъ, да еще приключилось и удовольствіе, то у приказнаго рѣчи льются, какъ пламя изъ печи. Онъ за обѣдомъ разговариваетъ съ товарищами и привѣтливо кланяется знакомымъ; одна сторона его лица куски жуетъ, а другая сладко рѣчь ведетъ; онъ кричитъ половому: «ну, дьяволъ, толкай во лѣсахъ, а самъ, въ это время, выхваляетъ своего начальника и густую бороду прислужника; онъ съ нимъ острится и пьетъ винцо съ улыбочкой, а вставая изъ-за стола, спрашиваетъ театральную афишу и гордо кидаетъ слугѣ на водку гривенникъ.

Немногіе изъ приказныхъ, обѣдаютъ въ своемъ семействѣ; они обыкновенно возвращаются домой довольно поздно вечеромъ, потому что послѣ обѣда привыкли, для моціона, играть на биллiардѣ; иные, съ трубочкою въ зубахъ, притворяются, что читаютъ Пчелку, а когда Пчелка занята, то не имѣя ни одного знакомаго изъ военныхъ, повышеніе котораго чиномъ могло бы ихъ интересовать, они пробѣгаютъ приказы въ Инвалидѣ, или не имѣя никакого понятія въ естественныхъ наукахъ, читаютъ въ Библіотекѣ для чтенія изслѣдованія и наблюденія надъ пластами земли, а иногда, прихлебывая наливочку, даже разсужденія объ инфузоріяхъ и о наливочныхъ животныхъ, или географію луны; время же летитъ; не увидишь, какъ наступитъ вечеръ; тутъ приказный является домой.

Если онъ женатъ и ладно живетъ съ женой, то уже большею частію остается дома, копается въ дѣлахъ, опять читаетъ всякаго рода книги, даже оперы и программы балетовъ; если же холостякъ, да еще и танцуетъ, то кто велитъ ему сидѣть? да вы дома его и съ собаками не сыщете.

Сдѣлавъ краткій очеркъ приказныхъ служащихъ въ Москвѣ, я перехожу къ отставнымъ приказнымъ. Ихъ можно раздѣлить на безвредныхъ и зловредныхъ коллежскихъ регистраторовъ; первые, находясь въ отставкѣ, живутъ обыкновенно, какъ и всѣ порядочные граждане города, каждый по своимъ средствамъ, а послѣдніе, оставя службу въ своей ранней молодости, по разнымъ болѣе или менѣе неблагопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, обыкновенно толпятся по утрамъ у Иверскихъ воротъ, Казанскаго Собора и около самыхъ присутственныхъ мѣстъ; это стряпчіе, ходатаи по дѣламъ, сводчики разныхъ покупокъ, всегдашніе свидѣтели купчихъ крѣпостей, отпускныхъ, закладныхъ, заемныхъ писемъ и всякаго рода условныхъ записей; свидѣтели всего того, что они видѣли и чего не видали, того, что дѣйствительно совершилось, и того, чего никогда не было, люди, готовые всегда засвидѣтельствовать все, по приглашенію.

Они дѣлаютъ большой вредъ неграмотнымъ и простолюдинамъ, нерѣдко втягивая ихъ въ различные процессы. Часто какой-нибудь крестьянинъ или деревенская баба идутъ къ присутственнымъ мѣстамъ справиться по своему дѣлу, иногда имъ встрѣчается надобность подать просьбу; отставной регистраторъ немедленно является тутъ и предлагаетъ услугу: попысывая просьбу, онъ нисколько не заботится о вѣрномъ изложеніи дѣла, а думаетъ только, чтобъ какъ-нибудь ее скорѣе настрочить, да заработать себѣ четвертакъ, и часто просьбы, написанныя совершенно безъ всякаго смысла этими людьми, обременяютъ Московскія присутственныя мѣста.

Ходатай по дѣламъ обыкновенно увѣряетъ легковѣрнаго мужичка, что ужъ такъ мастерски напишетъ, что ему и хлопотать по дѣлу будетъ не нужно; «все получишь, любезный,—говоритъ онъ, меня только смотри не забудь»; и разсуждая такимъ образомъ, между прочимъ добивается нѣтъ ли у мужика какой-нибудь тетки, снохи или свата, деверя, которые бы повздорили съ своимъ сосѣдомъ о клочкѣ земли, или о какомъ-нибудь рублѣ; нѣтъ ли какого-нибудь крѣпостного человѣка, отыскивающаго себѣ свободы изъ владѣнія разночинца; «присылай ихъ сюда ко мнѣ», говоритъ всемірный стряпчій, «ужъ выиграю дѣло, будетъ вѣкъ благодаренъ».

Мужикъ часто вѣритъ регистратору, а ему того только и надо; онъ валяетъ себѣ свои дешевыя просьбы, городитъ въ нихъ турусу на колесахъ, получаетъ четвертаки и жуируетъ по-своему. Иногда осторожный мужичекъ проситъ ходатая своего прочесть ему написанную просьбу, чтобъ знать, что такое въ ней написано и дискать, есть ли складъ;—такъ какъ дѣйствіе обыкновенно происходитъ на лѣстницѣ присутственнаго мѣста или на улицѣ, то приказный отводитъ крестьянина куда-нибудь за уголъ или соглашаетъ его посѣтить харчевню и тамъ за парами чая, онъ ему читаетъ: «такому-то и прочее и прочее, жалоба крестьянина Экономической Паршиванской волости, села Кузнецовъ, Анофрія Иванова о слѣдующемъ: *Я*, крестьянинъ Анофрій Ивановъ, по прозванію Башлыкъ, *я*, принадлежавъ сперва экономической волости Сапелькиной, *я* съ 1810 года переписанъ за вышерѣченною волостію, *я* имѣю дочь, *я* имѣю одну законную дочь Феоктисту, *я* ее воспитавъ, а теперь утративъ, *я* сперва крѣпостной, но отпущенъ бывъ на волю, а дочь помѣщикомъ Тетехиномъ, бывъ продана одному купцу, а купецъ продалъ попу, а попъ продалъ казакамъ, а казаки продали жиду, жидамъ крѣпостныхъ держать воспрещено и потому все сіе есть несправедливо и Феоктистѣ слѣдствуетъ свобода!»

На словахъ несправедливо и свобода ходатай дѣлаетъ сильныя ударенія и посматриваетъ на мужичка, а тотъ обыкновенно въ это время думаетъ, что эти же самыя слова будутъ непремѣнно словами рѣшенія судебнаго мѣста и отвѣчаетъ: «хорошо, родимый, хорошо, такъ; ну вотъ тебѣ-ка за труды»! Четвертакъ погибъ, гербовая бумага также погибла, по этой безтолковой просьбѣ Анофрій о своей Феоктистѣ не добьется толку цѣлые годы; остается въ выгодѣ одинъ только приказный, который весело пропиваетъ полученный даромъ четвертакъ.

VII.

Балы, маскарады и концерты.

Съ ноября мѣсяца, до самаго Великаго поста, въ высшемъ и среднемъ кругѣ Московскаго дворянства, давались вечера и балы. Балы у аристократовъ иногда бывали такъ роскошны и великолѣпны, что могутъ безъ всякаго пристрастія назваться Европейскими; въ это время радушный хозяинъ изобрѣтаетъ всѣ возможныя средства, чтобъ доставить удовольствіе гостямъ: блестящія залы, горящія тысячами огней, стройный оркестръ, очаровательные наряды женщинъ, такъ привлекательно и прозрачно одѣвающіе прелести нашихъ красавицъ; ихъ большіе черные глаза, миленькія, маленькія ножки, наконецъ конфекты и прочее приличное угощеніе, а въ заключеніе вкусный ужинъ. Ну, право чудо! кажется, что можетъ быть лучше, пріятнѣе бала?.. Но какъ жаль, что лѣта, въ которые онъ намъ такъ нравится, слишкомъ непродолжительны, и въ нынѣшнее время, молодой человѣкъ не успѣетъ оглянуться, какъ уже все ему надоѣло; ему едва минуло 25 лѣтъ, а онъ не только не танцуетъ, но зѣваетъ на балѣ. Нынче молодые люди почти не говорятъ съ женщинами безъ особенныхъ цѣлей; наши красавицы-щеголихи, принуждены вертѣться и любезничать съ мальчиками, между тѣмъ какъ пережившіе за 25 лѣтъ стоятъ важно и наводятъ на нихъ свои лорнеты.

Мнѣ кажется, не женщины, но мужчины причиною, что въ большихъ обществахъ существуетъ до сего времени, такъ сказать, какая-то натяжка и въ гостяхъ нѣтъ общаго желанія повеселиться и быть любезнымъ, что необходимо для того, чтобъ было оживлено общество. У насъ, на балѣ пока не заиграла музыка и не начались танцы, немногіе изъ мужчинъ позволяютъ себѣ подходить къ дамамъ и разговаривать съ ними, и я не понимаю, неужели мужчины ждутъ времени, когда женщины сами начнутъ заискивать ихъ разговора? Помилуйте, тогда намъ останется одно только: присѣдать передъ ними.

Сказавши нѣсколько словъ о частныхъ балахъ въ Москвѣ, Вистенгофъ переходитъ къ общественнымъ и маскарадамъ.

Общественные балы бываютъ зимою въ Благородномъ, Купеческомъ собраніи и Нѣмецкомъ клубѣ; въ нихъ также продолжаются до самаго Великаго поста маскарады. Сверхъ того, даются танцовальные вечера нѣкоторыми танцмейстерами. На этихъ вечерахъ обыкновенно танцуютъ одни дѣти, и нѣсколько баловъ даетъ почтенный и любимый всѣми поставщикъ Уогель, который, уча теперь танцовать дѣтей высшаго общества, когда-то училъ тому же ихъ бабушекъ и дѣдовъ.

Благородное собраніе обыкновенно открывается 20 ноября, или блестящимъ баломъ 6-го декабря въ день тезоименитства Императора и закрывается деннымъ баломъ въ субботу на Масленой недѣлѣ: тутъ вы можете видѣть всѣхъ Московскихъ красавицъ и невѣстъ въ полномъ блескѣ ихъ настоящей красоты, при дневномъ свѣтѣ и лучахъ уже весенняго солнца.

Конечно, случается, что на денномъ балѣ вы многихъ не узнаете, если встрѣчали ихъ только вечеромъ. Часто, дѣвушка, которой цвѣтъ лица

казался такъ привлекательнымъ при благопріятномъ свѣтѣ люстръ и бальныхъ огней, покажется вамъ блѣдной и желтой чрезмѣрно; что же дѣлать? За то сколько встрѣтите вы тутъ красавицъ такихъ, которыя не побоятся явиться на балъ днемъ и тогда, когда бы свѣтило не одно, а три солнца, и сколько лицъ найдете въ субботу столько же увлекательныхъ, прекрасныхъ, какими вы привыкли встрѣчать ихъ въ продолженіе цѣлой зимы.

Маскарады Благороднаго собранія разнообразны и даже очаровательны. Съѣздъ на нихъ бываетъ въ 11-ть часовъ вечера, иногда и позже. Огромная зала горитъ яркими огнями, которые, отражаясь, играютъ на ея свѣтлыхъ мраморныхъ колоннахъ; на хорахъ стройный оркестръ, гремитъ польскій, тотъ долгій, восхитительный польскій, когда мимо васъ таинственныя маски мелькаютъ, какъ мягкія тѣни, мистифицируя всѣми возможными способами; подойдетъ черное домино, миленькая ручка, маленькая ножка, сверкающіе глаза, какъ два чистые алмаза, блестятъ изъ-подъ маски; она скажетъ вамъ нѣсколько словъ и исчезнетъ въ толпѣ, заставя васъ задуматься, вспомнить былое, иногда пріятное, иногда слишкомъ горестное; вы спѣшите за ней, но толпа зѣвакъ, наблюдателей въ черныхъ фракахъ, съ двойными и одинокими лорнетами, уже отдѣлила васъ отъ нея и быть можетъ навсегда.

Вотъ спускается по ступенькѣ въ залу широкое атласное домино, совершенно закутывающее собою станъ высокой женщины; но и сквозь это домино проглядываютъ прекрасныя роскошныя формы, стройная, величественная талія; маска остановилась на ступенькахъ и гордо обвела своимъ лорнетомъ всю залу. Это молодая аристократка, она съ другой своей пріятельницей, при ней никогда не замѣчаемою вами...

Вотъ посмотрите... молодой человѣкъ благородной наружности! голова его причесана просто, и съ перваго взгляда видно, что онъ на это занятіе не употребляетъ цѣлыхъ часовъ и не думаетъ, что подбираніе волоска къ волоску краситъ мужчину. Онъ скученъ; онъ любитъ истинно прекрасно образованную молодую дѣвушку, но она бѣдна и не знатнаго происхожденія, а молодой человѣкъ богатъ и стариннаго княжескаго происхожденія; его загрызетъ вся родня, если онъ вздумаетъ не только жениться на этой дѣвушкѣ, но даже много говорить и танцовать съ ней въ обществѣ.

Какъ бы умственною чертою бываетъ раздѣлена зала собранія въ отношеніи ея народонаселенія во время маскарада. Въ лѣвомъ углу залы, обыкновенно собирается высшее общество; тутъ вы всегда встрѣтите благородныя, блѣдныя гордыя и привлекательныя лица нашихъ аристократокъ, съ ихъ важною осанкою, гибкою таліею, съ ихъ убійственно-равнодушными взглядами для тѣхъ, кого онѣ не хотятъ замѣтить; около нихъ толпятся, увиваются наши московскіе львы, европейцы, адъютанты и гвардейцы, молодые денди, недавно надѣвшіе галстухи, а между тѣмъ имѣющіе уже сильное покушеніе на отращеніе бороды и усовъ, люди, явившіеся въ свою очередь, смѣнить на балъ тридцатилѣтнихъ юношей, прошаркавшихъ уже болѣе 20-ти лѣтъ по паркету, уже истратившихъ множество пустыхъ и страдальческихъ вздоховъ и великое количество лайковыхъ

Въ паркѣ дома Найденова.

перчатокъ, оставившихъ часто для жизни только одну жалкую пустоту въ карманѣ и сердцѣ.

Перейдемъ теперь на правую сторону зала, ближе къ оркестру: здѣсь поражаетъ васъ пестрота дамскихъ и мужскихъ нарядовъ; здѣсь вы видите веселыя, довольныя собою лица и фраки темномалиноваго цвѣта, украшенные металлическими пуговицами, цвѣтные жилеты и панталоны, разнородные галстухи съ отчаянными узлами, удивительныя бакенбарды; желтыя, голубыя, пунцовыя, зеленыя, полосатыя, клѣтчатыя платья, громадные чепцы и токи, свѣжія, здоровыя, круглыя, румяныя лица, плоскіе, вздернутые къ верху носы, маленькія ножки и толстыя, пухлыя ноги, отъ которыхъ лопаются атласные башмаки, большіе, непропорціональные, даже непозволительныя груди.

На этой сторонѣ дамы и кавалеры, большею частью—особеннаго устройства; здѣсь собрано почти все то, что набѣгаетъ зимою въ Москву изъ губерній; оно перемѣшано съ женами докторовъ и чиновниковъ, занимающихъ положительныя, выгодныя и не то, чтобы значительныя, но состоящія въ 8-мъ, 7-мъ классѣ мѣста.

Тутъ большею частью суетятся студенты, армейскіе офицеры и танцующіе чиновники изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ; всѣ они также съ лорнетами, которые впрочемъ прячутъ при появленіи своихъ начальниковъ. Посмотрите, какъ неловко дѣлаетъ соло засѣдатель суда какого-то, въ большихъ сапогахъ на толстой подошвѣ: онъ боится, что того и гляди, къ кадрили подойдетъ начальникъ и увидитъ его преспокойно танцующаго, тогда какъ сегодня же утромъ онъ его исправно погонялъ за какое-то дѣло. Его визави составляетъ также чиновникъ—одѣтый порядочно, въ чистыхъ, хотя и широкихъ перчаткахъ; тотъ сконфузился и вдругъ пересталъ даже строить комплименты своей дамѣ, отъ того, что недалеко отъ себя увидѣлъ какого-то почтеннаго старичка, которому онъ сегодня оказалъ довольно важную услугу въ своемъ присутственномъ мѣстѣ.

Если вы здѣсь безъ всякой цѣли и хотите одного разсѣянія, оставайтесь на правой сторонѣ залы! Вы тутъ болѣе увидите веселыхъ и

счастливыхъ людей; до нихъ еще не дошли, изъ лѣваго угла залы, мысли и взгляды на вещи; у нихъ строгости не исполинскія, желанія маленькія—не колоссальныя, слѣдовательно, имѣющія на счастье ихъ жизни, одно только маленькое, крошечное вліяніе.

Общество, составляющее балы и маскарады Купеческаго собранія, почти одно и то же, которое описано мною вкратцѣ, на правой сторонѣ залы Благороднаго Собранія; но тутъ оно перемѣшано между купеческими семействами, встрѣчающимися съ среднимъ кругомъ дворянства, единственно только въ своемъ собраніи.

Если бы это соединеніе было чаще, то образованіе купеческихъ дѣтокъ, въ особенности дочерей, пошло бы гораздо быстрѣе. Купеческія дочки на балѣ и маскарадѣ обыкновенно очень молчаливы; замужнія—почти неприступны для разговора, позволяя однакожъ приглашать себя въ молчаніи двигаться подъ музыку. Здѣсь вы увидите богатые наряды во всемъ блескѣ ихъ безвкусія. Часто головки молоденькихъ купеческихъ дочекъ горятъ брилліантами и привлекаютъ лакомые взоры военныхъ и статскихъ жениховъ,—нерѣдко нарочно посѣщающихъ Купеческое собраніе для того, чтобъ высмотрѣть суженую. Въ купеческихъ семействахъ вы встрѣтите очень миленькія лица, но не удивляйтесь, если иногда на приглашеніе танцовать вамъ отвѣтятъ: «нѣтъ-съ, не хочу, дайте простыть».

Здѣсь, когда жарко, то прохлаждаютъ себя не вѣеромъ, а платочками; мужчины лишены шляпъ, военные даже оружія. Пожилыя купчихи на балѣ добровольно лишаютъ себя языка и движенія, довольствуясь однимъ пріятнымъ наблюденіемъ взорами за своими дѣточками, подбѣгающими къ нимъ послѣ каждой кадрили. Маменьки обыкновенно балуютъ ихъ конфектами, привозимыми съ собою въ большихъ носовыхъ платкахъ. Вистенгофъ разсказываетъ, что онъ разъ даже видѣлъ, какъ одна кормила свою дочку пастилою, привезенною изъ дому въ платкѣ. «Аленушка, сядь!» сказала ей матушка. «И, маменька! Я нисколько еще не уморилась, не люблю сидѣть», и схватя въ ротъ огромный кусокъ пастилы, завертѣлась въ вальсѣ съ подлетѣвшимъ къ ней какимъ-то мужчиною съ большими бакенбардами, въ мундирѣ съ петлицами, со шпорами, но безъ эполетъ.

Маскарады Нѣмецкаго клуба, посѣщаются преимущественно семействами нѣмцевъ, иностранцами другихъ націй, принадлежащими къ ремесленному классу, семействами мелкихъ учителей, актерами, актрисами. Въ этихъ маскарадахъ существуетъ разгульная, непринужденная веселость; здѣсь на туалетъ нѣтъ большой взыскательности, и молоденькія нѣмочки, а иногда и старушки преспокойно подрыгиваютъ контръ-дансы въ простыхъ бѣленькихъ платьицахъ, часто безъ всякихъ украшеній. Между ними попадаются и русскія дамы въ амазонкахъ, бержеркахъ и наряженныя кормилицами; эти дамы снимаютъ свои маски уже тогда, когда старшины клуба порядочно наужинаются и ко входу ихъ сдѣлаются нѣсколько благосклоннѣе, а до того времени имъ угрожаетъ злобное нѣмецкое Heraus.

Мужчины средняго круга также посѣщаютъ маскарады клуба, чтобъ поволочиться за нѣмочками и за этими русскими дамами, которыя такъ боятся непоужинавшихъ нѣмцевъ. Они нерѣдко также подвергаются грозъ-

Домъ бывшій Селезневыхъ на Пречистенкѣ.

ному Heraus за свои шалости; смотря по роду преступленія, ихъ иногда выводятъ съ музыкой. Нѣмцы величайшимъ для себя оскорбленіемъ считаютъ, когда русскіе шалуны, вмѣшавшись въ ихъ танцы, начинаютъ дѣлать разные фарсы и антр-ша.

Русскіе обыкновенно выбираютъ для такихъ продѣлокъ замѣчательно-безобразныхъ дамъ, составляютъ между собою кадриль изъ кривыхъ, горбатыхъ, слишкомъ долговязыхъ или слишкомъ коротенькихъ нѣмокъ; толпа сейчасъ окружаетъ эти карикатурныя кадрили и нѣмецкіе старшины ждутъ, какъ вороны крови, случая, чтобы уничтожить дерзкихъ возмутителей ихъ спокойныхъ пирушекъ. Они обыкновенно, завидѣвъ кадрили такого рода, называютъ ихъ «ein Skandal», и горе дерзновенному, распространившему свои антр-ша за границы приличія и нѣмецкаго терпѣнія; если онъ не знаетъ ни одного полновѣснаго нѣмца, который бы за него вступился, то изгнаніе его неизбѣжно. Маскарады Нѣмецкаго клуба, подъ Новый Годъ и въ субботу на Масленой, которые начинаются почти тотчасъ послѣ дневного бала въ Благородномъ собраніи, бываютъ такъ многолюдны, что въ нихъ съѣзжается посѣтителей до 9000 человѣкъ.

Для этихъ огромныхъ маскарадовъ, а равно для маскарадовъ, даваемыхъ въ пользу бѣдныхъ французовъ и нѣмцевъ, Благородное собраніе уступаетъ свои красивыя залы; онѣ соединяются посредствомъ лѣстницъ съ залами Нѣмецкаго клуба, находящимися въ одномъ и томъ же домѣ, и наполняются посѣтителями. Въ это время играетъ нѣсколько оркестровъ вокальной и инструментальной музыки и поютъ пѣсенники. Въ малой залѣ Благороднаго собранія собирается три раза ужинный столъ и въ это время, однихъ ужинающихъ бываетъ до 4000 человѣкъ!

Съ наступленіемъ 2-й недѣли Великаго поста, въ Москвѣ начинаются концерты; они даются въ залѣ Благороднаго собранія, въ залѣ Нѣмецкаго и Купеческаго клуба, а также въ театрахъ артистами, состоящими при Императорскомъ Московскомъ театрѣ и многими другими, пріѣзжающими въ Москву на время. Но какъ здѣсь очень мало истинныхъ любителей музыки, то концерты довольно лѣниво посѣщаются тѣми же людьми, которыхъ вы видѣли въ маскарадахъ, и которые пріѣзжаютъ для того только, чтобъ, какъ говорится: людей посмотрѣть и себя показать.

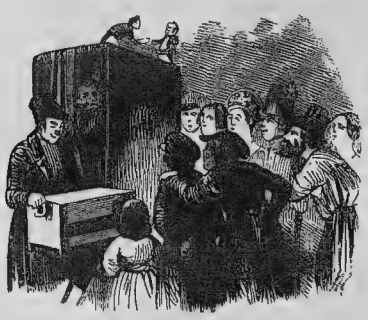
IX.

Лѣтнія гулянья.

Въ Москвѣ, съ наступленіемъ весны, въ Вербную субботу начинается первое гулянье. Оно бываетъ въ экипажахъ по главнымъ Московскимъ улицамъ, прилегающимъ къ Кремлю и вокругъ самого Кремля. Тутъ въ первый разъ появляются весеннія моды нашихъ щеголей и щеголихъ; при благопріятной погодѣ, бываетъ большое стеченіе народа, и въ то время, когда тянутся безконечныя цѣпи новыхъ прекрасныхъ экипажей, тротуары и средины улицъ наполнены толпами народа; простолюдины перемѣшаны

съ дворянствомъ и купцами, проходятъ въ Кремль и на Красную площадь, гдѣ обыкновенно бываетъ центръ гулянія. Тутъ цѣпи каретъ тянутся иногда въ 6 рядовъ; между ними рисуются верхами Московскіе молодые денди. На этомъ гуляньѣ, въ первый разъ встрѣчаются новыя лица юношей, одѣтыхъ уже щеголями, тогда какъ прошедшимъ лѣтомъ, они считались еще дѣтьми. Гулянье продолжается до сумерекъ, и, спустя четверть часа, послѣ разъѣзда, шумныя, веселыя площади и улицы представляютъ одну смирную пустыню.

Съ самаго этого вечера начинается Страстная недѣля; въ городѣ водворяется благоговѣйная тишина, вы слышите только одни унылые звоны колоколовъ съ ихъ таинственно-печальными откликами, призывающими православныхъ жителей къ молитвѣ. Но наступаетъ Великая суббота, и снова мелочныя, необходимыя и прихотливыя заботы людей проявляются во всей своей силѣ. Кареты несутся линіею къ магазинамъ на Тверскую и Кузнецкій мостъ, другія спѣшатъ въ Ряды и Гостиный дворъ; на многихъ улицахъ давка, почти нѣтъ возможности ходить отъ тѣсноты.



Въ Охотномъ ряду разставлены куличи, паски и красныя яйца; туда стекаются хозяйки, дворецкіе, повара и кухарки. Кто бѣжитъ и несетъ ногу копченой ветчины; кто тащится, едва передвигаясь подъ тяжестью нагруженныхъ кульковъ, изъ которыхъ торчитъ и носъ испуганнаго пѣтуха и печальное рыло поросенка,—производящаго по улицамъ пронзительный визгъ, какъ бы отъ предчувствія, что ему не миновать бѣды. Простолюдины несутъ обвернутыя въ бумагу шляпы; молодыя дѣвушки съ картончиками бѣгутъ со своими дешевыми покупками, занимающими ихъ болѣе, чѣмъ богатаго драгоцѣнности; кто несетъ корыто, кто глиняный горшокъ и мѣдный шандалъ; словомъ, всякій занятъ однимъ собою. И для чего вся эта суета? Для того, что каждому хочется, встрѣтивъ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, повеселиться и показаться между людьми своего общества. Но вотъ наступаетъ этотъ Великій праздникъ!

Въ то время, когда знатные и богатые гранятъ Московскую мостовую, дѣлая между собою свои странные визиты, не заставая другъ-друга дома, простой народъ веселыми толпами, въ праздничныхъ одеждахъ, при неумолкаемомъ звонѣ колоколовъ, валитъ подъ качели, устроенныя на Новинскомъ валу.

Это гуляніе живо выражаетъ собою высокое торжество Великой недѣли, въ продолженіе которой всѣ возрасты, всѣ сословія, безъ различія чиновъ, всѣ разряды кроткаго, добродушнаго народа веселятся вмѣстѣ съ богатыми и вельможами, не мѣшая одинъ другому. Утромъ, кругомъ гулянья, возятъ въ каретахъ маленькихъ дѣтей; между каретами, пролетаютъ стрѣлой молодые московскіе щеголи въ дрожкахъ, такъ сказать, по-

Домъ Государственнаго банка на Никитскомъ бульварѣ.

казываясь въ это время передъ публикою, а около двухъ часовъ утра съѣзжается лучшее общество и ходитъ пѣшкомъ по прекрасной широкой тропинкѣ, огороженной перилами, отдѣляющими ее съ одной стороны отъ экипажей, а съ другой отъ балагановъ, на которыхъ шумятъ, смѣшатъ народъ замысловатые паяцы и фокусники; около нихъ толпятся тысячи людей, смѣются надъ ихъ шутками, удивляются ихъ хитрости, зѣваютъ, глазѣютъ и скалятъ зубы по праздничному.

Тутъ вы видите и непромокаемыхъ и несгораемыхъ; тамъ одинъ принимаетъ яды, а въ другого стрѣляютъ изъ 10 ружей, и онъ невредимъ; въ одномъ балаганѣ штукарь показываетъ дьявольское навожденіе на веревкѣ, а въ другомъ даютъ театральное представленіе собаки и зайцы. Посреди всего этого чуднаго, дивнаго стоитъ маленькая будочка на складномъ стулѣ; къ верхушкѣ ея прикрѣплена березовая палочка, на палочкѣ вмѣсто флага развѣвается замасленный красный носовой платокъ, въ будочкѣ есть два стеклышка; позади ея, стоитъ отставной солдатъ и показываетъ разные оптическіе виды мальчикамъ и деревенскому мужику, которые съ любопытствомъ толпятся около его райка и защищая рукою одинъ глазъ отъ солнца, прищуря другой, смотрятъ серьезно, въ маленькія стеклышки. Солдатъ дѣлаетъ этой публикѣ нѣкоторыя поясненія; онъ всегда говоритъ какъ-то носомъ, протяжно и однообразно.—Вотъ посмотри и гляди городъ Аршава: Русскіе Поляковъ убиваютъ, себѣ городъ покоряютъ. Вотъ смотри и гляди городъ Аривань; вотъ князь Иванъ Федоровичъ выѣзжаетъ и войска созываетъ; посмотри, вонъ турки валятся какъ чурки, Русскіе стоятъ невредимо! Вотъ смотри и гляди городъ С.-Петербургъ и Петропавловская крѣпость; изъ крѣпости пушки палятъ, въ казаматахъ преступники сидятъ, сидятъ и пищатъ, а корабли къ Питеру летятъ! А вотъ городъ Москва бьетъ съ носка; Король Прусской въ нее въѣзжаетъ, а Русскій народъ ему шапки снимаетъ... Ахъ, хороша штучка, да послѣдняя».

Между тѣмъ наступаетъ 4 часа; лучшее общество уѣзжаетъ обѣдать, а въ самое это время начинается вечернее гулянье. Цѣпи экипажей несутся подъ Новинское; сперва купцы, немного позже дворянство, и уже экипажное гулянье продолжается до заката солнца. Молодые люди, какъ птички на жердочкахъ, сидятъ на перилахъ, бурлятъ, критикуютъ, лорнируютъ хорошенькихъ Москвитянокъ, подходятъ къ экипажамъ, и если красавица занимаетъ щеголя, то облокотясь важно на ручку каретной дверцы, живописно закинувъ на плечо полу своего моднаго плаща, онъ провожаетъ карету и расточаетъ свои французскіе комплименты, иногда съ величайшими грамматическими и сердечными ошибками.

Наконецъ, наступаетъ 1 мая, и открывается первое загородное гулянье въ Сокольникахъ, потомъ Семикъ,—въ этотъ день бываетъ многолюдное гулянье въ Марьиной рощѣ. Имъ оканчиваются большія, годовыя гульбища, и лучшее общество начинаетъ рѣдѣть, потому что многіе уѣзжаютъ въ деревни и на дачи; но зато въ это время частныя гулянія оживаютъ всѣ вмѣстѣ, во всемъ ихъ разгулѣ и разнообразіи, по всѣмъ концамъ огромнаго города. Знаменитый Бардинъ начинаетъ обыкновенно

травить за Рогожскою заставою своего лютого медвѣдя Ахана, котораго онъ не можетъ затравить въ теченіе 20 лѣтъ; открываются, на близъ лежащихъ дачахъ и въ городскихъ садахъ: Парижскіе Тиволи, Вѣнскіе и Берлинскіе Пратеры и различные Элизіумы, гдѣ бываютъ разныя удивительныя метаморфозы, великолѣпныя катастрофы, Олимпійскіе цирки, Гишпанскія пантомины, Геркулесовыя упражненія, Китайскія пляски, Индійскія игры, путешествіе доктора Фауста и его помощника Плутона въ адъ, Прогулки Бахуса на бочкѣ и разныя, неслыханныя живописныя табло, освѣщенныя бенгальскими огнями. На этихъ гуляньяхъ портнихи, швеи, цвѣточницы, купцы и приказные составляютъ большую часть публики; въ нѣсколькихъ мѣстахъ прекраснаго сада играетъ полковая и инструментальная музыка, поютъ русскіе пѣсельники и цыгане, на водѣ катаются въ лодкахъ и пускаютъ фейерверки. Кавалеры бываютъ очень любезны съ дамами, которыхъ они угощаютъ въ палаткахъ до поздней ночи, освѣщенной всегда какимъ-нибудь брилліантовымъ транспорантомъ, и веселятся иногда до того, что какъ сами говорятъ: ужъ ничего въ волнахъ не видно. Однѣ афиши, печатаемыя объявленія о такихъ гуляніяхъ, непремѣнно возбудятъ любопытство, и я знаю людей въ Петербургѣ нетерпѣливо ожидающихъ Московскихъ вѣдомостей, чтобъ только хоть полюбоваться на эти афиши.

Между тѣмъ, по воскресеньямъ на дачѣ Нѣмецкаго клуба бываютъ балы, поютъ цыгане и даютъ представленія разные пріѣзжающіе фокусники и артисты.

Лучшее же общество, остающееся на лѣто въ городѣ, соединяется по пятницамъ въ Сокольницкой рощѣ и по праздникамъ въ огромномъ воксалѣ Петровскаго парка, гдѣ бываютъ маскарады, танцовальные вечера, лотереи, а въ царскіе дни—великолѣпная иллюминація. Тутъ вы увидите московскихъ невѣстъ и красавицъ, съ ихъ привлекательными нарядами и изысканной небрежностью загородныхъ прогулокъ; московскихъ львовъ и денди, съ ихъ перехитренными модными фраками и сюртуками, съ воткнутыми въ глаза черепаховыми лорнетами; людей съ печальными, важными, довольными, или вѣчно улыбающимися лицами, дородныхъ и тощихъ, дѣйствительныхъ молодцовъ и безобразныхъ, воображающихъ себя красавцами, и множество такихъ людей мужескаго и женскаго пола, которыхъ вы, встрѣчая ежедневно, никогда не узнаете, потому что ни лица ихъ, ни одежда не заключаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и такого, на чемъ могло бы остановиться ваше вниманіе.

Кромѣ исчисленныхъ мною мѣстъ для прогулки, вы встрѣтите ежедневно гуляющихъ на бульварахъ, особенно на Тверскомъ, Прѣсненскихъ прудахъ и въ Кремлевскомъ саду, гдѣ въ положенные дни играетъ музыка, а въ день коронованія Императора, въ Кремлевскомъ саду бываетъ блестящая иллюминація. Лѣтомъ бываютъ также конскія скачки, на устроенномъ для того бѣгѣ, куда собирается множество жителей всякаго званія. Если хотите уединенныхъ загородныхъ прогулокъ съ своимъ семействомъ, поѣзжайте по окрестностямъ Москвы: онѣ очаровательны. Я назову вамъ лучшія изъ нихъ: Царицыно, Кунцево, Кусково, Воробьевы горы, Кузминки,

Останкино, Коломенское, Петровское-Разумовское, Архангельское и множество другихъ. Зимнія же гулянія заключаются въ утренней прогулкѣ, ясными днями, по Кремлевскому саду и на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ собирается лучшее общество, а также бываютъ катанья по набережной Москвы-рѣки и на Новинскомъ валу.

Говоря о гуляніяхъ, я не могу не упомянуть объ оригиналахъ, которыхъ вы можете встрѣтить въ Москвѣ. Если бы одно изъ этихъ лицъ поселилось жить въ губернскомъ городѣ, то тамъ бы просто признали бы его за сумасшедшаго и бѣгали бы на него смотрѣть, а здѣсь оно теряется во множествѣ, и только одинъ глазъ наблюдателя можетъ удивляться странному препровожденію времени этихъ оригинальныхъ людей. Они обыкновенно бываютъ среднихъ лѣтъ, средняго роста; физіономія ихъ почти вѣчно улыбается безъ всякой причины; они не служатъ и не занимаются хозяйствомъ; что же они дѣлаютъ? спросите вы; это вѣрно литераторы? Вы ошиблись! Они никогда ничего не читали и не читаютъ. Это игроки? Они въ руки не брали картъ.

Но въ чемъ же они проводятъ время? Они провожаютъ! Вотъ достаточное опредѣленіе ихъ занятій въ теченіе цѣлой жизни. Вы можете, всегда навѣрное, встрѣтить ихъ на Тверскомъ бульварѣ и въ Кремлевскомъ саду, зимою ль, въ суровую ль осень, въ полдень, или глубокую полночь, все равно, вы ихъ тамъ найдете, смиренно посиживающихъ на лавочкахъ или слоняющихся изъ одного конца аллеи въ другой. Въ то время, когда одинъ изъ этихъ господъ сидитъ на лавочкѣ, пройдетъ мимо пригоженькая дама, а иногда, просто какая-нибудь горничная дѣвушка, въ нанковомъ капотѣ и съ узломъ въ рукахъ, волокита встаетъ съ мѣста и, въ почтительномъ отдаленіи, слѣдитъ незнакомку; она съ бульвара,—онъ за ней, она на Тверскую, на Покровку,—онъ за ней и, такимъ образомъ, иногда очутится гдѣнибудь въ Лефортовѣ. Тутъ дѣвушка входитъ въ комнатку маленькаго домика,—барыня иногда подходитъ къ порядочному дому; волокита наблюдаетъ съ восхищеніемъ, какъ звѣзда-путеводительница его, скрывается въ свои чертоги. Онъ смотритъ, какъ дама, въ хорошенькомъ башлычкѣ, ловко припрыгнула на крылечко и ускользнула отъ него, подобно бабочкѣ, или какъ горничная дѣвушка безпечно захлопнула за собою калитку; волокита улыбается въ самодовольствіи. Какъ хороша! говоритъ онъ самъ себѣ въ полголоса и возвращается на прежнее мѣсто, какъ будто сдѣлавъ дѣло. Если же какая-нибудь шалунья, во время его преслѣдованія, два раза оглянулась, сдѣлала глазки, улыбнулась, волокита счастливъ въ душѣ! Вы люди темные, не поймете этого счастья, не постигнете того восторга, съ какимъ онъ будетъ разсказывать свое путешествіе пріятелю, въ свою очередь, ожидающему проводить изъ Кремлевскаго сада на Возиху, или подъ Донскую. Ему все равно; даль не ужасаетъ крѣпкихъ ногъ его, давно привыкшихъ машинально слѣдить за ножками, въ хорошенькихъ ботинкахъ и за страшными ногами, въ грязныхъ шерстяныхъ чулкахъ. Никакія бури и непогоды не могутъ помѣшать этимъ улыбающимся людямъ быть на обыкновенномъ мѣстѣ ихъ прогулки, отъ котораго ихъ могутъ отвлечь развѣ только провожаніе и смерть.

X.

Ѳоминъ понедѣльникъ.

Ѳоминъ понедѣльникъ—это ярмарка-гулянье, забавное изобрѣтеніе русскихъ купцовъ, которымъ заблагоразсудилось условиться въ день св. Ѳомы немножко понадуть Московскихъ жителей, сбывъ за порядочную цѣну гнилые и вышедшіе изъ моды товары. Не смотря на то, что всякій понимаетъ эту совсѣмъ не глупую выдумку промышленности, слова: дешевые товары, заставляютъ толпу народа, всякаго званія, отправляться съ ранняго утра въ Ряды. Вы удивитесь, съ какимъ восхищеніемъ спѣшитъ на покупку дешевыхъ товаровъ Московская модная красавица въ своей блестящей каретѣ и попадья въ своемъ огромномъ чепцѣ, чопорная купчиха, скромная портниха и горничная дѣвушка, жена приказнаго и кухарка, пожилой помѣщикъ съ своею семьею и молодой франтъ, безъ семейства. Взглянувъ на эту толпу, вы подумаете, что прекрасные товары отдаются даромъ, и какъ же обманетесь, когда увидите, что въ это время продаются дюжинами гнилыя перчатки, вышедшія изъ употребленія матеріи и ситцы, разрозненные браслетки и остатки, или кусочки лентъ.

Правда, что съ васъ берутъ недорого; но берутъ деньги за то, что безъ Ѳомина понедѣльника, пришлось бы бросить въ подвалы и предать на съѣденіе крысамъ. Почти всякій, говорю, постигаетъ эту хитрую продѣлку, но какъ добрые Москвичи любятъ веселиться не на шутку, то они рады случаю соединиться вмѣстѣ, потолкаться и посмѣяться. Тутъ вы увидите барынь, почти дерущихся между собою за полтора аршина лентъ; какъ забавна купчиха, уцѣпившаяся за вышедшій изъ моды красный платокъ, платя за него втридорога со щедростью, свойственною однимъ мотамъ; но всѣхъ забавнѣе—безденежный франтъ, алчущій цѣнностью красоты своей сторговаться съ хорошенькой швеей на живой товаръ—сердце.

Для людей, нечистыхъ на руку, эта давка въ Гостиномъ ряду—настоящій сѣнокосъ: бываетъ, что иной, торгуя лоскутъ канифаса, нещадно тащитъ порядочный кусокъ матеріи подъ шинель и развѣшиваетъ его тамъ на нарочно прищитыхъ, острыхъ крючкахъ; чиновница-аферистка, будто въ разсѣяніи, вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ, суетъ въ свой огромный ридикюль огромную деревяшку съ моткомъ лентъ, а между тѣмъ, какой-нибудь шалунъ, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, сшиваетъ, на живую нитку, ветхій капотъ старой кухарки съ богатымъ бурнусомъ Московской красавицы, а другой, шатаясь безъ всякой цѣли, не торгуя и не покупая ничего, ограничивается однимъ пріятнымъ удовольствіемъ только щупать дешевые товары. Тутъ вы услышите крики, визги, споры, объясненія въ любви, проклятіе ада и даже отчаянное—караулъ. Но все это живо, пестро, разнообразно; это веселый муравейникъ людей, въ которомъ, если бы не было страшной суматохи, не было бы никакого очарованія. Въ Ѳоминъ понедѣльникъ усталые купцы уже не кричатъ и не зовутъ къ себѣ покупателей, стоятъ выпуча глаза и мѣряютъ аршинами почти машинально; часто даютъ сдачу тому, кто не платилъ денегъ и отказываютъ въ сдачѣ тѣмъ, кому она слѣдуетъ; крики усиливаются, но странная торговля ки-

Домъ Соколъ. Въ Богословскомъ переулкѣ, на б. Дмитровкѣ.

питъ, и вотъ наступаетъ вечеръ, толпа расходится по домамъ, остаются одни изнеможденные купцы, которые торопливо запираютъ свои лавки, дѣлаютъ привѣтливые другъ другу поклоны, какъ бы мѣняясь поздравленіями съ выручками, потомъ, помолясь на Спасскія ворота, расходятся во-свояси.

XI.

Праздные игроки.

Москва—городъ, гдѣ живутъ доблестные сановники, трудящіеся для общаго блага Россіи, литераторы и ученые, разливающіе свѣтъ просвѣщенія во всѣ концы огромнаго государства, фабриканты и капиталисты, имѣющіе вліяніе на ходъ торговли и промышленности, даже внѣ Россіи; этотъ городъ служитъ такъ же убѣжищемъ множества людей праздныхъ и лѣнивыхъ, сдѣлавшихъ продолжительный кейфъ изъ своей жизни, измѣряющейся одними обѣдами и ужинами. Они наполняютъ собою московскія гулянья, театры и балы, слоняются часто безъ всякой цѣли, изъ конца въ конецъ огромнаго города, франтятъ и волочатся; это тѣ самые люди, которыхъ вы, только что выйдете изъ дома, непремѣнно встрѣтите на улицѣ; каждый день ихъ жизни столько же разнообразенъ своею праздностью, сколько однообразенъ стукъ маятника на стѣнныхъ часахъ или почеркъ приказнаго, переписывающаго дѣловыя бумаги. Между ними есть бѣдные и богатые, умные и простаки, образованные и невѣжды; они равно преданы лѣни — ихъ главной цѣли въ жизни, и, смотря по средствамъ, каждый изъ нихъ распредѣляетъ свои наслажденія. Они обыкновенно пробуждаются отъ своего пріятнаго сна въ полдень, а иногда покоятся даже до двухъ часовъ, на мягкой постели. Потомъ встаютъ, порядочное время занимаются подчищеніемъ ноготковъ, фабрятъ усы, завиваютъ волосы, подстригаютъ бороду, свищутъ и вообще, заботятся прилежно о наружномъ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ своей головки; наконецъ, одѣвшись, садятся въ экипажъ и ѣдутъ. Куда? Этого часто они сами не знаютъ; такіе люди обыкновенно садятся въ фаэтонъ, и, подумавши нѣсколько минутъ, говорятъ кучеру: пошелъ изъ воротъ направо, потомъ налѣво, пошелъ прямо, перегони вонъ эту карету, стой! стой! Тутъ господинъ выскакиваетъ изъ фаэтона, чтобъ поговорить нѣсколько минутъ съ своей знакомой, идущей по тротуару въ хорошенькой шляпкѣ, надѣтой на затылкѣ и кисейномъ платьѣ, подъ которымъ жестоко-накрахмаленная юбка производитъ шумъ по улицѣ; сказавши съ этой знакомой нѣсколько словъ, господинъ опять прыгаетъ въ фаэтонъ и приказываетъ ѣхать въ Ножевую линію, гдѣ шатается безъ цѣли, или несется на Кузнецкій мостъ; при деньгахъ, покупаетъ тамъ разныя ненужныя бездѣлки, а при безденежьи, толчется около магазиновъ и смотритъ на выставленныя на окнахъ картинки. Но вотъ скоро 4 часа; онъ опять садится въ экипажъ и приказываетъ везти себя обѣдать къ Будье, Шевалье или въ одинъ изъ клубовъ, гдѣ послѣ обѣда, если играетъ, забавляется въ картишки, а если не играетъ, то опять ѣдетъ кататься по городу: попадаетъ на Тверской бульваръ, въ Кремлевскій садъ, заѣзжаетъ въ кондитерскія лавки,

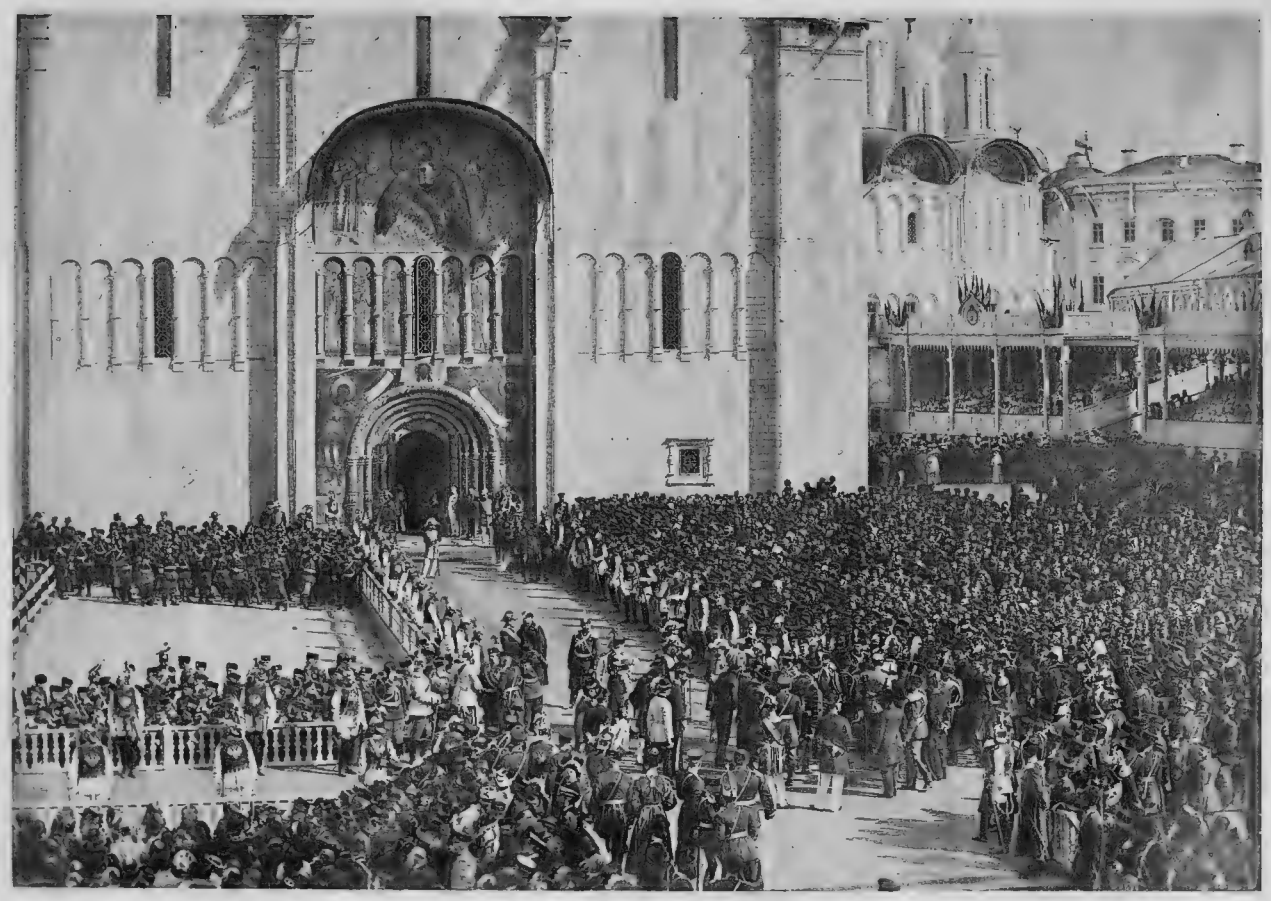
отправляется къ знакомой пѣвицѣ или танцовщицѣ, которая часто бываетъ ему кума и которую онъ иногда называетъ своею кумою, тогда какъ она ему совсѣмъ не кума; то мчится онъ стрѣлою въ своемъ фаэтонѣ по Басманной, то вдругъ очутится у Крымскаго брода, а въ 8-мъ часу является въ театрѣ.

Онъ не смотритъ на піесу, а обыкновенно или надоѣдаетъ своимъ разговоромъ сосѣду, или осматриваетъ въ большую зрительную трубу, со вниманіемъ астронома, наблюдающаго теченіе планетъ небесныхъ, всѣ ярусы ложъ, выказывая въ это время публикѣ свои чистыя перчатки. Желая иногда показать, что имѣетъ во всемъ счастливые успѣхи, онъ притворяется, что покровительствуетъ какой-нибудь актрисѣ, которая даже иногда его не знаетъ, и, обходя рядъ креселъ, упрашиваетъ знакомыхъ похлопать, говоря: «пожалуйста же поддержите мою-то кумушку»! —Ужъ полно кума ли она вамъ, отвѣчаютъ ему часто съ двусмысленною улыбкой, а мнимый кумъ охорашивается съ довольнымъ видомъ, улыбается и увѣряетъ, желая поселить сомнѣніе: «право, кума, ей-Богу кума»! Во время дивертисмента, и вообще передъ окончаніемъ спектакля, праздный прежде всѣхъ встаетъ со своего мѣста и выходитъ изъ театра, показывая, будто куда-то спѣшитъ, а оставляя театръ, ѣдетъ на балъ, на который всегда старается опоздать, или отправляется опять въ клубъ, гдѣ, обильно ужиная съ знакомыми, обыкновенно что-нибудь имъ лжетъ и хвастаетъ. Возвратясь домой, уже послѣ полуночи, онъ ложится въ постель, беретъ сигару, какую-нибудь французскую книгу, и, прочтя нѣсколько строкъ, засыпаетъ.

Такая жизнь ведется ежедневно праздным при деньгахъ; при ненавистномъ же безденежьи и въ особенности при вопіющихъ долгахъ, (dettes criantes), онъ обыкновенно цѣлый день сидитъ дома и произноситъ: челаэкъ трубку! Но какъ почти всегда, бѣдный старается жить на счетъ богатаго, то и составился особый родъ спекуляторовъ—игроки.

Въ Москвѣ отдѣленіе праздныхъ людей, играющихъ въ карты, двухъ родовъ: играющіе для удовольствія, и играющіе для продовольствія. Людямъ, играющимъ для удовольствія, игра служитъ часто ближайшимъ средствомъ, расточить и потерять деньги; людямъ, играющимъ для продовольствія, игра составляетъ благодѣтельную цѣль: сдѣлать себѣ деньги. Вотъ дипломатическое правило, на которомъ основаны всѣ расчеты игрока-спекулятора.

Игрокъ-спекуляторъ, всегда отлично одѣтъ по послѣдней модѣ, рука его украшена дорогими кольцами, онъ держитъ помѣсячно ямской экипажъ, его квартира прекрасно меблирована, онъ хлѣбосолъ у себя дома, въ особенности, если ему надобно передъ кѣмъ-нибудь блеснуть; его вы увидите щеголемъ на улицѣ, благороднымъ наблюдателемъ въ театрѣ и на балѣ, онъ услужливъ, ласковъ и привѣтливъ со всѣми; съ нимъ также въ глаза всѣ ласковы, а что говорятъ о немъ заочно, ему до того нѣтъ никакого дѣла; онъ помнитъ пословицу, что брань на вороту не виснетъ, и если иногда при немъ говорятъ не совсѣмъ для него пріятное, игрокъ-спекуляторъ никогда на это не сердится, онъ ничего не принимаетъ на свой счетъ и рѣдко



Кремль 14-го мая 1896 года.

за дерзость требуетъ удовлетворенія. Сердиться на людей онъ считаетъ глупостью, а страсть къ мести откидываетъ какъ самую невыгодную, предпочитая ей страсть къ пріобрѣтенію—страсть милую и пріятную, доставляющую ему всѣ удобства частной и общественной жизни, и такъ благодѣтельно потѣшающую лѣнь, главную виновницу этого блистательнаго поприща, на которомъ онъ находится. Не думайте однако-жъ, чтобы игрокъ-спекуляторъ, готовый разорить отца семейства, отнять хладнокровно послѣднее состояніе, даже выиграть шинель у своего знакомаго, иногда пріятеля, былъ человѣкъ совершенно безсовѣстный; вы ошибаетесь: это сынъ случая! Когда вы противъ него играете, онъ готовъ взять у васъ все на свѣтѣ, но игра кончилась, и часто игрокъ-спекуляторъ — самый пріятный, самый безкорыстный человѣкъ въ мірѣ. Онъ исправно платитъ своему извозчику и за квартиру, его также въ свою очередь обманываютъ портной и сапожникъ, которые работаютъ на него, нерѣдко въ долгъ, берутъ страшныя деньги; рестораторъ представляетъ ему свои огромные, часто сомнительные счета, при деньгахъ, всегда честно расплачиваемые игрокомъ; онъ скорѣе другого поможетъ бѣдному, часто его самого разоряетъ актриса. Игрокъ-спекуляторъ, смотритъ на игру, какъ на отрасль торговли; чѣмъ болѣе процентовъ приноситъ торговля, чѣмъ сильнѣе рискъ въ игрѣ, тѣмъ онъ, по его мнѣнію, достоинъ болѣе уваженія. Неудачи въ игрѣ онъ относитъ къ случаю точно также, какъ эта неудача можетъ случиться въ самомъ обдуманномъ предпріятіи; онъ утѣшаетъ васъ слѣдующимъ поученіемъ: вы нагрузите товаромъ корабли, отправите ихъ въ Индію и будете ожидать значительныхъ выгодъ отъ своей торговли; но буря разобьетъ корабли ваши, вашъ товаръ погибнетъ и вы разорены; вы ставите большой кушъ на фигуру, когда играете въ палки, если фигура придетъ къ вамъ, ваше предпріятіе было счастливо, если же она выиграетъ противнику, то представьте, что корабли съ вашимъ товаромъ, не дошли до Индіи и погибли отъ бури. Считая добросовѣстнымъ дѣломъ, посредствомъ игры, которая должна бы служить только забавою, жить на счетъ ближняго, отдающаго иногда послѣднее, игрокъ оправдывается чудною своею философіею, разсуждая: что содержатель гостинницы, не знаетъ и не хочетъ знать на какія деньги роскошно обѣдаетъ у него мотъ, платя быть можетъ, послѣднюю копейку, что никакой торговецъ не обязанъ справляться, не разорительны ли для его покупателя, дѣлаемыя у него покупки; что человѣкъ, которому суждено здѣсь разориться, если не проиграетъ, то пропьетъ или промотаетъ какимъ-нибудь другимъ образомъ; сверхъ того, играющій имѣетъ одно съ нимъ намѣреніе—выиграть, слѣдовательно: игрокъ не виноватъ, что иногда случай болѣе благопріятствуетъ ему, чѣмъ его противнику. Иногда игрокъ въ самое короткое время, пріобрѣтаетъ значительный капиталъ; тогда онъ рѣзко перемѣняется, и тотъ, кто зналъ его въ черномъ тѣлѣ, не узнаетъ въ богатствѣ. Ему приходитъ мысль быть аристократомъ и аффектировать въ обществѣ; онъ ѣздитъ въ щегольской каретѣ, дѣлается меценатомъ Московскихъ театральныхъ артистокъ и артистовъ, соритъ деньгами, даетъ балы и обѣды, говоритъ о своей поѣздкѣ за границу, толкуетъ о музыкѣ, не имѣя о ней

никакого понятія; онъ дѣлается извѣстнымъ лицомъ въ городѣ, даже всѣ знаютъ его любовницу, которая показывается и въ абонированной ложѣ въ театрѣ, и щеголяетъ экипажемъ на гуляньи.

XII.

Театры.

Въ Москвѣ три Императорскихъ театра: большой и малый, находящіеся на Петровской площади и лѣтній, построенный въ Петровскомъ паркѣ. На большомъ—даютъ оперы, балеты и трагедіи; на маломъ — комедіи, водевили и небольшія оперы, на немъ также играютъ французскіе актеры. На театрѣ въ Петровскомъ паркѣ въ лѣтнее время представляютъ одни комедіи, водевили и иногда маленькія оперы. Вообще театры въ Москвѣ имѣютъ очень мало посѣтителей; причины не посѣщенія ихъ публикой, конечно не могутъ быть ни отъ кого сокрытыми; онѣ заключаются: во-1-хъ иногда въ слишкомъ недостаточной игрѣ артистовъ, во-2-хъ въ скудномъ выборѣ и плохой обстановкѣ піесъ, давнымъ давно уже наскучившихъ публикѣ; въ 3-хъ въ неусвоившейся еще въ публикѣ потребности частаго посѣщенія театра. Высшее общество, почти никогда его не посѣщаетъ, развѣ изрѣдка является оно во французскомъ; среднее бываетъ неохотно, потому что всѣмъ хочется быть въ бель-этажѣ, а тамъ довольно дорого, да и всѣмъ помѣститься въ бель-этажѣ невозможно; купцы являются въ театръ обыкновенно по праздникамъ, смотрятъ трагедіи: коварство и любовь, разбойники и Скопина Шуйскаго; приказные говорятъ, давайте намъ Щепкина, Живокини, Никифорова, которые такъ часто выводятъ на сцену ихъ собственныя особы. Абонементъ и партеръ требуетъ новыхъ оперъ и балетовъ; они не хотятъ знать, откуда взять для нихъ и денегъ и талантовъ. Московскіе актеры всѣ вообще предобрые люди; многіе изъ нихъ большіе гастрономы, нѣкоторые превосходно играютъ на биліардѣ и въ проферансы. Всѣ они болѣе или менѣе убѣждены, что въ игрѣ ихъ на сценѣ есть теплота! Въ настоящее время, Московскій балетъ украшается несравненной Санковскою, которая въ столь короткое время пріобрѣла громкую, единодушно-отданную ей славу въ публикѣ. Одного ея имени на афишѣ достаточно, чтобъ театръ былъ полонъ отъ партера до райка; но она родилась въ Москвѣ, воспитанница русской театральной школы и очень мала ростомъ, вотъ причины, достаточныя для людей капризныхъ, чтобъ утверждать, что Санковская не отличный талантъ и что публика часто увлекается ею напрасно, тогда какъ публика самый безпристрастный судья; она не другъ по сватовству,

Торжественное шествіе 14-го мая 1896 года.

по кумовству или хлѣбосольству, и если увлекается артистомъ единодушно, этого довольно для его славы. Иные приняли улыбку и милую непринужденность Санковской, столь нравящіяся публикѣ, за излишнюю увѣренность въ самой себѣ. Даже, если въ это и такъ было, то что же тутъ худого? Я думаю, всякій талантъ, знающій себѣ цѣну, долженъ сохранять эту увѣренность, необходимую для точнаго выполненія своего искусства и неужели лучше видѣть танцовщицу, которая, дѣлая неуклюжимъ образомъ пируэтъ, нисколько не плѣняетъ вашего воображенія, а предстявляетъ изъ себя одну несчастную, вертящуюся куклу, примѣтно боясь растянуться передъ вами на спинѣ и, кончая свои «па», вмѣсто улыбки, строитъ какія-то непріятныя гримасы? Множество людей, видѣвшихъ Таліони въ Парижѣ и Петербургѣ, отдавая ей полное преимущество, говорятъ, что послѣ нея, можно всегда, съ удовольствіемъ смотрѣть Садовскую и восхищаться ея талантомъ. Словомъ, если вы пріѣзжій человѣкъ и охотникъ до театра, ходите всегда смотрѣть Московскій балетъ: я увѣренъ, вы останетесь довольны; совѣтую также бывать въ театрѣ, когда играютъ немногія оперы, напр.: Аскольдова могила, Велизарій, Цампа; тутъ вы увидите и театръ, наполненный посѣтителями, игру нѣкоторыхъ артистовъ, которая доставитъ вамъ удовольствіе. Эти строчки почти заставляютъ меня отказаться отъ мысли, что одна изъ причинъ рѣдкаго посѣщенія театра Москвичами—еще не усвоившаяся потребность его для публики. Отчего же, когда идутъ балеты: Дѣва Дуная, Сильфида, Разбойникъ, или оперы, о которыхъ я упомянулъ, театръ всегда съ низу до райка бываетъ наполненъ посѣтителями? Піесы играютъ уже давно, и вѣрно, всякій москвичъ, видѣлъ ихъ нѣсколько разъ. Это отъ того, что онѣ поставлены отчетливо, а игра артистовъ доставляетъ удовольствіе публикѣ; многіе просвѣщенные люди уже замѣчали, что если бы репертуаръ театра состоялъ изъ піесъ гораздо менѣе числомъ, но поставленныхъ съ большимъ тщаніемъ, если бы не давались на Московскомъ театрѣ безпрестанно: Дезертеръ, Филатка и Милошка, то Скопинъ Шуйскій, то Иголкинъ купецъ Новгородскій, который даже не смотрятъ пріѣзжіе Новгородскіе купцы, тогда бы публика постепенно привыкла къ театру и онъ бы сталъ ея любимымъ удовольствіемъ, какъ это сдѣлалось въ другихъ просвѣщенныхъ городахъ [1]). Не смотря на скудный выборъ піесъ, часто дурную ихъ обстановку, несмотря на недостаточную игру артистовъ, въ Москвѣ есть люди, которыхъ вы навѣрно можете каждодневно найти въ театрѣ; ихъ обыкновенно видите въ первыхъ рядахъ креселъ. Между ними есть старые и молодые съ ленточками въ петлицахъ и безъ ленточекъ, въ чистыхъ перчаткахъ и замасленныхъ, иногда совсѣмъ безъ перчатокъ. Это театральные клакеры или театральныя горла, нынѣшніе меломаны, любители мимики, всегдашніе женихи, праздные, волокиты за актрисами, почти никогда не достигающіе своихъ цѣлей, фран-

---

1) Московскій театръ оживаетъ, когда пріѣзжаютъ на время въ Москву извѣстнѣйшіе артисты Императорскаго С.-Петербургскаго театра; въ это время весь огромный театръ бываетъ наполненъ посѣтителями, и тутъ открывается ясно, что Москвичи идутъ въ него охотно, если артисты стоятъ вниманія публики.

ты, ищущіе случая гдѣ-нибудь показать свое новое платье. Быть каждый вечеръ въ театрѣ, хоть бы на нѣсколько минутъ, сдѣлалось для нихъ необходимою потребностью души и тѣла; они командуютъ не только райкомъ, но и задними рядами креселъ; по ихъ мановенію дѣлаются рукоплесканія и вызовы артистокъ, по ихъ также мановенію плохая игра часто сопровождается змѣинымъ шипѣніемъ; это ареопаги Московскаго театра. Они производятъ рѣшительные приговоры на таланты и оркестрировку большихъ оперъ; ихъ уважаютъ, даже боятся многія актрисы и танцовщицы не съ большими дарованіями и, во время своихъ бенефисовъ, всегда привозятъ къ нимъ на домъ билеты съ атласными афишами. Театральному ареопагу, театръ приходится въ годъ не очень дешево, но что же это значитъ человѣку, бросающему деньги, не жалѣя, на всякія мелочи. Ареопаги театральные вознаграждаются за это особеннымъ вниманіемъ капельдинеровъ, подающихъ имъ при входѣ огромныя зрительныя трубки; кресла ихъ всегда свободны, гордо идутъ они на свои мѣста, во время начавшагося уже представленія, и нерѣдко, въ виду всей публики, заставляютъ какого-нибудь пѣхотнаго офицера очистить для себя кресло, въ которое тотъ усѣлся изъ задняго ряда, вопреки совѣту капельдинера. Они сидятъ между людьми порядочными; артисты во время игры имъ потихоньку кланяются, артистки посылаютъ также миленькія улыбочки; танцовщицы, сдѣлавши отчаянный пируэтъ и, присѣдая передъ зрителями, строятъ имъ особенные глазки, замѣчательная публика иногда все это видитъ, самолюбіе ареопага удовлетворено, а чего не дадутъ люди, чтобы удовлетворить своему самолюбію? Слѣдовательно, можно ли ареопагамъ жалѣть своихъ расходовъ на театры! Когда играютъ въ Большомъ театрѣ, то во время антрактовъ, въ коридорахъ верхнихъ ложъ, происходятъ шумныя и хохотливыя прогулки посѣтителей и посѣтительницъ, занимающихъ тѣ ложи. Часто дамы, если не сопровождаются кавалерами, встрѣчая знакомыхъ мужчинъ (проходящихъ изъ креселъ нарочно потолкаться въ этихъ коридорахъ), пристаютъ къ нимъ и просятъ поподчивать яблоками или виноградомъ. Тутъ бываютъ иногда маленькія объясненія въ любви, вознаграждаемыя изъявленіемъ согласія, чтобъ проводили изъ театра домой или угостили ужиномъ у Печкина.

XII.

Цеховые, магазины.

Если кто обратитъ вниманіе, тотъ легко увидитъ, какъ безпрерывно умножаются въ Москвѣ магазины; какъ самая ничтожная лавочка, быстро, съ каждымъ годомъ, приходитъ въ лучшій порядокъ; то явится красивая вывѣска, то свѣтлыя стекла, наконецъ, самая внутренняя отдѣлка начинаетъ мало-по-малу принимать видъ роскоши. Въ лавочкѣ, гдѣ за пять лѣтъ передъ симъ, проглядывали въ окнахъ, для приманки покупателей, четвертки Жуковскаго табаку, глиняныя трубки и сѣрныя спички, вы увидите теперь пирамидами разставленныя фарфоровыя баночки съ помадою, щегольскія склянки съ духами, богатыя палочки, узорныя помочи, фуляры, гал-

стухи и прочія бездѣлки, которыя своей чистотой и отдѣлкою кидаются вамъ въ глаза, приказываютъ купить себя, безъ всякой надобности. Вотъ ясное доказательство, что народная дѣятельность города съ каждымъ годомъ увеличивается, а съ нею, видимо, увеличиваются и потребности жизни. Съ умноженіемъ въ Москвѣ магазиновъ, они отнюдь не приходятъ въ упадокъ, напротивъ, совершенствуются съ каждымъ годомъ, слѣдовательно, имѣютъ покупателей.

Сожалѣя однако жъ, долженъ я признаться, что большая часть лучшихъ процвѣтающихъ магазиновъ, такъ сказать, пріучившихъ къ себѣ покупателей, принадлежитъ иностранцамъ. Причинъ тому множество;—изъ нихъ главнѣйшія: 1-я, весьма рѣдко найдете вы лавку иностранца, въ которой бы вамъ можно было торговаться; товары продаются по назначенной цѣнѣ, слѣдовательно, вы обезпечены, что не передадите лишняго противъ своего товарища за одну и ту же вещь; 2-я, самая наружность и внутренняя чистота лавки, образцовое обхожденіе хозяина, а въ особенности хозяюшки, приманиваютъ покупателя, въ чемъ преимущество должно отдать иностранцамъ; 3-я, выборъ мѣста много значитъ. Напримѣръ: нѣмецъ и французъ спѣшатъ поселиться въ центрѣ города—на Тверской или Кузнецкомъ мосту, а русскій охотно скребется на Покровку, за Москву-рѣку, въ Лефортово, гдѣ ближе вода, или живетъ его теща, но за то гдѣ жители не такъ роскошны, и куда нескоро попадетъ человѣкъ, легко бросающій деньги. Иностранецъ, предпринимая торговлю, отрекается отъ всѣхъ удобствъ жизни, если они мѣшаютъ его предпріятію и съ самоотверженіемъ, съ самонадѣянностью спѣшитъ на свой промыселъ; онъ заложитъ душу, но блеснетъ съ перваго раза, броситъ вамъ въ глаза, чего уже довольно для публики. Благодѣтельными распоряженіями знаменитаго Московскаго Градоначальника, устройство цеховъ постепенно приходитъ въ должный порядокъ, но, говоря справедливо, нельзя не сказать, что лучшіе цеховые мастера, еще до сего времени иностранцы. Есть русская пословица: по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ; возьмемъ въ примѣръ портного: это важное существо въ отношеніи къ человѣку, разсматриваемому въ частной своей жизни. Портной можетъ изъ васъ сдѣлать bon genre и mauvais genre, по своему капризу; онъ можетъ сотворить изъ васъ счастливаго любовника, льва общества; онъ же, злодѣй, можетъ сдѣлать, что вы будете шутомъ у своего начальника, уродливы въ глазахъ друга; черезъ него вы можете быть просто—чучело, васъ разлюбитъ любовница, отъ васъ откажется невѣста, вамъ не дастъ проходу злая надсмѣшница!

Итакъ, этотъ-то классъ цеховыхъ, преимущественно отсталъ въ Москвѣ между русскими отъ иностранцевъ. Если вы въ Москвѣ пріѣзжій человѣкъ и вамъ надобно сшить себѣ платье, то, умоляю васъ именемъ человѣчества, не закажите его на Покровкѣ, за Москвой-рѣкой, въ Лефортовѣ, въ Грузинахъ; вы погибните, падете, какъ ключъ ко дну; вамъ сошьютъ платье по модѣ, никогда не существовавшей, вы будете одѣты хуже, чѣмъ пріѣхавши изъ провинціи. Спѣшите на Тверскую или Кузнецкій мостъ, адресуйтесь къ Занфтлебену, къ Саміасу, Рено, Отто, Мюл-

леру, Тепферу, Люке, если вы военный, то къ русскимъ: Плещееву и Розанову; они люди сострадательные и со вкусомъ, при томъ вамъ сдѣлаютъ платье къ сроку, возьмутъ, быть можетъ, немного, и дороже но помните пословицу: дорого, да мило! Знаете ли, что очень часто, какъ одежда рекомендуетъ человѣка, такъ точно вывѣска рекомендуетъ мастера; бѣгите, какъ чумы, магазиновъ съ страшными вывѣсками, на которыхъ нарисованы франты въ страшныхъ аттитюдахъ, съ надписями: новѣйшій портной иностранецъ изъ Керезберга и т. п. Ищите благородныхъ, простыхъ ножницъ; онѣ украсятъ вашу юность, скроютъ тѣлесные недостатки, если вы ихъ имѣете, сдѣлаютъ, что на васъ будутъ останавливаться взоры прекраснаго пола! Хотите ли сапоги, заказанные лѣтомъ, получить къ Рождеству, спѣшите къ русскому сапожнику; не смотрите, что у него на вывѣскѣ исполинскаго размѣра сапогъ съ надписью: награжденъ за отличіе; онъ васъ зато наградитъ большими мозолями и сдѣлаетъ, что ваши ноги, дѣйствительно, будутъ отличаться своимъ безобразіемъ въ обществѣ. Если желаете имѣть хорошо обутую ногу, идите на Кузнецкій мостъ къ Брюно, Пиронету, на Дмитровку къ Такке; какой бы вы не были пѣшеходъ, три пары ихъ сапогъ на годъ будетъ достаточно.

Не покупайте шляпы у кого-нибудь безъ разбора, она вамъ натретъ лобъ, оставя красную полосу на цѣлую недѣлю; она такъ тяжела, какъ глиняный горшокъ и портится отъ дождя; ступайте за шляпою къ Тимо, Вандрагу, Юнкеру, Зауэру и Шолету. Не покупайте бѣлья и манишекъ въ табачныхъ лавкахъ; спѣшите на Кузнецкій мостъ, тамъ найдете вы все нужное у Вандрага, Ліона, Шолета, Монигетти и другихъ. Заказывайте мебель у Фреймана на Арбатѣ, Цинна и Пика на Петровскомъ бульварѣ, отнюдь не въ лавкахъ у Каменнаго моста, или на Срѣтенкѣ, выключая мебели самой простой. Если желаете купить экипажъ, адресуйтесь въ Каретномъ ряду къ Маркову, Мякишеву, на Покровкѣ къ Арбатскому; не заказывайте, что называется сладить экипажъ мелкимъ кузнецамъ, которые занимаются ковкой лошадей; онъ разсыпется вдребезги о булыжную мостовую Москвы. Вотъ вамъ краткое наставленіе человѣка безпристрастнаго, который долго жилъ въ Москвѣ и все, что здѣсь пишетъ или видѣлъ самъ, или испыталъ на опытѣ.

XIII.

Кондитерскія, гостиницы, трактиры.

Двадцать лѣтъ назадъ въ Москвѣ было не болѣе 10-ти кондитерскихъ лавокъ; теперь, если включить разныя лавки съ надписями: превосходное кондитерское сахарное производство, или лавки съ вывѣсками, на которыхъ изображенъ рогъ изобилія, сыплющій конфекты, ихъ можно насчитать до ста. Лучшія изъ нихъ: бывшая Педотти, a la renommée, Худле, Перо и Люке; послѣдняя роскошна и даже великолѣпна. Въ настоящее время также прибавилось много гостиницъ, имѣющихъ спокойныя, удобныя и даже, можно сказать, барскія помѣщенія. Въ нѣкоторыхъ московскихъ гостиницахъ ничто такъ не безпокоитъ постояльцевъ, какъ

Развалины дворца въ Царицынѣ подъ Москвой.

Барскій домъ въ бывшей подмосковной Князя Урусова „Марьино“.

гитара коридорщика, который, если не храпитъ, то постоянно наигрываетъ на ней: вальсъ—казакъ, барыню или романсъ: «Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?», какъ будто спрашивая своею пѣснею у постояльца: откуда это вы изволили пожаловать къ намъ въ столицу? Иногда же цѣлый день и цѣлую ночь мучитъ онъ васъ импровизаціею, на своей разсохшей гитарѣ, дѣлая такіе странные и дикіе аккорды, что вы поневолѣ скажете: чтобъ, хоть треснуть тебѣ, окаянный! Извѣстнѣйшія гостиницы находятся на Тверской, въ Охотномъ ряду и на Кузнецкомъ мосту, какъ-то: Дрезденъ, Европа, Лейпцигъ, Лондонъ, Шевалдышева, Лейба, Шевалье, Будье, бывшая Яра и Печкина. Есть номера отъ 2 и до 50 руб. въ день. Гостиницы Будье и Шевалье посѣщаются исключительно людьми высшаго тона; здѣсь обыкновенно обѣдаютъ московскіе львы, столичные franты и русскіе парижане; въ этихъ гостиницахъ, особенно у Шевалье, вы не услышите ни одного русскаго слова; карты обѣда, ужина и винъ предлагаются только на одномъ французскомъ языкѣ. Тутъ, можно сказать, все не русское: порціи такъ миніатюрны, что полный обѣдъ едва ли въ состояніи насытить москвича, еще не пріучившаго свой здоровый желудокъ къ французской кухнѣ; здѣсь вы не допроситесь ни кислыхъ щей, ни чернаго хлѣба, а когда подаютъ водку, которую такъ любятъ употреблять въ Москвѣ передъ обѣдомъ, для аппетита и сваренія желудка, то рюмочки ставятъ величиною съ наперстокъ. Цѣны на всѣ вещи, сравнительно съ прочими гостиницами, предорогія; но, за все это, вы обѣдаете въ роскошно убранныхъ комнатахъ, на богатомъ сервизѣ въ лучшемъ обществѣ, слышите и видите, какъ русскіе корчатъ иностранцевъ, кушаете вкусныя блюда, отпускаемыя вамъ самою хозяйкою француженкою, да еще прехорошенькою, которую можете даже видѣть, въ замочную щелку, въ то время, когда она распоряжается въ буфетѣ. Трактиры и рестораціи разсыпаны во всѣхъ концахъ города, но лучшіе изъ нихъ сосредоточены около присутственныхъ мѣстъ, Кремлевскаго сада и на Ильинкѣ, гдѣ находится знаменитый Троицкій трактиръ, посѣщаемый всѣми сословіями города и имѣющій всегда огромное число посѣтителей. Во время Великаго поста, люди высшаго общества не стыдятся пріѣзжать сюда обѣдать, потому что здѣсь вы найдете лучшую рыбу, свѣжую икру и все, что только можете вздумать роскошнаго для постнаго русскаго стола. Здѣсь также, за парами чаевъ, постоянно собираются московскіе купцы и рѣшаютъ часто свои торговые обороты на многія тысячи, ударяя, какъ говорится, по рукамъ, и спрыскивая свои сдѣлки, какъ они выражаются, настоящимъ, т.-е. шампанскимъ. Здѣсь приказныхъ угощаютъ просители; иногородніе помѣщики, изнуренные покупками въ городѣ и въ присутственныхъ мѣстахъ, заходятъ сюда отдохнуть и позавтракать. За Троицкимъ слѣдуетъ Московскій трактиръ, находящійся противъ присутственныхъ мѣстъ, извѣстный также множествомъ посѣтителей и превосходной машиной, которая безпрестанно играетъ разныя новомодныя штуки.

Тутъ половые имѣютъ какую-то особенную расторопность и услужливость; закуски къ водкѣ подаютъ столько, что при безденежьи можно, выпивши нѣсколько рюмокъ, утолить голодъ одною закускою и быть, по-

нимаете, такъ сказать, навеселѣ, не тратя много денегъ; притомъ съ постоянныхъ посѣтителей ничего не берется за табакъ. Это настоящее, любимое мѣстопребываніе всѣхъ приказныхъ чиновниковъ; сверхъ того, въ Московскій трактиръ обыкновенно ходятъ обѣдать праздные, которые не такъ зажиточны; иностранцы, еще не пріискавшіе себѣ въ Москвѣ центра; стряпчіе, члены земской полиціи, пріѣзжающіе изъ уѣздовъ по дѣламъ службы, купцы и студенты. Здѣсь получаются всѣ русскіе журналы и предлагаются для чтенія похожденія Чичикова. Вечера въ Московскомъ трактирѣ отличаются своей веселостью: машина или какіе-нибудь странствующіе музыканты играютъ безъ угомону, посѣтители ужинаютъ и балагурятъ до появленія Отелло! Но это не Отелло Шекспира, а Московскій; такъ называется человѣкъ, обязанный въ полночь класть все подъ замки и тушить свѣчи въ трактирѣ. Въ Москвѣ есть классъ людей, которыхъ можно назвать: меломано-гастрономы; они привыкли кушать непремѣнно подъ музыку, и когда въ Московскомъ машина отъ своей дѣятельной жизни занемогаетъ, поправляетъ разстроенное на службѣ здоровье у Бругера, то въ это время многіе постоянные посѣтители, именно меломано-гастрономы, разсыпаются по другимъ трактирамъ.

XIV.

Женщины.

Изъ рода женщинъ, нѣкоторыя занимаются портнымъ мастерствомъ, многія изъ нихъ носятъ названія швей, золотошвей, цвѣточницъ, корсетницъ, иныя занимаются пяльцами, пріискиваніемъ себѣ мѣстъ экономки, компаніонки, а иныя, ничего не имѣя, ничего не дѣлаютъ, но всѣ онѣ живутъ и не умираютъ съ голоду въ столицѣ. Это дочери мельчайшихъ приказныхъ, вдовы, жены, отсутствующія отъ мужей, вольноотпущенныя, мѣщанки, солдатки, питомки и горничныя дѣвушки съ прокормежными видами. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе роды: она живетъ сама по себѣ и она гоститъ, у нея есть салопъ и у нея нѣтъ салопа, у нея есть кухарка и у нея нѣтъ кухарки. Иногда молодая, неопытная дѣвушка, брошенная судьбою въ огромный городъ, безъ родныхъ и друзей, безъ надзора и пристанища, терпитъ большую нужду и бываетъ оставлена совершенно на волю случая. Какая-нибудь дальняя тетка, у которой она живетъ изъ милости, нисколько не заботится о ней, а цвѣточница – слаба уже отъ природы, не долго защищается отъ порыва бурныхъ страстей и крошечныхъ страстишекъ, нерѣдко бросаясь въ ихъ пучину, и ее такъ же легко, какъ маленькую щепку, уноситъ бурный дождевой потокъ.

Часто, въ нѣсколько дней бѣдственная участь ея измѣняется и она достигаетъ возможности сшить себѣ салопъ. Вамъ покажется удивительнымъ, что салопъ играетъ тутъ такую важную роль, но надобно наблюдать, чтобы увѣриться, съ какимъ безотчетнымъ стремленіемъ хлопочетъ описываемая мною женщина, сшить бурнусъ къ Свѣтлому Празднику, или теплый салопъ къ Рождеству; тутъ ее понуждаетъ и необхо-

Пожаръ Москвы.

Со старинной акварели.

димость одѣянія и свойственное каждой женщинѣ кокетство и желаніе блеснуть передъ своей сестрой.

Для салопа она готова забыть дружбу, отречься отъ отца и матери, поссориться съ подругою, находить милымъ постылаго, погубить свою душу; для нея салопъ то же, что для нѣжнаго любовника первый страстный поцѣлуй его невѣсты, что для вѣчнаго Титулярнаго Совѣтника не изъ дворянъ вожделѣнный чинъ Коллежскаго Ассесора! Когда вы идете по улицѣ, или ѣдете важно въ своей покойной каретѣ и встрѣтите молодую дѣвушку въ новомъ щегольскомъ салопѣ, прошу васъ, не забрызгайте его; вспомните, сколько ей стоитъ горючихъ слезъ и огорченій, сколько ночей провела она безъ сна, мечтая о томъ, что теперь составляетъ все ея богатство! Когда дѣвушка пріодѣнется, тутъ является у нея мысль быть независимой хозяйкой, промѣнять ситцевое платье на шелковое и завестись кухаркой, которую она обыкновенно приводитъ съ площади. Кухарка, положимъ, вещь весьма обыкновенная для васъ, но для дѣвушки въ салопѣ она великое дѣло! Она будетъ называть ее барыней, станетъ величать сударыней, начнетъ крахмалить ея юбки, переносить маленькіе капризы, которые непремѣнно явятся при этой роскоши. Всегда, ничего не дѣлая сама, она получитъ право бранить за лѣнь свою Василису и посылать ее повелительно къ своему кредитному, съ универсальнымъ эпитетомъ: «Милый другъ! пришъли мне денихъ, я очинно низдорова»! Когда маленькое хозяйство обзаведено, и милый другъ не отказываетъ въ присылкѣ денегъ на записки, тогда начинаетъ мелькать мысль о роскоши; она меломанша: у ней гитара, сперва безъ квинты, потомъ со всѣмъ аккордомъ, потомъ старинные клавикорды въ 3 октавы съ половиною, наконецъ фортепіано, которое купила красавица на рынкѣ у Сухаревой башни.

Василиса начинаетъ благоговѣть передъ роскошною жизнью своей барышни; ея уваженіе къ ней съ каждымъ днемъ возрастаетъ, а капризы барышни съ каждымъ днемъ увеличиваются: квартира ей тѣсна, внизу жить и холодно и сыро, мебель безпокойна, дрожки извозчика тряски. При улыбкѣ судьбы, цвѣточница скоро достигаетъ исполненія своихъ желаній: у ней порядочная квартира, съ двумя необходимыми для нея входами, гоститъ подруга для компаніи, куплены турецкій диванъ и полуторная постель уже въ лавкахъ у Каменнаго моста; въ ея гостиной стоитъ новенькій коммодъ, окрашенный подъ красное дерево; въ немъ сохраняются: лучшая часть гардероба, деньжонки, различныя посланія знакомыхъ, стишки, румяны, записочки кредитнаго; на коммодѣ стоятъ фарфоровыя чайныя чашки съ позолотою, алебастровые бюсты: Пушкина, Наполеона и попугая, а иногда кошки съ кивающею головкою. На стѣнахъ висятъ картины: портретъ самой хозяйки въ утреннемъ дезабилье и съ пріятною улыбочкою, писанный мас-

ляными красками на полотнѣ; подъ нимъ силуэтъ какого-то мужчины, вырѣзанный изъ черной бумаги, а по бокамъ въ бумажныхъ рамочкахъ четыре времени года, да еще купленныя въ квасномъ ряду: какая-то женщина съ слишкомъ открытыми формами, надѣвающая чулокъ, съ надписью внизу: le matin, и другая, также въ нескромномъ неглиже, сидящая съ мужчиною подъ деревомъ, съ подписью: Voilà' comme vous n'avez arrangé! Гардеробъ красавицы значительно усиленъ: у ней шляпка съ перьями, мармотка съ цвѣтами; она является въ театръ уже въ креслахъ и смотритъ въ зажиленную у своего друга зрительную трубочку; она ѣдетъ на гулянье не для того, чтобы гулять, а чтобъ кататься въ запряжкѣ Саварскаго и, изъ франтовской коляски, щурить глазки; закрывается зонтикомъ отъ разныхъ своихъ знакомыхъ, притворяется, будто не слышитъ нескромныхъ привѣтствій шумной молодежи, гордо смотритъ на прежнихъ своихъ подругъ, которымъ еще не улыбнулась фортуна; ей мигаютъ и цеховой московскій волокита, и богатый купеческій сынокъ, давая знать пантомимою, что—молъ пріѣдемъ съ гулянья и привеземъ гостинца. Честолюбивые замыслы цвѣточницы, въ блестящее время ея жизни, не ограничиваются однимъ желаніемъ посѣщать гулянья и театры; она хочетъ пофрантить на балѣ. Въ такомъ предположеніи, посылаетъ она съ Василисою къ своему душенькѣ посланіе слѣдующаго содержанія: «Ваша благородія и ангелъ мой Сашурочко! доставьте намъ Кассатурчикъ съ Дашей пріятность патансовать ноньчи въ Нѣмецкомъ Клопи, а отъ туда заезжай кнамъ душъка, биледы ни забудь и деникъ. Твоя погропъ N. N.». Получа

отвѣтъ отъ посланной, что приказали кланяться и приказали, дескать, сказать, чтобъ были готовы, дымъ коромысломъ становился въ маленькомъ домѣ; барышня при деньгахъ летитъ на лихачѣ-извозчикѣ на Кузнецкій мостъ, къ мадамъ Шарпантье, и беретъ тамъ самый дорогой и безвкусный костюмъ, а при тяжкомъ безденежьѣ, но при дородности тѣла, она надѣваетъ сарафанъ кормилицы; при поджарой же худобѣ, ограничивается сочиненіемъ наскоро простой амазонки: она тайно похищаетъ шляпу своего хозяина, а старую свою зеленую тряпку превращаетъ въ вуаль; помадится мусатовскою помадою Rose, и съ самодовольствіемъ, обрѣзавъ подбородокъ бѣлой маски, оставляя ротъ для ужина, пришиваетъ къ ней черные шнурки. Тысячи разъ передъ своимъ невѣрнымъ psyché, она примѣряетъ костюмъ, и, схватя въ кулаки клины своей юбки, прыгаетъ передъ зеркаломъ въ странныхъ аттитюдахъ, спрашивая, какова она, у своей льстивой Василисы, которая отъ усталости, ужъ словами не хвалитъ, а

Москва 30 сентября 1812 года.
Москва 12 сентября 1812 года.

Работы Фабръ-дю-Фора, изъ собранія П. И. Щукина.

только одобрительно головой киваетъ. Гдѣ же этого рода особы выучились танцовать? спросите вы. На это я скажу вамъ, что свойственная русскому народу переимчивость, въ нихъ замѣтна въ высшей степени, а иногда имъ помогаютъ на дому своими совѣтами: театральные статисты, гезеля изъ аптекъ, купцы и мелкіе чиновники. Конечно, изъ этого, вы постигнете о граціозности ихъ танцевъ; но что же, кому какое дѣло: онѣ довольны собою, пускай ихъ танцуютъ на здоровье!

Описываемыя мною дамы, днемъ хоть и лѣниво, но обыкновенно занимаются своимъ мастерствомъ, или, какъ онѣ часто говорятъ: рукомесломъ; дѣлаютъ цвѣты, шляпки, корсеты, чистятъ блонды, шьютъ платье, бѣлье, подъ вечерокъ же, непремѣнно гуляютъ на Тверскомъ бульварѣ, или въ Кремлевскомъ саду. Красавица, во время прогулки, желая иногда показать публикѣ, что она степенная особа, имѣетъ обыкновеніе безпрестанно поправлять свою мантилію, или тюлевой шарфъ, будто бы для того, чтобы скрыть отъ слишкомъ вольныхъ взглядовъ молодежи свои часто роскошныя формы; но въ самое это время она умышленно, съ большимъ искусствомъ открываетъ свою полную, бѣлоснѣжную грудь. Съ особеннымъ удовольствіемъ идетъ она противъ вѣтра, такъ живописно волнующаго ея широкую блюзу, и, при малѣйшемъ сомнѣніи въ мокротѣ дорожки, она очень граціозно приподнимаетъ свое платье, выказывая руло и хорошенькую ножку, обутую въ башмачокъ изъ лавки Королева. Если же, случайно, ленточка отъ башмачка ея развяжется, что впрочемъ случается довольно часто, тогда она ставитъ свою хорошенькую ножку на зеленую лавочку, интересно завязываетъ ленточку, съ похвальною женскою стыдливостью, открывая въ это время, свои эластическія подвязки и тѣ любобытныя части ножекъ, которыя скрываетъ это глупо-строгое длинное женское платье.

Желая какъ можно больше походить на барышню или даму благороднаго общества, цвѣточница приказываетъ иногда во время своей прогулки проучжать себя Василисѣ, или лакею въ треугольной шляпѣ, котораго она нанимаетъ для этого по часамъ, заставляя его слѣдить за собою, какъ можно ближе, и оказывать ей всевозможное лакейское вниманіе, какое обыкновенно благовоспитанный лакей оказываетъ своей барынѣ.

Но часто этотъ лакей ведетъ себя не хорошо: онъ всегда почти бываетъ порядочно кутнувшій; идя за госпожей, обыкновенно грызетъ орѣхи, то слишкомъ отстаетъ отъ нея, то безпрестанно наступаетъ ей на хвостъ, а иногда, когда ему очень надоѣстъ слоняться изъ одного конца аллеи въ другой, то онъ преспокойно оставляетъ свою барыню и отдыхаетъ на лавочкѣ. Цвѣточницы, желая быть еще болѣе интересными, имѣютъ обыкновеніе, хватать гдѣ попало у своихъ знакомыхъ, часто даже безъ спроса родителей, маленькихъ дѣтей, для украшенія которыхъ, онѣ держатъ у себя постоянно, красиво вышитые шнурками, казимировые ридикюли; и этихъ бѣдныхъ малютокъ, онѣ таскаютъ съ собой на гуляньяхъ, до совершеннаго изнеможенія, стараясь, впрочемъ, наружно показывать нѣжныя попеченія матери, утирая батистъ-декосовымъ платочкомъ потъ съ измученнаго ихъ лица. Часто упрямый ребенокъ кричитъ и рвется домой, просясь къ на-

стоящей своей матери, но попечительница его, увлеченная житейскими удовольствіями, не внимаетъ ему, задобриваетъ его миндальными печеніями, купленными въ кофейной и возвращается домой уже при поздней лунной ночи, въ сопровожденіи вѣжливаго кавалера. Корсетницы, цвѣточницы и золотошвеи почти всѣ знакомы между собою, но знакомства ихъ непрочны и непродолжительны; часто самый ничтожный случай бываетъ достаточною причиною къ непримиримой враждѣ.

Онѣ обыкновенно ссорятся, иногда дерутся: изъ ревности, зависти, а часто для страшной, вѣчной непріязни достаточно, чтобъ одна у другой знакомой заносила шелковыя перчатки, зажилила носовой платокъ, сманила кухарку или перебила квартиру. Но недолго наслаждается жизнію прихотливая цвѣточница! Часто она бываетъ, съ позволенія сказать, самая необстоятельная женщина въ мірѣ; занимаясь болѣе франтовствомъ, чѣмъ мастерствомъ, она допускаетъ свой магазинъ до совершеннаго упадка, и приходитъ время, что ей никто уже ничего не заказываетъ.

Красота ея вянетъ съ каждымъ днемъ отъ безтолковой жизни, исполненной треволненій; пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и она сама не узнаетъ себя: прекрасныя формы лица опустились, сверкающіе глаза поблекли, она или безобразно похудѣетъ, или потолстѣетъ неделикатно и предосудительно распухнетъ; милый другъ охладѣетъ, начнетъ несказываться дома. Тогда цвѣточница обыкновенно пойдетъ закладывать разныя вещички, фортепіано, наконецъ, свой любимый салопъ и все это пропадетъ за безцѣнокъ у неумолимой процентщицы. Иногда цвѣточница рѣшается еще разъ обратиться къ своему другу; она пишетъ: «милый попка! Вальдемарръ! я поразстроилася сдаровьемъ и нахожуся на лѣкарствіи, пріезжай ка мне, а коли не можешь то пришъли за мной карету, а коли карету не можешь, то пришъли денихъ, остаюсь твоя злополучная по гропъ N. N.» Но охлажденный другъ кидаетъ записку въ печку и говоритъ: нѣтъ, погожу! Тогда паденіе красавицы бываетъ быстрѣе ея возвышенія; она беретъ опять маленькую сырую квартиру, въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ у попа; перевѣзжаетъ на хлѣбы къ своей пріятельницѣ, но уживается недолго; при дракахъ и ссорахъ онѣ расходятся. Наконецъ цвѣточница уничтожаетъ свою вывѣску и уже всѣмъ подругамъ ея дѣлается извѣстно, что она прогорѣла! Прежде—полновластная хозяйка, теперь—она не въ силахъ держать при себѣ Василису, которая пьетъ, огрызается, да еще требуетъ отъ нея безпрестанно чаю и жалованія; она ее сгоняетъ, а сама переселяется въ каморку на Трубу. Спустя нѣсколько времени, она пьяная баба въ лохмотьяхъ, не посѣщающая хорошаго общества, и обращается къ неприличнымъ званію своему, поступкамъ...

XV.

Помѣщики и провинціалы.

Часто, ходя по Москвѣ, встрѣчаешь странные экипажи, какъ-то: брыки, тарантасы 17 столѣтія, огромныя полинялыя кареты на высокихъ рессорахъ и возки въ родѣ курятниковъ; въ этихъ-то ковчегахъ ввалива-

Москва 26 сентября 1812 года.
Наполеонъ подъ стѣнами Кремля въ 1812 году.

Работы фабръ-дю-фора, изъ собранія П. И. Щукина.
Съ современной гравюры.

ются въ Москву иногородніе помѣщики, обыкновенно появляющіеся въ столицу по первому зимнему пути, для залога и перезалога своихъ имѣній, для взноса процентовъ, для отдачи въ ученье дѣтей и людей, для пріисканія мамзелей и гувернеровъ, для закупки вина въ деревню у Дюлу и Копосова, для окопированія себя и взрослыхъ своихъ дочекъ и для вывоза ихъ, какъ они выражаются, въ большой свѣтъ. Вотъ причины, заставляющія ихъ въ такомъ множествѣ наводнять столицу и по которымъ Москву можно уподобить нѣсколькимъ провинціальнымъ городамъ, изъ разныхъ концовъ Россіи сколоченнымъ вмѣстѣ; вотъ причины, по которымъ при трескучемъ 30-ти градусномъ морозѣ Москвы часто поражаютъ ваше вниманіе страшныя енотовыя и медвѣжьи шубы, гороховаго и свѣтло-сѣраго цвѣта, защищающія отъ холода нашихъ столбовыхъ. Тутъ вы встрѣчаете на безрессорныхъ запяткахъ странной кареты удивительныя гербовыя ливреи и ветхія треугольныя шляпы, надѣтыя поперекъ дороги на плѣшивые затылки старыхъ и грязныхъ лакеевъ; въ окнахъ кофеенъ видите круглыя, свѣжія, румяныя лица красавицъ внутреннихъ губерній, передъ которыми природныя московскія щеголихи гордятся своею интересною блѣдностью, называя ихъ здоровый цвѣтъ лица, couleur mauvais genre; между тѣмъ, какъ эти хорошенькія гостьи здоровы совсѣмъ не отъ того, что онѣ mauvais genre, но отъ того, что въ тихой семейной жизни, подъ попечительнымъ крыломъ родителей пеликановъ, занимающихся шести-польнымъ хозяйствомъ, солодовнями и винокурнями, до нихъ не коснулось еще заразительное дыханіе страстей, и дѣтскія мечты ихъ еще не взбуровлены ни страшными грезами, ни чтеніемъ соблазнительныхъ романовъ, ни слишкомъ вольнымъ волокитствомъ Московскихъ Европейцевъ, которые, говоря часто неопытной дѣвушкѣ пошлыя глупости, выбранныя изъ безнравственныхъ повѣстей, иногда увлекаютъ ее, сбиваютъ съ толку, пріучаютъ вѣрить, что онъ и она самые несчастные страдальцы въ этомъ мірѣ, тогда какъ и тѣнь несчастья еще не коснулась ихъ; отъ того, что деревенская дѣвушка не проводитъ безсонныхъ ночей на балѣ и не злится безъ памяти, когда ей откажутъ въ обновкѣ, или не повезутъ въ театръ, что часто дѣлаетъ Московская Европейка. Удивительное затрудненіе находятъ въ Москвѣ пріѣзжіе семейные помѣщики, въ пріисканіи себѣ помѣсячно квартиръ съ мебелью; хозяева обыкновенно прижимаютъ ихъ, и они часто платятъ страшныя деньги, въ сравненіи съ постоянными жителями столицы; но какъ бы то ни было, проживъ нѣсколько дней въ гостиницѣ Шора, Шевалдышева, Лейба, иные побѣднѣе и поразсчетливѣе—на подворьяхъ за Москвой-рѣкой, они

наконецъ устанавливаются и такимъ образомъ, окончивъ свою вояжировку, принимаются за жуировку. Дѣлаютъ визиты знакомымъ, отправляются въ Ряды, на Кузнецкій мостъ, покупаютъ, мотаютъ иногда нехотя, чтобъ не отставать отъ столичныхъ; рыскаютъ по конторамъ, толкутся, въ Опекунскомъ Совѣтѣ, въ Гражданской Палатѣ, смотрятъ звѣрей, оптическія путешествія по комнатамъ, посѣщаютъ театръ, и наконецъ побывавъ на хорахъ Россійскаго Благороднаго собранія, и высмотрѣвъ тамъ одѣяніе Московскихъ красавицъ, они, послѣ тщательныхъ совѣщаній въ своей семьѣ, рѣшаются наконецъ вывезти дочекъ.

Войдя въ залу Благороднаго собранія, не смотря на всѣ попеченія нѣжныхъ родителелей и мадамовъ Кузнецкаго моста, вы всегда узнаете провинціалокъ, по необыкновенной пестротѣ наряда, по какой-то принужденности въ манерахъ, по безобразно сшитому фраку или по странному, давно минувшихъ дней мундиру почетнаго батюшки, который «толпится» около своей дочки, въ то время, когда она танцуетъ контръ-дансы съ Московскимъ студентомъ.

Московская дѣвушка въ Благородномъ собраніи, въ маскарадѣ или на балѣ считаетъ, что она у себя дома; ей знакомо все общество, она развязна и непринужденна, а о своемъ туалетѣ заботится столько, сколько требуетъ женское кокетство. Но прибывшее дитя Юга смотритъ на вечеръ въ Благородномъ собраніи въ Москвѣ, какъ на что-то чудное, высокое; объ этомъ вечерѣ она мечтала нѣсколько лѣтъ, и вы не повѣрите, что, спускаясь по ступенькамъ въ залу, она дрожитъ, колѣни ея подгибаются.

Ей кажется, что всѣ глаза устремлены на нее одну, что всякій угадываетъ ея мысли, подстерегаетъ каждое движеніе. Если она мила собой, то еще получаетъ нѣкоторую бодрость, свойственную всѣмъ хорошенькимъ; но если просто незамѣтная блондинка, съ неопредѣленнымъ цвѣтомъ глазъ и лица, если она чувствуетъ преимущества другихъ надъ собою, то очарованіе ея бываетъ скоро разрушено. Она видитъ ясно, какъ ловкій гвардеецъ спѣшитъ поймать улыбку Московской красавицы, которая ему привѣтливо махнула вѣеромъ, и какъ онъ пробираясь въ тѣснотѣ, мимо пріѣзжей изъ провинціи, неосторожно мнетъ ея цвѣты и гирлянды, купленные иногда съ такими упреками расчетливой маменькой.

Но вотъ гремитъ на хорахъ живой вальсъ: Московская львица, легкая какъ пухъ, перелетаетъ отъ одного юноши къ другому; то вихремъ несется она съ ловкимъ гвардейскимъ кирасиромъ, въ огромныхъ ботфортахъ, то небрежно облокачивается на плечо молоденькаго камеръ-юнкера, у котораго весь мундиръ облитъ золотомъ, между тѣмъ какъ къ уѣздной барышнѣ, охорашиваясь, пробирается пѣхотный офицеръ, или какой-нибудь чиновникъ въ пестромъ жилетѣ, протягиваетъ руку въ широкой и вычищенной хлѣбомъ перчаткѣ. Она идетъ съ нимъ вальсировать, но этотъ чиновникъ танцуетъ плохо, не описывая въ своемъ флегматическомъ валь-

сѣ, обставленнаго злыми наблюдателями круга, неловко проводитъ онъ по немъ только хорду, и не добравшись до мѣста, кончаетъ свой туръ, сбитый почти съ ногъ локтемъ бойкаго кавалериста, который въ это время пронесся мимо него стрѣлой.

Уѣздная дѣвушка постигаетъ преимущество дѣвицъ, имѣющихъ большое знакомство отъ постоянной жизни въ городѣ, отъ обѣдовъ и баловъ ихъ родителей, видитъ, какъ оно убито одними мнимыми преимуществами и возвращается домой, мало довольная собою.

Но какъ бы то ни было, она видѣла Благородное собраніе, слышала плохую оперу; возвратясь въ свой родной уголокъ, она тамъ будетъ львицею; тамъ въ свою очередь она блеснетъ передъ дочерью исправника и городничаго. Эти-то мечты немного убаюкиваютъ ея обиженное самолюбіе, придаютъ душѣ твердость переносить тяжкую участь непримѣченной въ огромномъ столичномъ обществѣ.

При наступленіи Великаго поста, помѣщики, окончивши маленькія дѣла свои, побывавшіе вездѣ, гдѣ только требовали и нужды и любопытство, осмотрѣвши Грановитую Палату и большой Ивановскій колоколъ, кондитерскую лавку Люке и магазины Майкова и Доброхотова, посѣтивши клубы, ученыхъ блохъ, многія панорамы, діорамы, косморамы; насмотрѣвшись на опыты черной магіи, кормленія змія и на разныя метаморфозы, которыми Москва постоянно изобилуетъ, они уѣзжаютъ во-свояси, кряхтя отъ издержекъ, зѣвая отъ пустоты, оставшейся на сердцѣ. Но не всегда эта пустота остается въ сердцахъ

ихъ молоденькихъ дочекъ, и кто знаетъ, быть можетъ, какъ часто уѣздная красавица вертится въ постели и тихонько плачетъ по ночамъ о томъ, что она навѣки разлучена съ хорошенькимъ студентомъ, или съ какимъ-нибудь армейскимъ поручикомъ, который танцовалъ съ нею зимой и, разсказывая о трудностяхъ своей службы, между прочимъ, дѣлалъ глазки и иногда строилъ удивительныя «куры».

XVI.

Господствующій языкъ.

Господствующій языкъ въ Москвѣ русскій; но въ высшемъ обществѣ говорятъ по-французски, преимущественно правильнымъ французскимъ языкомъ, а необычайная страсть подражать во всемъ людямъ высшаго полета, существующая между людьми средняго круга, заставляетъ ихъ въ своемъ обществѣ выражаться иногда какимъ-то страннымъ французскимъ языкомъ. Въ пышныхъ квартирахъ Московскаго вельможи и въ скромной квартирѣ съ перегородской семейнаго чиновника, живущаго въ казенномъ

домѣ; на балѣ у сенатора и у богача купца, торгующаго табакомъ, на свадьбѣ у камергера и у армейскаго поручика въ казармахъ, — во всѣхъ этихъ обществахъ вы услышите нынче французскій языкъ.

Нигдѣ страшная разница разговорнаго французскаго языка въ Московскихъ обществахъ не проявлялась такъ рѣзко, какъ на большихъ званыхъ обѣдахъ и вечерахъ; какъ любопытенъ, и какою пищею для злого насмѣшника, служилъ часто московскій юноша, одѣтый по послѣдней модѣ, когда онъ случайно залетитъ въ гостиную аристократа, гдѣ образованная, милая дочь хозяина, желая поддержать новаго, невѣдомаго никѣмъ пришлеца, и спасти отъ тяжкаго невниманія другихъ, закидаетъ его самыми милыми привѣтствіями, обыкновенными, но умными вопросами, давая ему возможность говорить; а этотъ пришлецъ не понялъ почти ни слова изъ ея бойкой французской рѣчи и отвѣчаетъ на удачу; oui да non, или же-не-се-па; а потомъ, пускаясь понемногу въ даль, пойдетъ объясняться о погодѣ и о послѣднемъ вторникѣ въ Благородномъ собраніи, говоря ошибку на ошибкѣ!

Онъ въ это время тирански-тиранитъ милую дѣвушку, которая, при дѣтской веселости, свойственной ея лѣтамъ, при ироническихъ взглядахъ своихъ пріятельницъ, должна удерживаться отъ смѣха, видя передъ собою существо нелѣпое, жалкое, желающее быть не тѣмъ, что оно есть, говорящее однѣ пошлыя, зазубренныя фразы. Словомъ, въ Москвѣ, по-французски если не говорятъ, то, по крайней мѣрѣ, сильно порываются говорить, актеры и актрисы, лекаря, модистки, гарнизонные офицера, приказные и квартальные надзиратели; но разговоры ихъ ограничиваются одними еще несвязными періодами, коротенькими вопросами и отвѣтами.

«Однако жъ, если распространеніе французскаго яз. пойдетъ нѣсколько лѣтъ, въ такой градаціи, какъ это дѣлается теперь, то со временемъ кто нибудь напишетъ, что господствующій языкъ въ Москвѣ французскій и отчасти русскій».

XVII.

Полиція, пожарная команда.

Свѣтлѣйшій градоначальникъ, устройство полиціи довелъ до совершенства,—какъ сообщаетъ Вистенгофъ. Наружная дѣятельность ея нигдѣ такъ не проявлялась, какъ на публичныхъ гульбищахъ и пожарахъ.

Увидавъ полицію на большихъ гуляніяхъ, казалось, что она разсѣяна на нихъ только для парада, потому что заведены строгій порядокъ и неминуемое взысканіе съ кучеровъ, за малѣйшее нарушеніе распоряженій полиціи, обвѣшавшихся всегда заблаговременно внятными объявленіями; и «отъ того въ Москвѣ экипажное гуляніе, разбросанное на нѣсколькихъ верстахъ, идетъ всегда въ такомъ порядкѣ, какъ будто бы ему дѣлалась репетиція». Всѣ полицейскіе чиновники вѣжливы, услужливы; при малѣйшей въ нихъ надобности обывателя, спѣшатъ немедленно оказывать всякое съ своей стороны содѣйствіе. Такія качества и послужили причиною, что современная полиція пользуется отъ жителей тѣмъ уваженіемъ, «какое свойственно этой большой отрасли внутренняго благосостоянія столицы».

Во время пожара, пожарная команда, находившаяся въ Москвѣ «въ удивительномъ устройствѣ, поражала современниковъ быстротою своихъ дѣйствій и тѣмъ самоотверженіемъ, какое показываютъ заслуженный начальникъ и простой солдатъ». Пожарный съ удивительнымъ, свойственнымъ русскому, безкорыстіемъ, воспламеняемый примѣромъ своихъ старшихъ, спасаетъ ваше имущество и лѣзетъ за васъ въ огонь, не требуя никакой благодарности; ему одобрительный привѣтъ начальника: спасибо братцы! вознаграждаетъ всѣ опасности. Несмотря на огромное пространство столицы, съ первымъ появленіемъ пожарнаго сигнала на Московскомъ депо, нѣсколько частей, сообразно сдѣланнымъ распоряженіямъ, уже находятся на пожарѣ, какъ будто онѣ его предвидѣли. При звонѣ колокола, употреблявшемся только вслучаѣ тревоги, днемъ ли то или въ глубокую полночь, пожарные, въ совершенной, тишинѣ бѣжали, сохраняя перенумерованный между собою порядокъ, отворяли конюшни, запрягали не болѣе какъ въ 3 мин., тѣмъ же затвержденнымъ порядкомъ, лошадей и вихремъ неслись на пожаръ. Ревность каждой части — прежде всѣхъ прискакать на мѣсто, заслуживала себѣ похвалу и благодарность всѣхъ жителей города Москвы.

Столица роскошно освѣщалась во время ночи, съ 1-го сентября по 1-е апрѣля не только по большимъ улицамъ, но даже по самымъ малымъ переулкамъ, и тѣ изъ фельетонистовъ, которые писали намъ, что «въ Москвѣ нѣтъ возможности ѣздить по ночамъ за темнотою», писали «совершенную несправедливость».

XVIII.

Цыгане.

Если, катаясь по Москвѣ, заѣхать въ Грузины и Садовую, то въ маленькихъ, неопрятныхъ домахъ можно видѣть расположенные таборы цыганъ. Они, среди шумнаго, образованнаго города, ведутъ ту-же дикую, буйную жизнь степей; обманы лошадьми, гаданья, музыка и пѣсни,—вотъ ихъ занятія.

Любопытно видѣть, когда ночью молодежь, преимущественно изъ купцовъ, подъѣхавши въ нѣсколькихъ экипажахъ къ маленькому домику, начинала стучать въ калитку. Въ то же мгновеніе, огоньки метеорами начинали белстѣть въ окнахъ, и смуглая, курчавая голова цыгана выглядывала изъ калитки. На слова кучеровъ: встрѣчай, господа пріѣхали!—цыганъ съ хитрою, довольною улыбкою, отворялъ ворота и, величая всѣхъ поимянно, произносилъ иногда имена на-удачу, желая тѣмъ показать свое вниманіе къ посѣтителямъ. Въ комнатахъ уже слышите аккорды гитары; съ живостью, цыганки набрасываютъ на себя капоты, блузы и пестрые платки; подъ печкою, цыганъ ищетъ свои сапоги; въ одномъ углу разбуженный цыганенокъ, вскочивъ, спѣшитъ поднять своихъ собратовъ, а въ другомъ старая цыганка, прикрывъ люльку, собираетъ изломанные стулья для хора, и въ пять минутъ весь таборъ поетъ, стройный, веселый, живой, какъ, будто никогда не предавался скромному отдохновенію тихой ночи.

Разгульныя пѣсни цыганъ можно назвать смѣшеніемъ стихій; это дождь, вѣтеръ, пыль и огонь—все вмѣстѣ! Сверкающіе глаза смуглыхъ цы-

ганокъ, ихъ полу-открытыя, часто роскошныя формы, энергическія движенія всѣхъ членовъ удалого цыгана, который поетъ, пляшетъ, управляетъ хоромъ, улыбается посѣтителямъ, прихлебываетъ вино, брянчитъ на гитарѣ и, бѣснуясь, кричитъ во все горло: сага баба, ай люли!—усиливалъ впечатлѣніе. Ничто такъ не располагало москвича того времени къ оргіи, какъ ихъ буйные напѣвы, если горе лежитъ камнемъ на сердцѣ, но это сердце еще не совсѣмъ охладѣло къ впечатлѣніямъ жизни, то свободная пѣснь цыганъ разсѣетъ хоть на минуту тоску.

По средамъ и воскресеньямъ, на Конной площади цыганъ являлся совершенно другимъ, чѣмъ въ таборѣ. Мысль, какъ-бы сбыть хромоногую лошадь, или, по цыгански: лангалу, занимала весь организмъ его; онъ какъ угорѣлый кидался къ каждому и нагло предлагалъ свою лживую услугу. При словахъ покупщикъ: ты мнѣ не нуженъ, у меня есть знакомый, онъ, не зная о комъ говорятъ, съ досадою отвѣчалъ сто ко то: «барынъ вы по все-конна не найдете токого мошейника, а вотъ бросьте хафку, дамъ лошадку съѣзду не будетъ!»—и если покупатель съ нимъ связывался, то нельзя было позавидовать ему: онъ непремѣнно въ просакѣ. Цыганъ нисколько не смутится, если послѣ несчастной покупки, покупатель тотчасъ увидитъ, что пріобрѣлъ себѣ старую лангалу; онъ послѣднему прехладнокровно отвѣчаетъ: «а серій ее знаетъ; это рыба настоящая, кто въ нее влѣзетъ, не хотите ли другую лошадку, уже за эту отвѣтствую». Таково истинно-цыганское утѣшеніе въ неудачѣ!

Цыганъ, въ лѣсу съ гитарою и съ своимъ таборомъ,—вѣжливъ и искателенъ; лѣтомъ, главное ихъ пребываніе находилось въ Марьиной рощѣ; тамъ, съ утра до вечера, бродили они съ постоянными просьбами: цыганки требуютъ, чтобъ имъ купили апельсинчиковъ, а цыганы предлагаютъ угостить чайкомъ; часто какого-нибудь купца они насильно тащили слушать ихъ пѣсни, а въ это время, старая цыганка, обхватя его руками и, ругая всю свою свиту, говорила купцу, будто принимая въ немъ участіе: «да брось ты что-нибудь имъ собакамъ, отвяжись отъ нихъ».

Горе волокитѣ, бросившему свои замыслы на пріобрѣтеніе расположенія цыганки; при всемъ своемъ разгулѣ, онѣ сохраняли какое-то странное отчужденіе отъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ ихъ племени, и цыганка, развратная среди своего табора, цѣломудренна и неприступна для чужого. Бывали примѣры, что прихотливые люди, большею частію купеческія дѣтки, тратили огромныя деньги, чтобы пріобрѣсти цыганскую любовь; но таборъ пожирая ихъ деньги, готовъ былъ пожрать и ту, которая осмѣлилась бы склониться на требованія неопытнаго юноши; дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что волокиту порядочно «смазывали»; онъ оставался безъ цыганской любви и безъ русскихъ денегъ.

XIX.

Извозчики.

Извозчика на улицахъ Москвы можно было встрѣтить на всякомъ шагу. Извозчикъ того времени непремѣнно поневолѣ долженъ былъ быть

большой наблюдатель нравовъ, а необходимость приноравливаться ежедневно къ новымъ характерамъ какого-нибудь десятка людей сдѣлала нечувствительно изъ него смѣтливаго и тонкаго человѣка. Странна жизнь, тяжело ремесло этого извозчика, пропускаемаго ежедневно проходившими, безъ всякаго вниманія, между тѣмъ, какъ онъ почти для каждаго болѣе или менѣе необходимъ.

Выѣхавъ съ постоялаго двора, приклеенный къ своимъ дрожкамъ, онъ смотритъ на всѣ стороны огромнаго города, не зная, гдѣ приведется ему на своемъ разбитомъ рысакѣ гранить Московскую мостовую; вдругъ очутился онъ подъ Донскимъ или въ Лефортовѣ, на Зацепѣ или на Воробьевыхъ горахъ. То везетъ угрюмаго сутягу, не говорящаго съ нимъ ни слова, толстаго какъ бочку и шибко вредящаго его рессорамъ; то катается съ забубеннымъ кутилою, требующимъ отъ его клячи лихой ѣзды; то везетъ капризную старуху, досадующую на то, что дрожки толкаютъ ее по ухабамъ, то ѣдетъ съ пьянымъ шишиморою, который ни за что ни про что сильно безпокоитъ его подъ бока и даетъ подзатыльникъ за то только, что онъ не предостерегъ отъ паденія его шляпу, находившуюся на бекренѣ.

Въ началѣ своего поприща, когда извозчикъ назывался ванькой, сѣдоки его были, большею частью, кухарки, экономки, приказные — не франты, а ѣздоки по необходимости, иногда наши мужички, которыхъ онъ возилъ въ крещенскіе морозы, проводя за гривенникъ, длинную діогональ по городу; изрѣдка нанималъ его какой-нибудь франтъ, выходившій прогуляться пѣшкомъ и, случайно, встрѣчавшій надобность быть скорѣ дома; но франтъ садился въ его сани съ видимымъ презрѣніемъ, которое ванька давно привыкъ сносить отъ своихъ и отъ своего брата извозчика. Бывало наскочитъ лихачъ, да отломаетъ своею здоровою оглоблею некрѣпкій задокъ его саней и еще разругаетъ, какъ обыкновенно ругаются извозчики; бывало лошаденка его ни съ того, ни съ другого, начнетъ дурить и загородитъ дорогу въ какомъ-нибудь тѣсномъ мѣстѣ, а тутъ несется карета, которая того и гляди уничтожитъ и бѣднаго Ивана и его родимаго коня; или нападетъ будочникъ и начнетъ тузить за то, что сталъ неловко—видишь, очень близко къ тротуару; также случалось, что наймется его какой-нибудь негодяй, гоняетъ цѣлый день по городу и, пріѣхавши въ ряды, или въ какой-нибудь казенный домъ со сквозными воротами, оставляетъ, не заплатя денегъ. Словомъ, много горя надо было—какъ и теперь—перенести въ жизни ваньки-извозчику!

Но вотъ онъ работаетъ свою трудную работу уже десятокъ лѣтъ, скопилъ кой-какія деньженки, уладилъ понемногу запряжку и наконецъ дѣлается лихачемъ. У него окладистая борода, онъ толстѣетъ отъ пива,

у него бархатная малиновая или голубая шапка, кучерской армякъ, перетянутый ловко богатымъ кушакомъ, сани орѣховыя съ медвѣжьей полостью и лапками, а лѣтомъ пролетки; онъ самъ теперь гордится передъ ванькою, ухомъ не ведетъ при угрозахъ будочника, да и самъ будочникъ какъ-то заискиваетъ его пріятнаго знакомства. Онъ катаетъ теперь франтовски одѣтыхъ барышень, возитъ московскаго щеголя и купеческаго сынка, часто услуживаетъ имъ, справляя ихъ маленькія комиссіи, и получаетъ нерѣдко по рублю серебромъ на водку; или ѣздитъ съ какимъ-нибудь отчаяннымъ гусаромъ, недавно произведеннымъ въ офицеры, который приказывая пристягнуть пристяжку, велитъ носить адомъ по улицамъ. Въ это время извозчикъ, надѣясь на защиту сѣдока, передъ которымъ вытягиваются въ струнку идущіе по улицѣ солдаты, а часовые дѣлаютъ на караулъ, не боится даже и квартальнаго комиссара, онъ всегда старается обогнать его на дорогѣ, думая про себя, что дискать, знай нашихъ камынинскихъ! Конечно, жизнь его теперь лучше прежней, но все должность его имѣетъ свои тягости; часто щеголь во время трескучаго мороза запропастится въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ, гдѣ ему очень тепло, а извозчику прикажетъ стоять на углу цѣлую ночь; или иногда на какомъ-нибудь публичномъ балѣ, когда гусаръ выплясываетъ мазурки весь въ испаринѣ, у бѣднаго извозчика костенѣютъ руки отъ страшнаго холода, и онъ сидитъ, какъ истуканъ, ожидая ежеминутно крика: эй, Прошка, подавай! Словомъ, посмотришь, какъ странно созданы люди: съ удовольствіемъ одного сопряжено непремѣнно иго или вредъ другого! Наконецъ, лихой извозчикъ начинаетъ старѣть, рысакъ его совсѣмъ разбитъ ногами, а денегъ нѣтъ, потому что лихачи-извозчики живутъ роскошно, пропивая очень много на чаяхъ и винѣ. Онъ бросаетъ свое заведеніе и идетъ въ работники; ему даютъ опять плохую запряжку, и вотъ, опять однообразная колея его жизни: приклеенный къ передку саней или дрожекъ, безъ всякой отдаленной цѣли, жизнь въ непроизвольномъ движеніи, вмѣстѣ со своею лошадью и экипажемъ, составившимъ, какъ бы одно съ нимъ существованіе; безъ собственной воли и надежды на пѣшеходную прогулку. Одѣтый въ вѣчно синемъ армякѣ, съ мѣдною на спинѣ дощечкою, свидѣтельствующею о номерѣ, подъ которымъ извѣстна въ думѣ его особа, покорный капризу, часто наикапризнѣйшихъ сѣдаковъ, вознаграждаемый отмораживаніемъ членовъ и нерѣдко напрасными побоями буяновъ, идетъ онъ своимъ терновымъ путемъ къ сырой могилѣ—единственному мѣсту, куда не онъ, а уже его повезутъ люди. На всѣхъ площадяхъ и почти на каждомъ большомъ перекресткѣ устроены въ Москвѣ биржи для извозчиковъ; тутъ вы найдете калиберныя дрожки, обыкновенныя рессорныя и пролетки, запряженныя одною лошадью. Если кто имѣетъ надобность въ парѣ или четверкѣ, тотъ долженъ посылать на постоялые дворы, гдѣ живутъ извозчики. Средняя цѣна извозчика на день: простыя дрожки 5 руб., пролетки 10 руб., фаэтонъ парою 10 руб., коляска и карета четверкою 15 руб. ассигнаціями. Въ Москвѣ были извозчики, которые содержатъ огромныя заведенія, славятся красотою экипажей и богатыми конями; они отпускаютъ свои экипажи на свадебныя церемоніи, равно на мѣста по-

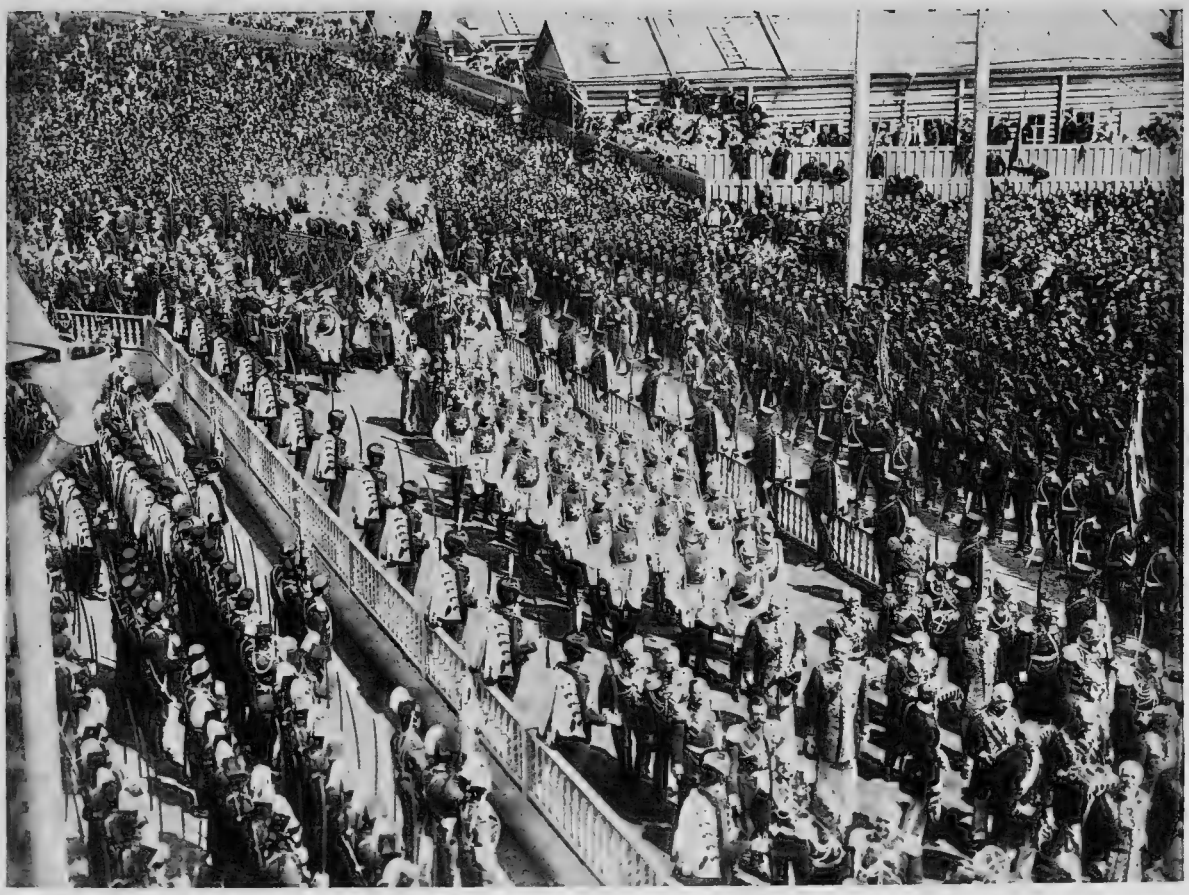
денно и по-мѣсячно, но берутъ страшныя деньги; обыкновенный же ямской фаэтонъ съ парою лошадей стоитъ въ мѣсяцъ 300 руб. ассигнаціями. Такъ какъ при огромности города, почти всякому безпрестанно встрѣчается надобность въ ѣздѣ, то по дороговизнѣ извозчиковъ, большая часть обывателей, мало-мальски имѣющихъ способы, заводятъ своихъ лошадей. Московскій извозчикъ удивительно какъ расторопенъ, хитеръ и услужливъ, если ожидаетъ, что ему прибавятъ или дадутъ на водку; онъ—большая помощь пріѣзжимъ при отыскиваніи домовъ и глухихъ переулковъ. Зимою появляется въ Москвѣ до 12000 извозчиковъ; у нихъ плохія запряжки, но за то они не дорожатся и очень удобны для бѣдныхъ людей. При наймѣ лошадей по-мѣсячно, если не оградить себя различными условіями съ хозяиномъ, то приходилось терять всякое терпѣніе; напримѣръ: вы подрядите порядочный фаэтонъ, а зимою—хорошія сани съ парою лошадей и кучеромъ прилично одѣтымъ. Первые дни вы все это будете имѣть въ исправности, спустя же нѣсколько времени, увидите, что лѣвую дышловую лошадь вамъ запрягли безъ хвоста и безъ гривы, тощую, какъ скелетъ или такую, на какихъ прежде возили актрисъ; она на цѣлую четверть или выше, или ниже правой лошади. Зачѣмъ такая гадкая лошадь? спрашиваете вы; вамъ кучеръ отвѣчаетъ: хорошую заковали, но что завтра будетъ непремѣнно другая; и, дѣйствительно, завтра даютъ другую, перемѣняя не дурную, но хорошую, которая оставалась, и колесницу вашу уже тащутъ два полумертвыхъ автомата; а гдѣ же другая порядочная лошадь? спрашиваете вы; она съ этою не годится, отвѣчаетъ кучеръ, оченно, сударь, велика, да и въ дышлѣ плохо ходитъ, забивается. Потомъ извозчикъ докладываетъ вамъ, что у вашей коляски лопнула рессора, и хозяинъ его присылаетъ такой тряскій рыдванъ, въ которомъ, поѣздивъ нѣсколько дней, вы разломаете себѣ всѣ кости. Зимою у кучера вмѣсто порядочной шапки, явится вдругъ такой ужасный колпакъ, такого страннаго полинялаго цвѣта, что первобытнаго его колера вы никакъ не отгадаете. Гдѣ же твоя шапка? кучеръ отвѣчаетъ: украли! Но вы этому не вѣрьте; коляска, поряженная вами, не сломалась, шапки никто не кралъ, и лошадь не хромаетъ: все это ѣздитъ съ другимъ сѣдокомъ, отъ котораго также отнимется, если онъ дастъ денегъ впередъ, или хозяинъ увидитъ, что баринъ безпеченъ и на чемъ бы ему ни ѣхать, ему и горя мало. Бываетъ, что молодые люди, по какимъ-нибудь неблагопріятнымъ случаямъ, ѣздятъ съ ямщикомъ въ долгъ, и онъ имѣетъ въ нихъ маленькое «сумлѣніе»; тогда ямщикъ просто ужасенъ: онъ объявляетъ, что корма вздорожали и требуетъ двойной цѣны; запрягаетъ уже просто безъ церемоніи не лошадей, а какихъ-то кошекъ, кучеръ въ это время бываетъ одѣтъ въ лохмотьяхъ, сохраняемыхъ, кажется, нарочно для тѣхъ, кто ѣздитъ въ долгъ; коляска, обыкновенно съ одного бока зеленая, а съ другого желтая, сукно внутри похоже на одѣяло, сшитое изъ разныхъ лоскутовъ. Что же дѣлаетъ баринъ? Не привыкши ходить пѣшкомъ, онъ посердится, разругаетъ ругательски ямщика и садится съ горемъ пополамъ въ свою скудную колесницу терпѣнія! Такого рода ѣздоки обогащаютъ извозчиковъ, они, при полученіи денегъ, обыкновенно съ ними честно рас-

плачиваются; забывая всѣ ихъ немилосердныя прижимки, но иногда и надуваютъ. Бываетъ, утромъ пріѣдетъ къ барину его красивый фаэтонъ, а оставшійся слуга объявляетъ, что господинъ его въ ночи изволили уѣхать въ деревню; тутъ часто и поминай, какъ звали!

XX.

Разносчики.

Безчисленное множество разносчиковъ всякаго рода наполняютъ Московскія улицы; одни изъ нихъ, разодѣтые въ синихъ халатахъ, продаютъ дорогой товаръ, другіе—въ сѣрыхъ халатахъ, торгуютъ товаромъ средней цѣны; наконецъ мальчики и бабы разносятъ самыя дешевыя лакомства. При появленіи осени, московскій разносчикъ обыкновенно предлагаетъ свѣжія яйца; затѣмъ они кричатъ: апельсины, лимоны, кондитерскія печенія, арбузы моздокскіе хорошіе и дыни кантолупки, игрушки дѣтскія, яблоки моченыя и сливы соленыя, шпанскія вишни, сахарное мороженое, всевозможныя ягоды, пряники, коврижки, спаржа, огурцы и рѣдька паровая, алебастровыя фигурки, калужское тѣсто, куры и молодые цыплята, медовый макъ, патока съ инбиремъ, горохъ, бобы, груши и яблоки сушеныя на палочкахъ, гречневики, съ масломъ гороховый кисель, бѣлуга и осетрина малосольная, свѣжая икра, живая рыба, живые раки, соты медовые, клюквенный квасъ и молодецкое: «по ягоду, по клюкву!» Это особенный родъ разносчиковъ, они обыкновенно бываютъ старики и продаютъ ягоду въ лукошкахъ, накладывая изъ нихъ въ чашечки, и помазывая наложенную порцію медомъ. Продажа всегда сопровождается слѣдующею пѣснею: по ягоду, по клюкву, Володимірская клюква, приходила клюква изъ далека, просить мѣди пятака, а вы дѣтушки пошлакивайте, у матушки грошиковъ попрашивайте, ахъ, по ягоду по клюкву, крррупная, Володимірская клюква!» Разносчикъ-спекуляторъ, обыкновенно, одѣваетъ шапку на бокъ и старается смѣшить публику, которая собирается около него изъ мальчишекъ, проходящихъ по улицѣ, мужиковъ и бабъ; онъ часто успѣваетъ въ своей продѣлкѣ и, если бываетъ забавенъ, то съ нимъ почти не торгуются и дешевый товаръ его продается славно, принося на обращающійся въ торговлѣ капиталъ процентовъ гораздо болѣе, чѣмъ выигрываютъ въ косметикахъ и на галантерейныхъ товарахъ. Московскія улицы оглашаются еще крикомъ другихъ людей, которые не продаютъ, но покупаютъ все, что вамъ угодно, только бы оно было старое и дешевое; часто вы встрѣтите ихъ на большихъ улицахъ и услышите: старыя голенища продать, нѣтъ ли бутылокъ, штофовъ, всякаго старья, тряпья и стараго заячьяго мѣха продать? Кажется московскія собаки имѣютъ о людяхъ этого рода самое дурное мнѣніе и нерѣдко принимаютъ ихъ за воровъ, потому что бросаются на нихъ съ величайшимъ остервененіемъ, чего никода не дѣлаютъ при видѣ другихъ разносчиковъ.



Торжественное шествіе 14-го мая 1896 года.

XXI.

Мальчики.

Отъ взора наблюдателя не можетъ ускользнуть множество малчиковъ, встрѣчаемыхъ на всѣхъ Московскихъ улицахъ; это дѣти крѣпостныхъ людей, отданныя въ ученье помѣщиками къ различнымъ мастеровымъ, дѣти церковнослужителей и мѣщанъ, школьники уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Лѣтомъ, даже на многихъ большихъ улицахъ, они играютъ въ бабки, а на тумбахъ тротуара держатъ пари съ мальчикомъ разносчикомъ, ломая объ лотокъ пряники на условленныя части, или на этихъ же тумбахъ упражняются въ гимнастическомъ искусствѣ и подражаютъ акробатамъ. Въ ясную, но вѣтреную погоду пускаютъ змѣи, а при дождѣ запружаютъ воду въ канавахъ или, прогоняя ее палочками, пускаютъ въ неизвѣстный путь свои бумажные кораблики; часто пристаютъ къ прохожимъ, особенно женщинамъ, дергая ихъ за платки. Съ наступленіемъ осени, при морозномъ утрѣ, гоняютъ на площадяхъ и бульварахъ кубари, а зимою играютъ въ снѣжки, или, сгребая снѣгъ съ тротуара, катаются на привязанныхъ къ подошвамъ желѣзныхъ конькахъ, дѣлая такимъ образомъ скользкую полосу. Иногда неосмотрительный пѣшеходъ, поскользнувшись, падаетъ со всѣхъ ногъ, а мальчишки забавляются его паденіемъ и дѣлаютъ ему разныя насмѣшки. Мальчикъ на посылкѣ, обыкновенно старается помѣститься на запяткахъ проѣзжающаго экипажа, и часто щеголь, въ своемъ красивомъ фаэтонѣ, желая блеснуть мимо оконъ обожаемой имъ особы, бываетъ какъ-то смѣшенъ своей самодовольною физіономіею, когда шалунъ въ ризахъ нищеты, сгорбясь, торчитъ на запяткахъ его роскошнаго экипажа. Если экипажъ ѣдетъ тихо, то притиснувшійся на запяткахъ, встрѣчая товарищей, часто предлагаетъ раздѣлить съ нимъ удовольствіе попутной ѣзды, и нерѣдко встрѣчаются фаэтоны, у которыхъ на запяткахъ бываетъ по три незваныхъ попутчика. Когда кучеръ или господинъ случайно примѣтятъ шалуновъ, то мальчики съ быстротою серны соскакиваютъ на землю и, дѣлая отъ досады на неудачу разныя гримасы, обыкновенно бранятъ господина: «стрикулистомъ». Вообще московскій мальчикъ своеволенъ, лукавъ, задоренъ между товарищами и почти всегда имѣетъ страсть къ голубямъ; смотря на ихъ проказы, нельзя не пожалѣть, что эти повидимому ничтожныя дурачества имѣютъ большое вліяніе на ихъ будущій характеръ, пріучая въ первой молодости къ своевольству и позорной лѣни.

XXII.

Люди, кучера, лакеи.

Въ Москвѣ, гдѣ живутъ широко, почти въ каждомъ домѣ бываетъ потребность въ наемныхъ людяхъ. Не смотря, что мы живемъ въ такое время, когда почти всякій сжимается въ комокъ, какъ ежъ, въ столицѣ есть дома, гдѣ нанимаются люди единственно для посылокъ съ вопросомъ: о добромъ здоровьѣ, о спокойно проведенной ночи, о томъ,

поѣдете ли вы въ театръ или на Кузнецкій мостъ и какое намѣрены одѣть сегодня платье. Страсть посылать существуетъ между прекраснымъ поломъ до такой степени, что красавица, проснувшись и не получивъ подобныхъ посланій отъ своихъ пріятельницъ, часто бываетъ скучна; по этой-то причинѣ, въ Москвѣ, при множествѣ крѣпостныхъ людей, порядочный семьянинъ почти всегда имѣетъ надобность въ наемныхъ людяхъ и по этому-то случаю, толпы людей съ прокормежными видами наполняютъ столицу. Нельзя не догадаться, какъ бываетъ испорчена нравственность этихъ людей, частью отъ праздной и лѣнивой жизни ихъ при мѣстѣ, а преимущественно при пріисканіи его, когда какой-нибудь отосланный отъ своего барина человѣкъ, получа паспортъ, слоняясь, ищетъ себѣ мѣста. Въ это время харчевни и кабаки ему—денное убѣжище, ночью же бренное тѣло его отдыхаетъ въ темныхъ подвалахъ, гдѣ эти люди получаютъ ночлегъ за ничтожную плату у проживающихъ тамъ разныхъ мелочныхъ промышленниковъ. Страсть посѣщать разныя грязныя убѣжища Бахуса до того укореняется въ нихъ, что какая-нибудь Московская красавица, посылая un billet doeux къ своей кузинѣ, никакъ не воображаетъ, что письмецо изъ ея миленькихъ ручекъ побываетъ въ кабакѣ прежде, чѣмъ дойдетъ до роскошнаго будуара, и часто сальное пятно грубой закуски безобразитъ изящность милаго посланія. Когда вы станете нанимать въ услуженіе человѣка, и если на вопросъ, пьешь ли ты вино, будущій вассалъ вашъ, охорашиваясь, отвѣтитъ;... «пить пьемъ, а пьянаго не увидите»; бѣгите отъ него, какъ отъ чумного, потому что вы его дѣйствительно не увидите; онъ будетъ пить въ кабакѣ, а протрезвляться въ полиціи. Если будете наблюдать за образомъ мыслей и поведеніемъ людей, находящихся въ услуженіи въ разныхъ домахъ, то увидите рѣзкія противоположности въ лакеѣ Московскаго магната съ лакеемъ какого-нибудь мелкаго помѣщика, страшную разницу между кучеромъ сенатора и кучеромъ протоколиста. Люди, соображаясь съ званіемъ и преимуществомъ господъ своихъ, играютъ между собою также свои роли; лакей магната едва удостаиваетъ наклоненіемъ головы лакея мелкаго чиновника, а кучеръ секретаря съ особеннымъ уваженіемъ смотритъ на кучера сенатора и часто гордится, если удостоится его почтеннаго знакомства. Лакеи стараются подражать привычкамъ своихъ господъ, напримѣръ, они, встрѣчаясь между собою, также жмутъ другъ другу руки и спрашиваютъ о здоровьѣ; получая отвѣтъ: слава Богу, они обыкновенно говорятъ, что слава Богу лучше всего. Это равняется нашимъ форменнымъ привѣтствіямъ, дѣлаемымъ на французскомъ яз.; на вопросъ же, гдѣ вы вчера были-съ? люди отвѣчаютъ: въ сенатѣ, въ клубѣ, въ театрѣ, въ собраніи и т. п.; смотря по тому, гдѣ было угодно побывать вашей особѣ, и гдѣ поэтому вздумалось вамъ оставить въ передней ваше средство. Войдя въ переднюю незнакомаго вамъ богатаго человѣка или вельможи, вы всегда можете смекнуть, привѣтливъ или гордъ хозяинъ. Когда хозяинъ привѣтливъ, добръ и справедливый человѣкъ по службѣ, то если вы и не носите на себѣ отпечатка богатства и чиновъ, люди встанутъ при вашемъ появленіи и вѣжливо скажутъ, когда вы можете

„Старое зданіе“ Московскаго Университета.

Работа Ф. Брукманъ.

видѣть ихъ барина. Если же, войдя въ переднюю, увидите, что одинъ изъ людей храпитъ на ларѣ, другіе двое играютъ преспокойно въ шашки, не обращая на васъ вниманія, а четвертый лежитъ на спинѣ, задравши кверху ноги, ни сколько не думая снять съ васъ шинели, говорите смѣло, что хозяинъ этой передней деретъ часто голову передъ тѣми, кто его ниже, и сгибается въ три погибели передъ тѣмъ, кто его повыше; что бѣдняка онъ не обласкаетъ, и если вы ищите покровительства, то пріемъ его, при раздражительности вашихъ нервовъ, будетъ иногда вамъ очень горекъ. Если войдете просителемъ въ переднюю небольшого должностного человѣка и увидите, что слуга васъ принялъ вѣжливо, пошелъ обыкновеннымъ образомъ доложить барину, можете надѣяться, что чиновникъ этотъ выслушаетъ ваше правое дѣло и сдѣлаетъ, что должно, по закону. Если же въ этой передней встрѣтитъ васъ человѣкъ неопрятно-пасмурный, хладнокровно дующій въ самоварную трубу, въ то время, когда вы съ нимъ говорите, или такой черезчуръ вѣжливый, что побѣжитъ, сломя голову, извѣщать о васъ барина, а провожая, станетъ просить на чай за то, что доложилъ, знайте, что этотъ чиновникъ, хоть и предобрый и прелюбезный, но уже иногда черезчуръ любитъ благодарность. Проходя мимо какого-нибудь барскаго дома въ Москвѣ, по людямъ вы всегда узнаете, когда баринъ уѣхалъ въ гости, или ненадолго въ деревню; тогда обыкновенно у крыльца праздный человѣкъ бренчитъ на гитарѣ или балалайкѣ, горничная дѣвушка въ черномъ передникѣ съ кармашками и сѣточкою на головѣ грызетъ орѣшки и смѣется надъ комплиментами другого лакея-меломана, который, дѣлая ей глазки, поетъ съ присвистомъ подъ музыку своего товарища какую-то смѣшную и не совсѣмъ скромную пѣсню. Вечеромъ мальчики, одѣтые казачками, возятся у воротъ, таская другъ друга за волосы; на дворѣ большіе лакеи и кучеръ въ поддевкѣ стоятъ кучкою и скалятъ зубы или играютъ въ орлянку; поваренки ѣздятъ верхомъ другъ на другѣ, дѣвушки, одѣтыя съ большимъ стараніемъ, рѣзвятся въ горѣлки, пищатъ и хохочутъ, какъ обыкновенно хохочутъ горничныя, не отъ чего-либо смѣшного, а отъ радости, что господа уѣхали. Въ каждомъ сословіи есть непремѣнно свой любимый предметъ для разговора: приказный толкуетъ о дѣлахъ даже и тогда, когда ему въ глаза лѣзутъ мальчики; армейскій капитанъ строитъ комплименты барышнѣ, а самъ такъ и норовитъ поговорить что-нибудь о своемъ полковникѣ; отъявленный франтъ умѣетъ всякій разговоръ окончить сужденіемъ о какомъ-нибудь модномъ фракѣ или плащѣ; игрокъ, довольно молчаливый въ обществѣ, всегда краснорѣчивъ, когда говоритъ объ игрѣ; праздный волокита, ни о чемъ больше не бредитъ, какъ о своихъ часто сомнительныхъ побѣдахъ; помѣщикъ толкуетъ объ урожаѣ; мнимый аристократъ о политикѣ, брюзгливая старуха всегда сплетничаетъ, запоздалая

невѣста всѣхъ злословитъ, докторъ съ женою толкуетъ о практикѣ; мелкій писатель поретъ дичь о литературѣ, стараясь обратить разговоръ на свое пустое сочиненіе; дамы и дѣвушки всѣхъ возможныхъ круговъ, смотря по обстоятельствамъ, говорятъ о политикѣ и о наукѣ, о театрѣ и о балѣ, о музыкѣ и о погодѣ, о башмакахъ и о мужчинахъ, нерѣдко объ ихъ носахъ и даже панталонахъ; словомъ, въ обществѣ бываетъ рѣдкость, когда столкнутся нѣсколько человѣкъ и примутъ общее, нелицемѣрное участіе въ разговорѣ, потому что каждаго и каждую занимаютъ совершенно разные предметы; но общество господскихъ людей лишено этого неудобства: у нихъ у всѣхъ одинъ общій, любимый разговоръ о своихъ господахъ. Когда люди между собою знакомятся, то они не тратятъ время по пустому въ бесѣдахъ о погодѣ, напротивъ, спѣшатъ узнать другъ отъ друга, хороши или худы у нихъ господа. По разумѣнію Московскаго лакея, баринъ его бываетъ добрымъ господиномъ, когда онъ, видя усердную службу, любитъ своего слугу, награждаетъ за вѣрность и не преслѣдуетъ за какую-нибудь маленькую вину, какъ существо, которое будто не должно имѣть никакихъ слабостей; когда онъ его колотитъ по скуламъ за всякую бездѣлицу отъ того только, что возвратился сердитымъ изъ клуба, гдѣ продулся въ пухъ, или поссорился съ актрисою, у которой неожиданно засталъ незнакомыхъ ему гостей. Горничная любитъ своего барина, когда онъ не таскаетъ ее за косы, не ломаетъ ей гребенокъ и не бьетъ понапрасну за то только, что дѣвушка красивѣе своей госпожи и баринъ иногда за нею шибко приволакиваетъ. Она обыкновенно называетъ барыню ангеломъ, когда удачно справляетъ ея маленькія комиссіи и имѣетъ общіе съ нею секреты отъ барина. Человѣкъ говоритъ худо о своемъ господинѣ, когда помѣщикъ не понимаетъ вѣрной службы, и что бы слуга не сдѣлалъ добраго, онъ все смотритъ на него какъ на Хамово сѣмя, когда баринъ плохо кормитъ лакея и только что не говоритъ: ты хоть воруй куръ у сосѣда, а не смѣй просить у меня харчей и обуви. Слуга особенно ругаетъ такого барина, который подъ веселый часъ шутитъ слишкомъ фамиліарно съ человѣкомъ, а потомъ вдругъ задастъ ему такую таску безъ всякой причины; иногда же человѣкъ не любитъ барина за то, что онъ ему не позволяетъ воровать, наряжаться въ господское платье, ходить въ кабакъ и въ распивочную лавку, гдѣ часто собирается очень пріятное общество для Московскаго слуги. Горничная обыкновенно называетъ свою барыню

Архитектурные памятники Москвы начала XIX вѣка. — Яузская больница. — Военный госпиталь.

ехидною, когда та придирается къ ней за всякіе пустяки, не пускаетъ гулять въ праздники, злится, что у дѣвушки хорошенькая талія, слишкомъ полная грудь, и запрещаетъ носить такую прическу, которая нравится горничной, когда злая барыня изъ одного каприза не выдаетъ ее замужъ за лакея-меломана, и когда коварная помѣщица, разлучая нѣжно-любящіяся сердца, между тѣмъ безпрестанно подсматриваетъ за ними, и чуть замѣтитъ какія-нибудь шуры-муры, то какъ разъ меломана упечетъ въ солдаты, а дѣвушку острижетъ и отдастъ замужъ за деревенскаго мужика. Чѣмъ лакей образованнѣе, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ ливрею, объявляющую всѣмъ и каждому, что онъ не что иное, какъ человѣкъ. Онъ обыкновенно старается занять такую должность, которая бы давала возможность ходить безъ галуновъ; нерѣдко лакей чуть не плачетъ, когда по фантазіи Московскаго щеголя, ему приходится носить какія нибудь малиновыя панталоны съ золотою лампасою; въ это время онъ обыкновенно подвергается насмѣшкамъ горничныхъ и задорныхъ мальчиковъ, которые его при всякомъ удобномъ случаѣ называетъ холуемъ. Въ Охотномъ ряду есть трактиръ, куда по раннимъ утрамъ стекаются толпы поваровъ и господскихъ людей разнаго рода. Причина тому слѣдующая: всякій мясникъ или продавецъ овощей спѣшитъ задобрить управителя или повара, покупающихъ у него провизію и для этого, въ особенности при расплатѣ, считаетъ непремѣнною обязанностью ихъ порядочно угостить; въ этотъ же трактиръ уходятъ обыкновенно лакеи съ шубами своихъ господъ, въ то время, когда они блистаютъ въ театрѣ или въ залѣ Благороднаго собранія. Тутъ иногда, при обильномъ распиваніи чаевъ, поглощеніи блиновъ, разсказываютъ люди другъ другу о домашней жизни богатыхъ и бѣдныхъ своихъ господъ и, какъ говорится, порядочно ихъ судачатъ; много открывается здѣсь тайнъ изъ частной жизни празднаго, дѣльца, ученаго, игрока, красавицы, безобразной, вельможи, маленькаго человѣка, и поневолѣ подивишься безразсудству людей, часто ввѣряющихъ случаю честь и спокойствіе своего семейства, полагаясь на скромность болтливой горничной или неуклюжаго лакея, думая, что маленькія тайны ихъ умираютъ вмѣстѣ съ ихъ маленькими преступленіями.

XXIII.

Воровство, пьянство, пороки вообще.

Въ Москвѣ, гдѣ зоркое око Правительства блюдетъ неусыпно за сохраненіемъ правъ личности и собственности каждаго гражданина, вы рѣдко слышите о важныхъ преступленіяхъ. Убійство здѣсь почти неслыханно, грабежи рѣдки и почти невозможны; но какъ при такомъ огромномъ населеніи Москвы, трудно, чтобъ не было людей порочныхъ, то изъ числа всѣхъ преступленій, всего чаще представляются воровство и пьянство. Главныя побудительныя причины воровства—страсть къ пріобрѣтенію и нужда, пьяница ремесленникъ сперва пропиваетъ свои деньги, потомъ одежду и, наконецъ, воруетъ.

Нельзя не упомянуть, съ какимъ рвеніемъ полиція открываетъ преступника и почти нѣтъ примѣра, чтобъ воровство, какое бы то ни было, большое или малое осталось необнаруженнымъ; дѣятельность и бдительность полиціи въ этомъ случаѣ неимовѣрны; мелкіе исполнители ея власти имѣютъ какое-то чутье къ поличному, и воръ не успѣетъ еще спрятать и сбыть похищеннаго, какъ уже оно бываетъ отнято у него рукой правосудія. Сколько съ одной стороны воровство преслѣдуется, столько съ другой порокъ изощряется въ выдумкахъ на незаконное пріобрѣтеніе. Мелкіе воры, или такъ называемые карманники, составляютъ въ Москвѣ между собою такъ называемую компанію и помогаютъ другъ другу по знакомству, единственно изъ-за одолженія, не требуя части изъ добычи, но только равномѣрной услуги при случаѣ. Такимъ образомъ, очень часто гдѣ-нибудь на перекресткѣ или на площади, притворяясь пьяными, они заводятъ между собою ссору, а иногда маленькую драку; въ пять минутъ

ихъ окружаетъ толпа праздныхъ зѣвакъ и, пока ожидаютъ прибытія городового, ссорящіеся помирятся и разойдутся. Между тѣмъ любопытные прозѣвали, кто носовой платокъ, кто табакерку, а иногда часы и кошелекъ. Бываетъ, что мошенникъ, пойманный и уличенный въ воровствѣ, успѣваетъ скрыться отъ наказанія, при помощи своихъ товарищей, которые обыкновенно въ это время, въ виду народа бьютъ вора и, постепенно окруживъ его, отнимаютъ такимъ образомъ у толпы; потомъ, показывая себя ожесточенными мстителями воровства, они принимаютъ на себя обязанность отвести вора въ будку и, отойдя съ нимъ на нѣсколько шаговъ, даютъ ему свободу. Вообще, воровство производится карманниками въ тѣснотѣ; часто капюшонъ щеголя, отрѣзанный наскоро негодяемъ, продается на толкучемъ рынкѣ и идетъ на фуражки; шаль богомольной купчихи лишается своего лучшаго украшенія—углового букета, который мошенникъ за безцѣнокъ уступаетъ знакомой купчихѣ, или отдаетъ даромъ въ полпивной красавицѣ въ кубовомъ платочкѣ. Иногда, при неудачѣ въ воровствѣ, мошенники поднимаются на хитрость; они сочиняютъ фальшивую тревогу, крича жалобнымъ, разрывающимъ душу голосомъ: батюшки, держите, держите, обокрали, ограбили! Со слезами увѣряетъ иной, что у него похитили платокъ съ завязанными въ немъ деньгами, которыя онъ пріобрѣлъ въ кровавомъ потѣ, для уплаты податей или оброка.

Притворяющійся падаетъ въ ноги и вынуждаетъ часто оказывать ему пособіе, отойдя же нѣсколько шаговъ, радостно смѣется онъ надъ легковѣрнымъ благотворителемъ, дѣлитъ деньги съ товарищами и скрывается въ харчевню, гдѣ обыкновенно ихъ всѣ пропиваетъ. Вообще пьян-

ство и остальные пороки существуютъ болѣе между людьми, живущими на фабрикахъ и между мастеровыми, слабо управляемыми отъ своихъ хозяевъ. Эта жизнь бываетъ источникомъ появленія между ними разныхъ болѣзней.

XXIV.

Климатъ, болѣзни.

Климатъ въ Москвѣ умѣренный. Зимніе морозы достигаютъ до 30°, но продолжаются недолго; рѣдко лѣтнія жары превышаютъ 28°, осень преимущественно бываетъ сухая и здоровая, весна—почти всегда непостоянна, но рѣдко сопряжена съ какими-нибудь повѣтріями и болѣзнями. Грозы въ теченіе лѣта не свирѣпствуютъ, среднее число ихъ въ году 11. Почти всегда благорастворенный воздухъ, исключая нѣсколько удушливыхъ дней во время лѣта, причиною весьма малой смертности въ Москвѣ; среднее число умирающихъ въ день—15 человѣкъ. Главныя, господствующія болѣзни въ Москвѣ: горячка, чахотка, апоплексія, параличъ, подагра, водяная, сухотка, цынготная, зубная, насморкъ, глазная, кашель, обыкновенные простудные припадки, ревматизмъ, коклюшъ, золотуха, геморой, скарлатина, корь, оспа, лишаи, ломота и сифилитическая. Болѣзни развиваются преимущественно въ низшемъ классѣ между ремесленниками и фабричными; распространенію ихъ способствуютъ безнравственность, неопрятность и часто невозможность лѣчиться за недостаткомъ средствъ; къ тому же невѣжды, скрывая первоначальное появленіе недуга отъ нерадѣнія, даютъ ему развиться въ высшей степени, предаваясь обычной неумѣренности въ питьѣ и пищѣ. Когда же они достигаютъ до совершеннаго изнеможенія, то по невѣжеству, не прибѣгаютъ къ докторамъ, а лѣчатся у какихъ-то бабъ, мужиковъ и отставныхъ фельдшеровъ, которые такъ сказать, замазываютъ наружные признаки болѣзни, давая ей полный разгулъ въ больномъ тѣлѣ; спустя нѣкоторое время, она и открывается въ немъ еще съ большею силою; тогда только больные обращаются къ совѣту доктора, но въ это время часто исцѣленіе уже невозможно. Впрочемъ, люди, не имѣющіе права лѣчить медицинскими средствами, строго преслѣдуются медицинскою полиціею, а хозяевамъ и содержателямъ фабрикъ строго внушается имѣть неослабный надзоръ за поведеніемъ и опрятностью фабричныхъ, какъ за двумя главными источниками ихъ здоровья.

XXV.

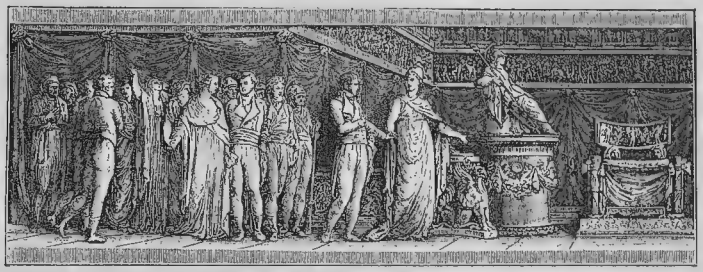
Лѣкари.

Я не буду распространяться здѣсь о доблестныхъ сановникахъ, оказывающихъ великія пользы наукѣ и страждущему человѣчеству. Зачѣмъ хвалить мужей добра и славы; кому неизвѣстно, что каждый день жизни ихъ знаменуется благотвореніемъ ближнему. Они, среди трудныхъ заботъ своихъ, въ больницахъ, призирающихъ убогихъ страдальцевъ, и въ смрадной хижинѣ умирающаго бѣдняка, спѣшатъ подать благодѣтельную руку помощи несчастному и отдалить это страшное для человѣка разставаніе

души съ тѣломъ; они облегчаютъ тяжкія страданія вдовицы и изувѣченнаго воина, первые приближаются къ зараженному язвами и дыханіемъ губительной эпидеміи. Своими глазами видѣли мы этихъ знаменитыхъ сановниковъ, съ самоотверженіемъ спѣшившихъ на помощь къ гибнувшимъ собратамъ, смѣло ратоборствовали они противъ грознаго недуга, исторгая изъ объятій смерти отца семейства, оставлявшаго по себѣ безутѣшныхъ людей, и врачуя тѣло больного, врачевали и его душу, удерживая неимущаго отъ отчаянія и ропота, своими священными благотвореніями. Бывъ сами нѣжными отцами семействъ, они забывали все, что имъ было такъ дорого на свѣтѣ и, увлеченные сладостью благотворенія, неустрашимо выходили на бой со смертью, не требуя ни мзды, ни благодарности, потому что въ благородной душѣ ихъ было лучшее для нихъ воздаяніе — добро, ими сдѣланное и радостное чувство его сознанія. Но перейдемте отъ людей необыкновенныхъ—добродѣтельныхъ, богатыхъ не мелочною, торговою славою, а великою, свѣтлою славою Христіанина-благотворителя, къ людямъ обыкновеннымъ, какихъ большая часть насъ грѣшныхъ, явившихся на короткое время погулять по Божію міру, полюбоваться его звѣзднымъ небомъ, посмотрѣть на птицъ, летающихъ по воздуху, покушать и употребить въ свою пользу различныхъ животныхъ, и наконецъ познакомиться съ подобными себѣ, съ тѣми, которыхъ мы застали уже здѣсь, явившимися для того только, чтобъ принять насъ и угостить, и съ тѣми, которые пришли сюда послѣ насъ, единственно за тѣмъ, чтобъ въ свою очередь проводить по пріятельски домой, на нашу скромную, не совсѣмъ просторную, но спокойную квартиру, куда кто-нибудь изъ насъ каждый день отправляется нехотя; гдѣ мы живемъ уже дружно, не ссоримся, не плачемъ, не кричимъ, какъ это часто дѣлаемъ здѣсь совершенно по пустому, а разрушаясь въ ничтожество, гордо лежимъ на своихъ холодныхъ постеляхъ, безъ желаній, безъ страстей, уже не гоняясь, какъ угорѣлые, за обманчивыми призраками счастья. Перейдемте, говорю, къ мельчайшимъ лѣкарямъ, которыхъ слава еще не начиналась и, можетъ быть, никогда не начнется; къ людямъ, составляющимъ одну непримѣтную песчинку Божьяго созданія, получившимъ въ удѣлъ одну скромную неизвѣстность; къ людямъ, которые, предохраняя насъ отъ смерти, наконецъ, умрутъ и сами, не оставя по себѣ слѣда существованія, какъ не оставляетъ по себѣ никакого слѣда струя въ канавѣ, проведенная во время проливного дождя палочкою празднаго мальчика. Знаете ли, что теперешній вольнопрактикующій лѣкарь въ Москвѣ, и тотъ, котораго вы знавали лѣтъ двадцать пять назадъ,—большая разница; старинный лѣкарь, тогда васъ посѣщавшій, одѣвался часто слишкомъ некрасиво. Онъ ходилъ въ узкихъ, предосудительно короткихъ панталонахъ безъ ремешковъ; только слава, что на немъ сидѣлъ фракъ, застегнутый небрежно на одну пуговицу, но этотъ фракъ былъ поношеніе всѣмъ фракамъ; у него была старая пуховая шляпа съ обломанными краями, совсѣмъ безъ ворса, а зимою, какой-то страшный картузъ съ большими ушами, голова не причесана, шея его обматывалась бѣлою, поношенною косынкою съ грубо-вышитыми уголками, на которыхъ бывали искусственныя и самородныя дырочки; серебряные

часы его походили на луковицу. Подходя къ больному, онъ нерѣдко, безъ всякой церемоніи бралъ его за обѣ скулы такъ, что тотъ невольно высовывалъ языкъ; щупая пульсъ, иногда такъ сильно жалъ руку паціента, что съ больнымъ дѣлалось дурно; при малѣйшей сомнительности болѣзни, онъ дѣлалъ важную мину и говорилъ: гм, да, опасно! не боясь нисколько огорчить больного. Прописывалъ такія гадости, въ такихъ аллопатическихъ пріемахъ, что отъ его лѣкарства буровились всѣ кишки; онъ гладилъ животъ вамъ, щупалъ прочія части тѣла и потомъ, безъ всякихъ околичностей, лѣзъ съ необмытыми руками въ вашъ ротъ, а, прощаясь и получая за визитъ, обыкновенно раскланивался, приговаривая: Богъ милостивъ, вотъ я васъ почищу и все пройдетъ. Но вмѣстѣ, съ быстро развившимся просвѣщеніемъ, не тотъ уже сталъ теперь и самый мелкій лѣкарь въ Москвѣ; онъ танцуетъ въ Благородномъ собраніи, волочится за хорошенькими паціенточками, играетъ по большой игрѣ въ клубѣ; у него фракъ сшитъ по послѣдней модѣ; онъ является къ больному съ благородною, веселою физіономіею, въ золотыхъ очкахъ, щегольскихъ перчаткахъ, развлекаетъ больного и прибаутками и анекдотами; онъ внимателенъ къ нему и предусмотрителенъ, какъ нѣжный отецъ, заботящійся о своемъ дѣтищѣ, говоритъ съ удивительною вѣжливостью: откройте ротъ, покажите вашъ язычекъ или язычечекъ, прищурьте глазки, протяните ножку, позвольте мнѣ посмотрѣть вотъ эту раночку, въ которую иногда можно вложить цѣлый кулакъ; щупаетъ пульсъ осторожно двумя пальцами, какъ будто боясь измять вашу руку, прописываетъ превкусныя лѣкарства въ хорошенькой коробочкѣ и золотой оберточкѣ. У васъ смерть на носу, а онъ вамъ говоритъ, что это ничего, завтра же будете молодцомъ, и успокаиваетъ васъ иногда одною холодною водою. Прощаясь, онъ не протягиваетъ руки, а бѣжитъ изъ комнаты, забывая, что ему надобно получить за визитъ, заставляетъ догонять себя даже въ передней. Когда больной умретъ, то нынѣшній врачъ не прячется отъ своего субъекта, а какъ человѣкъ съ чистой совѣстью, горько плачетъ о немъ, вмѣстѣ съ его семействомъ. Онъ баринъ у себя дома: у его подъѣзда колокольчикъ, квартира прекрасно меблирована, въ его кабинетѣ анатомическіе препараты и дорогія галантерейныя вещи, подаренныя въ знакъ вѣчной памяти; онъ сидитъ въ халатѣ на соболяхъ и читаетъ медицинскіе журналы, слѣдя современные успѣхи; гомеопатіи, гидропатіи и литературы, иногда самъ пишетъ стихами и прозою; словомъ, онъ чудесный человѣкъ въ обществѣ и золотой женихъ. Московскій лѣкарь, имѣющій большую практику, обыкновенно ѣздитъ въ фаэтонѣ, запряженномъ парою лошадей или въ маленькой кареткѣ и, сидя въ экипажѣ, почти всегда читаетъ какую-нибудь книгу; лѣкарь безъ практики обыкновенно путешествуетъ по городу въ плохомъ извощикѣ или по образцу пѣшаго хожденія. Предразсудки такъ сильны, что въ Москвѣ — множество людей, ни за что не повѣрятъ себя лѣчить самому искуснѣйшему врачу, если онъ пріѣдетъ къ нимъ безъ крестовъ на ванькѣ; даже есть и такіе, которые сомнѣваются въ искусствѣ доктора, если онъ не носитъ золотыхъ очковъ, и надобно согласиться, что врачу стоитъ много труда и терпѣнія, чтобы пріобрѣсть себѣ едино-

душную славу въ своенравной публикѣ. Оканчивая эту статью, я могу съ удовольствіемъ, безпристрастно сказать, что всѣ вообще Московскіе врачи всегда отличались и отличаются состраданіемъ къ ближнему. Видя, безпрестанно передъ собою примѣры достойныхъ наставниковъ, уже стяжавшихъ громкую славу не въ одной Москвѣ, они, по первому призыву, спѣшатъ оказать пособіе неимущему, и не было случая, чтобы въ Москвѣ врачъ отказался навѣстить безпріютнаго сироту-горемыку, прибѣгнувшаго къ его помощи.



Великія могилы.

З. И. Шамуриной.

«Дорогіе тамъ лежатъ покойники. Каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку...»

Достоевскій. «Братья Карамазовы», т. I.

Нигдѣ нѣтъ такого простора русской душѣ для культа великихъ могилъ, какъ въ Москвѣ. По древнимъ церквамъ и монастырямъ покоятся далекіе свѣточи русскаго просвѣщенія XVII-го вѣка; на Донскомъ и Новодѣвичьемъ кладбищахъ заростаютъ плесенью и разрушаются обелиски на могилахъ зачинателей нашей литературы; въ каждомъ монастырѣ и на каждомъ кладбищѣ покоятся тѣ, чьи имена вѣчно повторяются въ русской наукѣ, въ русскомъ искусствѣ и литературѣ, о чьемъ гражданскомъ служеніи еще долго будетъ помнить Россія.

Въ XIX-мъ вѣкѣ Петербургъ оттягиваетъ отъ Москвы нашихъ писателей и художниковъ, нашихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. На Волковомъ кладбищѣ по «литературнымъ мосткамъ» чинными рядами покоятся «дорогія могилки». Словно чужеземцы собраны они сюда, въ отведенный имъ уголъ, на поклоненіе и удивленіе потомкамъ.

Въ Москвѣ нѣтъ «литературныхъ мостковъ», нѣтъ пантеона славныхъ именъ. По всѣмъ кладбищамъ, среди близкихъ и безвѣстныхъ, часто окруженные могилами друзей и родныхъ, покоятся наши великіе люди. Крѣпка была связь ихъ съ землей, которой они служили, и приняла она ихъ также ласково и безъ ненужной торжественности, какъ и всѣхъ своихъ сыновъ...

Любопытная бытовая черточка современной Москвы—ея паломничество къ великимъ могиламъ. Больше всего осенью, когда съѣзжается учащаяся молодежь изъ провинціи, длинныя вереницы посѣтителей оживляютъ кладбища. Ищутъ могилу Гоголя, Чаадаева, Грановскаго, Соловьевыхъ, С. Трубецкого и больше всего Чехова.

И администрація кладбищъ привыкла къ этимъ паломникамъ: каждый сторожъ охотно, а подчасъ и горделиво, указываетъ могилы писателей и профессоровъ.

Москва со свойственнымъ русской душѣ идеализмомъ чтитъ свои великія могилы, но плохо заботится о нихъ. Кое-гдѣ, преимущественно на могилахъ ученыхъ и артистовъ, возвышаются солидные памятники, поставленные ихъ почитателями.

Но на большинствѣ могилъ тѣхъ, чье имя еще никѣмъ не забыто—скромный деревянный крестъ съ неразборчивой надписью приходитъ въ ветхость. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ—упадетъ крестъ и исчезнетъ могила.

Особенно разрушаются могилы дѣятелей XVIII-го вѣка, большинство которыхъ погребено въ Донскомъ монастырѣ. Каменная плита поэта Ивана Ивановича Дмитріева, басни котораго заучиваются въ школахъ, стащена съ могилы, перенесена на другое болѣе удобное мѣсто. Разваливается могила М. М. Хераскова, почти невозможно разобрать надпись на памятникѣ В. Л. Пушкина...

Дѣятели XVII-го и начала XVIII-го вѣковъ покоятся въ чертѣ города, по приходскимъ церквамъ и монастырямъ Китай-города. Поэтъ и ученый—Симеонъ Полоцкій похороненъ подъ стѣной трапезной Заиконоспасскаго монастыря на Никольской улицѣ. Въ сосѣднемъ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ — родовой усыпальницѣ князей Кантеміровъ—покоится князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ (1708—1744 г.)—язвительный сатирикъ, литературный сподвижникъ Петровскихъ реформъ.

Въ Армянскомъ переулкѣ около церкви Николы въ Столпахъ похороненъ убитый во время стрѣлецкаго бунта въ 1682 году бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Надъ его могилой въ началѣ XIX-го вѣка по проэкту архитектора Элькинскаго воздвигнутъ изящный классическій павильонъ, уродливо раскрашенный въ позднѣйшее время. Кромѣ государственной дѣятельности Матвѣева, память о немъ хранитъ его культурное увлеченіе театромъ, заразившее московскій дворъ и положившее первое основаніе театральнымъ представленіямъ въ Россіи.

Другой родоначальникъ русскаго театра и первый русскій актеръ, Ѳеодоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763 г.), похороненъ на кладбищѣ Спасо-Андроньевскаго монастыря. Отысканіе его скромной могилы представляется весьма труднымъ дѣломъ.

Всѣ эти могилы, разбросанныя по разнымъ концамъ Москвы, окружены неизвѣстными именами. Но старое кладбище Донского монастыря хранитъ могилы почти всѣхъ великихъ людей Москвы второй половины XVIII-го вѣка. Больше всего здѣсь могилъ поэтовъ и литераторовъ. Къ сожалѣнію, несмотря на тщательные поиски и справки, не удалось найти нѣкоторыхъ могилъ, которыя по печатнымъ источникамъ должны находиться въ Донскомъ монастырѣ.

Здѣсь погребены драматургъ Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777 г.) и граціозный фривольный поэтъ временъ Екатерины Великой—Василій Ивановичъ Майковъ (1778 г.)—но ихъ могилы неизвѣстны.

Недалеко отъ стараго собора около прекраснаго бронзоваго памятника А. П. Кожуховой (изображеніе см. VIII-й выпускъ нашего изданія) стоитъ небольшой памятникъ Михаила Матвѣевича Хераскова (1733 — 1807 г.) — автора героическихъ поэмъ и трагедій и попечителя Московскаго университета. Невысокій памятникъ украшенъ мраморнымъ портретомъ въ профиль и красивой эпитафіей изъ трехъ строфъ, сочиненныхъ повидимому кѣмъ-либо изъ друзей «піита», пользовавшагося когда-то широкой извѣстностью, но теперь упоминающагося только въ исторіяхъ русской литературы:

Здѣсь прахъ Хераскова: скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ даръ ему,
Съ ней музы платятъ дань любимцу своему:
Имъ важенъ даръ пѣвца—мила ей память друга.

Здѣсь дружба слезы льетъ на гробъ
И добродѣтель съ ней скорбитъ;
Пусть прахъ его покоятъ обѣ,
А имя слава сохранитъ.

Восплачьте! Уже пѣвецъ не дышетъ.
На урнѣ лира возлежитъ...
Но ахъ! гордитесь—слава пишетъ
Онъ былъ и Россъ и былъ піитъ.

Бѣдный «любимецъ музъ»! — слава не долго сохранила его имя: его помнятъ теперь только тѣ, кто знаетъ и любитъ русскую литературу. Несмотря на его несомнѣнныя заслуги въ ней, его имя широкой публикѣ почти ничего не говоритъ. О могилѣ же его, видно, забыли всѣ. Памятникъ замѣтно начинаетъ разрушаться.

По близости отъ Хераскова еще забытая, заброшенная могила. Могила человѣка, пользовавшагося когда-то, если не такой громкой, какъ Херасковъ, то все же извѣстностью. Почти рядомъ съ соборомъ въ старой части кладбища, гдѣ памятники нагромождены одинъ на другой, можетъ быть снесены сюда съ разныхъ мѣстъ, вплотную къ какой-то рѣшеткѣ примкнулъ скромный невысокій памятникъ, надписью повернутый къ ней. Надпись почти стерлась: трудно разобрать ее, еле можно прочесть, что «подъ симъ камнемъ погребено тѣло Колѣжского Асессора Василія Львовича Пушкина, скончавшагося въ 1830 году, Августа 20 дня».

Это дядя великаго Пушкина, безтолковый и легкомысленный поэтъ, какихъ много было среди культурнаго барства Москвы.

Около стараго собора еще двѣ славныхъ могилы. Совсѣмъ у самой стѣны его еле возвышается надъ землей поржавѣвшая чугунная плита — совсѣмъ гладкая, безъ всякихъ украшеній, съ простой четкой надписью: «Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ кончилъ жизнь 1856 года 14 апрѣля». Ни перечисленія чиновъ, ни эпитафіи или евангельскихъ изреченій.

И въ суровой простотѣ и сдержанности могилы есть что-то напоминающее о неудавшейся дѣятельности и смятой ужасными условіями Николаевскаго царствованія жизни оригинальнаго мыслителя и благороднаго идеалиста...

Здѣсь же лежитъ откуда-то перенесенная мраморная плита съ могилы поэта Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837 г.). Ее украшалъ бронзовый лавровый вѣнокъ, теперь на половину сломанный. Сохранился памятникъ, но могила потеряна.

Рядъ старыхъ литературныхъ могилъ кладбища Донского монастыря завершаетъ могила писателя 20-ыхъ и 30-ыхъ годовъ, одного изъ членовъ московскаго кружка Веневитинова — князя Владиміра Федоровича Одоевскаго (1804—1869 г.).

Изъ художниковъ начала XIX-го вѣка здѣсь похороненъ талантливый архитекторъ-классикъ Іосифъ Ивановичъ Бове (1785—1834), строитель Тріумфальныхъ воротъ у Тверской заставы, манежа и многихъ барскихъ особняковъ, изъ которыхъ лучшій — кн. Гагарина на Новинскомъ бульварѣ. Небольшой черный памятникъ съ крестомъ и сдержанной надписью: «Благоговѣю передъ Всевышнимъ Промысломъ, но, какъ человѣкъ, оплакиваю потерю мужа и друга».

Внутри церквей Донского монастыря похоронено много государственныхъ и военныхъ дѣятелей конца XVIII-го вѣка — представителей знатныхъ дворянскихъ родовъ.

Въ старой соборной церкви обращаетъ на себя вниманіе громадный памятникъ бѣлаго мрамора, украшенный бронзовыми трофеями и свѣтильниками по угламъ. Это памятникъ надъ могилой фельдмаршала кн. Николая Васильевича Репнина (1734—1801.)

Вторая половина XIX-го вѣка не даетъ ни одной достопамятной могилы Донскому монастырю. Только въ послѣдніе годы въ немъ начинаютъ хоронить московскихъ общественныхъ дѣятелей: тутъ покоится князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой (сконч. 1905 г.) — ректоръ Московскаго Университета, философъ и политическій дѣятель, знаменитый историкъ Василій Осиповичъ Ключевскій (сконч. 1911 г.) и на новомъ кладбищѣ—Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ (сконч. 1910 г.). Вокругъ мѣста, гдѣ онъ погребенъ, большая витрина съ вѣнками, возложенными на могилу славнаго общественнаго дѣятеля.

Не менѣе Донского богатъ великими могилами и Новодѣвичій монастырь. Начиная съ правительницы Софіи, нашедшей вѣчное успокоеніе въ соборной церкви монастыря, тамъ похоронено не мало знаменитыхъ въ той или другой области русскихъ людей.

Близко отъ собора могила поэта и героя-партизана Отечественной войны—Дениса Васильевича Давыдова (сконч. 1839 г.). Высокая плита чернаго мрамора и крестъ на ней—самый обычный типъ памятника—дѣлаетъ малозамѣтной могилу этого человѣка, такъ ярко и красиво прожившаго свой бурный вѣкъ.

Если, войдя въ ворота монастыря, направиться прямо къ собору—то налѣво около стѣны его будутъ могилы Давыдовыхъ. Продвигаясь дальше по стѣнѣ собора, мы встрѣтимъ очень запущенныя могилы двухъ первыхъ русскихъ историческихъ романистовъ Михаила Николаевича Загоскина (1789—1852 г.)—бѣлая мраморная плита, и Ивана Ивановича Лажечникова (сконч. 1869 г.)—простой деревянный крестъ.

Еще дальше, въ той же части кладбища, могила профессора Московскаго университета, историка и археолога Михаила Петровича Погодина (1800—1875 г.). Запущенъ и заброшенъ поставленный на этой могилѣ массивный темный памятникъ «отъ друзей и почитателей». Видно, умерли тѣ, чьи заботливыя руки ставили его.

Между старымъ и новымъ соборами среди старинныхъ памятниковъ начала XIX-го вѣка подъ сѣрой каменной глыбой съ мраморнымъ крестомъ покоится декабристъ князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой (1790—1860 г.). Черезъ дорожку—могила Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго (1820—1881 г.)—знаменитаго романиста.

Надгробные памятники Новодѣвичьяго монастыря вообще отличаются большой скромностью и дѣловитостью, избѣгающей всякихъ украшеній и излишнихъ словъ, всего того, что не относится непосредственно къ назначенію памятника. Это характерное явленіе для 60-ыхъ и 70-ыхъ годовъ, къ которымъ относится большинство могилъ Новодѣвичьяго кладбища.

Около новаго собора возвышается черная плита съ скромной надписью: «Николай Алексѣевичъ Милютинъ родился 6-го іюня 1818 года, скончался 26 января 1872 года»—на могилѣ «кузнеца-гражданина», одного изъ дѣятелей освобожденія крестьянъ.

Налѣво отъ дорожки, ведущей отъ воротъ къ старому собору, за общей рѣшеткой фамильныя могилы Соловьевыхъ и среди нихъ — историка Сергѣя Михайловича (1820 — 1879) и философа-богослова Владиміра Сергѣевича (1853—1900 г.). Бѣлый деревянный крестъ, простой, обвѣшанный иконками, съ горящей у подножія лампадкой — таковъ незамѣтный памятникъ Владиміра Соловьева, заботливо поддерживаемый чьей-то любящей рукой.

Среди могилъ западной части кладбища издалека бросается въ глаза высокій сѣрый памятникъ Антона Павловича Чехова (1860—1904 г.). Массивная, намѣренно грубо отесанная глыба увѣнчана бронзовой крышей съ красивыми главками; мѣдная икона, неразборчивыя буквы надписи и лампада въ древне-русскомъ стилѣ придаютъ памятнику оригинальный характеръ старинной степной могилы: словно уже вѣка пронеслись надъ сѣрымъ камнемъ, а онъ все живъ, какъ живо имя покоющагося подъ нимъ писателя... Густой кленъ нависъ надъ памятникомъ Чехова. Около рѣшетки скамейка и съ ранней весны до поздней осени цѣлыми часами молчаливо сидятъ на ней задумчивыя фигуры посѣтителей.

Недалеко отъ Чехова похороненъ писатель Александръ Ивановичъ Эртель (1855 — 1909 г.) и поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ (1825—1893 г.). Очень красивъ памятникъ Плещеева съ отличнымъ мраморнымъ бюстомъ покойнаго.

На новомъ кладбищѣ, расположенномъ за стѣнами монастыря, недавно похоронена артистка Московскаго Художественнаго театра—Маргарита Георгіевна Савицкая-Бурджалова (сконч. 1911 г.). Совершенно необычное впечатлѣніе, поэтичное и трогательное, производитъ ея могила, вся усѣянная бѣлыми фарфоровыми цвѣтами, съ большимъ крестомъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ...

Въ Даниловомъ монастырѣ похоронено не мало знаменитыхъ русскихъ людей. Въ старой части кладбища, пустынной, густо усѣянной памятниками и бѣлыми стволами березъ, за недавно поставленной прекрасной рѣшеткой вырисовывается высокая черная плита на могилѣ Николая Васильевича Гоголя (1809—1852 г.). На ней нѣтъ украшеній, но рядъ удачно подобранныхъ текстовъ изъ Священнаго Писанія, характеризующихъ жизнь и міровоззрѣніе великаго писателя, придаетъ большую выразительность молчаливому памятнику: «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣются»,—«Мужъ разумный — престолъ чувствія», — «Правда возвышаетъ языкъ»,—«Истиннымъ же уста ихъ исполнитъ смѣха, устнѣ же ихъ исповѣданія». За плитой на каменномъ подножіи высокаго креста надпись: «Ей гряди, Господи Іисусе».

Почти рядомъ съ Гоголемъ похороненъ одинъ изъ близкихъ его друзей, талантливый публицистъ-славянофилъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ (1804—1860 г.). Высокій памятникъ его несетъ надпись: «Блаженни алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся».

Недалеко отъ этихъ двухъ могилъ маленькій скромный крестъ съ надписью: «Декабристъ Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ родился 13-го августа 1804 года, скончался 5-го мая 1892 г.». Это Завалишинъ—авторъ интересныхъ записокъ о видѣнномъ и пережитомъ.

Въ той же части кладбища бросается въ глаза массивный черный памятникъ съ тѣмъ же евангельскимъ изреченіемъ, какъ и у Хомякова, поставленный на могилѣ Юрія Ѳеодоровича Самарина (1819—1876 г.)—«неисправимаго славянофила» по собственному признанію,—одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ эпохи великихъ реформъ.

Около входа въ новую часть кладбища похороненъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ (1835—1881 г.)—видный музыкальный дѣятель, основатель Московской консерваторіи, братъ извѣстнаго композитора. На высокомъ темно-сѣромъ памятникѣ, окруженномъ красивой рѣшеткой, барельефный портретъ покойнаго, окаймленный лаврами.

Направо по центральной дорожкѣ новаго кладбища—могила художника-шестидесятника Василія Григорьевича Перова (1834—1882 г.) съ ординарнымъ памятникомъ, совершенно не выдѣляющимся среди окружающихъ его безвѣстныхъ могилъ.

Въ другомъ концѣ Москвы, въ женскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ похороненъ другъ молодости Перова—одинъ изъ наиболѣе характерныхъ московскихъ художниковъ Иліаріонъ Михайловичъ Прянишниковъ (1840—1894 г.). За невзрачной рѣшеткой на поросшемъ травой холмѣ высится простой деревянный крестъ. На немъ уже выцвѣтшая фотографическая карточка и скромная надпись: «художникъ Иліаріонъ Михайловичъ Прянишниковъ скончался 12 марта 1894 года».

Въ томъ же монастырѣ погребенъ рано умершій, подававшій большія надежды молодой ученый, историкъ западной литературы—Александръ Александровичъ Шаховъ (1850—1877 г.)...

Въ Покровскомъ монастырѣ похороненъ докторъ Николай Андреевичъ Бѣлоголовый (1834 — 1895) — авторъ интересныхъ «Воспо-

минаній» о декабристахъ, Герценѣ, Некрасовѣ, Тургеневѣ и многихъ другихъ выдающихся русскихъ людяхъ. Его памятникъ—темная массивная глыба съ лежащимъ на ней крестомъ—исполненъ по рисунку художника И. С. Остроухова.

Черезъ дорожку отъ Бѣлоголоваго среди могилъ купеческаго рода Боткиныхъ—бѣлый мраморный памятникъ надъ могилой писателя Василія Петровича Боткина (1811—1869 г.)—одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ литературныхъ кружковъ 40-хъ годовъ. Дружбой Боткина дорожили Бѣлинскій и Грановскій; авторитетнымъ считалось его мнѣніе въ кругу лучшихъ русскихъ артистовъ и писателей.

Въ далекомъ Симоновомъ монастырѣ, когда-то въ одномъ изъ наиболѣе поэтичныхъ уголковъ Москвы, а теперь окруженномъ лѣсными складами и желѣзно-дорожными путями, нашелъ послѣдній пріютъ юноша-поэтъ и философъ Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ (1805—1827 г.). На его могилѣ красивая и выразительная эпитафія:

«Какъ зналъ онъ жизнь,
«Какъ мало жилъ!..»

Здѣсь же похорены писатели Аксаковы: отецъ—Сергѣй Тимофѣевичъ (1791—1859 г.) и сынъ Константинъ Сергѣевичъ (1817—1860 г.)—одинъ изъ идейныхъ вождей московскаго славянофильства.

Самое большое и самое населенное кладбище въ Москвѣ—Ваганьково. Тамъ погребено много художниковъ, писателей, цѣлый рядъ профессоровъ Московскаго университета и почти всѣ московскіе артисты, начиная чуть не съ первыхъ піонеровъ драматическаго искусства. Есть цѣлые уголки, занятые исключительно артистическими могилами. Судя по эпитафіямъ на многихъ изъ нихъ, въ нихъ покоятся прославленныя въ свое время знаменитости, любимцы публики, но теперь большинство забыты и имена ихъ оставляютъ насъ равнодушными. Только немногія до сихъ поръ вспоминаются съ благоговѣніемъ и любовью...

Вотъ гранитная, довольно, высокая колонна съ выгравированной на ней золотыми буквами эпитафіей:

«Ты слылъ безумцемъ въ мірѣ этомъ
«И бѣднякомъ ты опочилъ
«И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
«Земное счастье находилъ.
«Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
«Оправданъ вѣчности Отцомъ:
«Вѣщалъ онъ, что премудрость міра—
«Безумство предъ его судомъ» (Коринф. 3, 14).

Подъ этимъ памятникомъ, поставленнымъ почитателями таланта, погребенъ тотъ, кто такъ долго былъ гордостью русской сцены—геніальный артистъ Павелъ Степановичъ Мочаловъ (сконч. 1848 г.). Могила поддерживается и охраняется на средства театральнаго общества.

Дальше идутъ могилы не столь славныхъ, но все же извѣстныхъ въ свое время и не совсѣмъ еще забытыхъ теперь артистовъ.

Неподражаемый комикъ, популярный какъ никто въ Москвѣ, вокругъ имени котораго слагалась масса анекдотовъ и легендъ—Василій Игнатьевичъ Живокини (1806—1874 г.); Сергѣй Васильевичъ Шумскій (1821—1878), на могилѣ котораго красивый памятникъ—высокая бѣлая колонна съ портретнымъ барельефомъ; Сергѣй Васильевичъ Васильевъ (1827—1862); Иванъ Васильевичъ Самаринъ—талантливый артистъ и преподаватель драматическаго искусства, воспитавшій для театра многихъ современныхъ ветерановъ сцены—Ѳедотову, Никулину и другихъ,—и рядъ другихъ, поднявшихъ въ 50-хъ годахъ московскій Малый театръ на почти недосягаемую высоту, покоятся въ разныхъ концахъ Ваганьковскаго кладбища.

И тамъ же нѣсколько могилъ артистовъ болѣе молодого поколѣнія. Рядомъ стоятъ памятники Александра Александровича Ѳедотова (сконч. 1910 г.) и Николая Игнатьевича Музиля (1841—1908 г.) и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ—бѣлый деревянный крестъ, осыпанный массой вѣнковъ, надъ могилой Ѳеодора Петровича Горева (сконч. 1909 г.).

Вблизи церкви черный мраморный съ крестомъ памятникъ, подъ которымъ «погребено тѣло почившаго въ Бозѣ раба Божія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексія Николаевича Верстовскаго». Это—могила композитора Верстовскаго (1799—1862 г.)—автора популярной когда-то оперы «Аскольдова могила», одного изъ первыхъ создателей національной русской музыки...

На Ваганьковомъ кладбищѣ похоронены художники: пейзажистъ Саврасовъ, портретистъ первой половины 19-го вѣка Тропининъ и Полѣнова.

На могилѣ Тропинина—черный невысокій памятникъ съ надписью, говорящей о томъ, что «здѣсь погребено тѣло академика Россійской Императорской академіи художествъ художника Василія Андреевича Тропинина (1776—1857)».

Трудно придумать что-нибудь бѣднѣе и скромнѣе могилы популярнаго пейзажиста Саврасова, автора картины «Грачи прилетѣли». Близко отъ края дорожки, заросшій травой, стѣсненный двумя стоящими рядомъ памятниками, словно втиснутый въ нихъ, невысокій могильный холмъ съ небольшимъ бѣлымъ деревяннымъ, совсѣмъ простымъ крестомъ. На крестѣ маленькая дощечка: «академикъ Алексѣй Кондратьевичъ Саврасовъ родился 12 мая 1830 года, скончался 26-го сентября 1897 года».

Недалеко отъ Саврасова могила Елены Дмитріевны Полѣновой (1850—1898 г.). Тоже деревянный крестъ, но изящный, массивный, изъ темнаго дуба съ красивыми рѣзными украшеніями и рѣзными надписями. Красныя, обведенныя чернымъ, буквы вырисовываются на темномъ фонѣ креста...

На Ваганьковомъ кладбищѣ находится могила еще одного человѣка, много сдѣлавшаго для русскаго искуства—Егора Ивановича Маковскаго (1802—1886)—отца извѣстныхъ художниковъ К. и Вл. Маковскихъ и одного изъ основателей Московскаго Училища Живописи, Ваянія и Зодчества...

На томъ же кладбищѣ похоронены Владиміръ Ивановичъ Даль (1801—1872 г.)—писатель-этнографъ, собиратель народныхъ пословицъ и поговорокъ, и Александръ Ивановичъ Левитовъ (1835—1877 г.)—одна изъ трагическихъ фигуръ русской литературы. Талантливый писатель изъ народнаго быта, по словамъ эпитафіи на памятникѣ, «изобразившій горе селъ и дорогъ», онъ умеръ, не сдѣлавъ и половины того, что могъ бы сдѣлать по своимъ недюжиннымъ силамъ. Онъ похороненъ среди товарищей-писателей—совершенно забытыхъ теперь—М. А. Воронова и М. И. Орфанова (Мишла). И красный гранитный памятникъ поставленъ надъ могилами всѣхъ трехъ...

Довольно оригинальный памятникъ на могилѣ профессора Московскаго университета академика Степана Петровича Шевырева (1806—1864) поставленъ его друзьями, товарищами и учениками. На большой, теперь обросшей мхомъ, каменной глыбѣ съ водруженнымъ на ней крестомъ брошены три сдѣланныя изъ мрамора книги: «Исторія поэзіи», «Исторія русской словесности», «Теорія поэзіи»—три предмета лекціи покойнаго профессора.

На Ваганьковомъ же кладбищѣ могилы двухъ популярныхъ профессоровъ Московскаго университета: Николая Ильича Стороженко (1836—1903 г.)—бѣлый мраморный изящный крестъ, и экономиста Александра Ивановича Чупрова (сконч. 1909 г.)—бѣлый массивный памятникъ.

Недалеко отъ памятника Е. Д. Полѣновой за рѣшеткой деревянный крестъ надъ могилой Ивана Егоровича Забѣлина (1820—1909 г.)—славнаго историка Москвы. Около креста цвѣты, горитъ лампада—чувствуется, что могила не забыта...

На Пятницкомъ кладбищѣ за Крестовской заставой похороненъ пѣвецъ горя народнаго, поэтъ-самоучка Иванъ Захаровичъ Суриковъ (1841—1880). Въ глубинѣ кладбища около одной изъ дальнихъ сторожекъ за крашеной зеленой оградой два скромныхъ памятника. Сѣрый крестъ—на могилѣ поэта, красный крашеный—на могилѣ его матери. На обратной сторонѣ памятника Сурикова вырѣзано характерное стихотвореніе:

«Мы родились для страданій,
«Но душой въ борьбѣ не пали;
«Въ темной чащѣ испытаній
«Наши пѣсни мы слагали.
«Въ этихъ пѣсняхъ милліоны
«Мукъ душевныхъ мы считаемъ,
«Наши пѣсни, наши стоны
«Мы счастливымъ завѣщаемъ».

Могилы содержатся чисто, вокругъ посыпано пескомъ и бѣдность памятника не кажется обидной, въ ней есть что-то связанное съ личностью и творчествомъ народнаго поэта.

Недалеко отъ могилы Сурикова на большомъ огороженномъ, такъ называемомъ мѣстѣ Грановскаго, находится цѣлый рядъ могилъ. Среди

нихъ за красивой чугунной рѣшеткой поднимается стройный, очень высокій обелискъ—памятникъ, поставленный студентами Московскаго университета надъ могилой популярнаго профессора-идеалиста Тимофея Николаевича Грановскаго (1813—1855 г.).

Въ той же оградѣ, въ одномъ изъ угловъ ея рядомъ съ могилами своихъ сыновей похороненъ геніальный исполнитель роли городничаго—артистъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ (1788—1863 г.), пользовавшійся большими симпатіями и уваженіемъ лучшихъ людей своего времени—Гоголя, Пушкина, Бѣлинскаго. На его могилѣ черная глыба—памятникъ, поставленный друзьями и почитателями таланта—«М. С. Щепкину—артисту и человѣку».

Еще одинъ великій дѣятель русской сцены похороненъ на томъ же кладбищѣ—Провъ Михайловичъ Садовскій (сконч. 1872 г.)—превосходный исполнитель типовъ Гоголя, Островскаго, одинъ изъ лучшихъ сценическихъ истолкователей Мольера. Рядомъ съ нимъ—недавно умершій сынъ его Михаилъ Провичъ (1847—1910 г.)—артистъ Малаго театра, памятный многимъ москвичамъ своими выступленіями въ русской бытовой комедіи и прежде всего въ пьесахъ Островскаго.

Вблизи Садовскихъ, но по другую сторону церкви, подъ желѣзнымъ защитнымъ павильономъ фамильное мѣсто погребенія графовъ Растопчиныхъ. По серединѣ—невысокая каменная плита надъ могилой графа Ѳеодора Васильевича (1765—1826 г.)—главнокомандующаго Москвы въ 1812 году, прославившагося своими фанатично-патріотическими воззваніями къ народу. На плитѣ имъ самимъ сочиненная эпитафія «среди своихъ дѣтей покоюсь отъ людей». И дѣйствительно—онъ здѣсь среди своихъ многочисленныхъ родственниковъ...

На Пятницкомъ кладбищѣ похоронена еще одна изъ интересныхъ личностей Александровскаго времени—Екатерина Филипповна Татаринова (1783—1856 г.)—основательница мистико-религіознаго кружка, имѣвшаго не мало членовъ среди образованныхъ людей того времени.

Загубленный Николаевскимъ режимомъ поэтъ Александръ Ивановичъ Полежаевъ (сконч. 1836 г.) похороненъ на одномъ изъ самыхъ демократическихъ кладбищъ Москвы—на Семеновскомъ. За шуточную поэму изъ студенческой жизни «Сашка» Полежаевъ былъ отданъ въ солдаты, запилъ не выдержавъ тяжелыхъ условій военной жизни и умеръ отъ чахотки, всѣми оставленный и забытый.

На Даниловскомъ кладбищѣ могила Павла Михайловича Третьякова (1832—1898 г.)—создателя городской художественной галлереи.

На Еврейскомъ Дорогомиловскомъ кладбищѣ покоится великій пейзажистъ Исаакъ Ильичъ Левитанъ (1836—1900 г.)

На Армянскомъ—Гавріилъ Аветовичъ Джаншіевъ (р. 1851 г.).

На Иновѣрческомъ, что на Введенскихъ горахъ, кладбищѣ еще одна великая могила. Тамъ погребенъ «святой докторъ» Ѳеодоръ Петровичъ Гаазъ (1780—1853 г.). Вокругъ его могилы красивая чугунная рѣшетка съ бронзовыми украшеніями и портретнымъ барельефомъ На рѣшеткѣ

висятъ цѣпи—напоминаніе о каторжникахъ, тяжелую долю которыхъ такъ старался скрасить и облегчить покойный.

На пьедесталѣ памятника несложныя, но многозначительныя слова—«спѣшите дѣлать добро», служившія девизомъ этой прекрасной христіанской жизни»...

Есть странное свойство у могилъ тѣхъ, кто оставилъ по себѣ добрую память, чье имя хранится въ сердцахъ не только близкихъ, но и народа: онѣ не вызываютъ печали и передъ ними не хочется думать о смерти.

Онѣ зовутъ къ жизни, къ борьбѣ, къ труду. Онѣ говорятъ о безсмертной мощи добра, красоты и подвига. Сквозь мелкіе уколы и терніи личныхъ страданій зовутъ онѣ впередъ, вселяя огненную вѣру въ великое будущее.

И не тосковать хочется, бродя среди этихъ могилъ, а гордиться за народъ и за городъ, имѣющій ихъ...

З. И. Шамурина.

Списокъ фото-тинто-гравюръ, помѣщенныхъ въ 10-мъ выпускѣ.

Листъ.

1. Домъ и церковь въ подмосковной кн. Голицыныхъ «Дубровицы».
2. Готическій мостъ въ подмосковной «Марьино».
3. Домъ Московскаго Университета на Моховой.
4. Домъ Леонтьевыхъ.
5. Зданіе Городской больницы,
6. Зданіе Голицынской больницы.
7. Въѣздъ въ Москву Императора Николая I во время коронованія: а) на Красной площади, б) въ Кремлѣ.
8. Подмосковная гр. Шереметева—Кусково. Виды «Служебъ».
9. Деревянный домъ въ Сытинскомъ переулкѣ.
10. Александро-Маріинскій институтъ.
11. Парадъ войскъ и Высочайшій смотръ на Красной площади при открытіи памятника Минину и Пожарскому, съ совр. гравюры.
12. Зданіе 6-й Мужской гимназіи.
13. Зданіе Большого театра.
14. Румянцевскій музей.
15. Николаевскій Сиротскій институтъ, бывшій дворецъ гр. Разумовскаго.
16. Мясоѣдовъ. Салонъ Зинаиды Волконской въ Москвѣ.
17. Архитектурные памятники. Москва. Вдовій домъ и Тріумфальныя ворота, боковой фасадъ.
18. Въ паркѣ дома Найденова.
19. Домъ бывшій Селезневыхъ на Пречистенкѣ.
20. Домъ Государственнаго банка на Никитскомъ бульварѣ.
21. Зданіе Екатерининской больницы.
22. Два вида Меншиковой башни на Чистыхъ прудахъ.
23. Домъ Соколъ въ Богословскомъ переулкѣ.
24. Кремль 14-го мая 1896 года.
25. Торжественное Шествіе 14-го мая 1896 г.
26. Торжественное Шествіе 14-го мая 1896 г.
27. Старое зданіе Московскаго Университета.
28—29. Архитектурные памятники Москвы начала XIX вѣка. Яузская больница: «Военная Гошпиталь».
30. Развалины дворца въ Царицынѣ подъ Москвой.
31. Барскій домъ въ бывшей подмосковной кн. Урусова. Марьино.
32. Пожаръ Москвы. (Съ старинной гравюры).
33—34. Москва 30-го сентября 1812 г. 2) Москва 12-го сентября 1812 г. раб. Фабръ-дю-Фора. Изъ собр. П. И. Щукина.
35—36. Москва 26-го сентября 1812 г. 2) Наполеонъ подъ стѣнами Кремля 1812 г. раб. Фабръ-дю-Фора. Изъ собр. П. И. Щукина.

Главная Контора: МОСКВА, Тверская, Камергерскій пер., д. 4, противъ Художествен. театра. Тел. 245-30.

Негативы сдѣланы собственной фотографіей Т-ва „ОБРАЗОВАНІЕ“.

Воспроизведеніе ВОСПРЕЩАЕТСЯ и будетъ преслѣдоваться.

№ 10.

Всѣ иллюстраціи печатаны въ собственномъ Графическомъ Институтѣ по способу фотоинтиногравюра, только намъ принадлежащему во всей Россіи.